

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

В. В. Намнясева

**ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ НОРМ,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ОХРАНУ
ИНТЕРЕСОВ ПРАВОСУДИЯ**

Монография

Волгоград
ВА МВД России
2023

УДК 343.36
ББК 67.408.143
Н 24

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

Намнясева, В. В.

Н 24 Особенности построения системы норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану интересов правосудия : монография / В. В. Намнясева. – Волгоград : ВА МВД России, 2023. – 144 с.

ISBN 978-5-7899-1506-6

Монография посвящена анализу проблем законодательной регламентации ответственности за преступления против правосудия, прежде всего, конструктивных элементов и особенностей построения системы норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану интересов правосудия. Исследовано влияние норм международного права на систему российского уголовного законодательства в этой сфере. Оцениваются особенности и возможности использования зарубежного опыта законодательного конструирования вышеуказанных норм. Рассмотрены межотраслевые и внутриотраслевые связи норм, регламентирующих ответственность за преступления против правосудия. Выводы, полученные автором в процессе исследования, помогут устранить недостатки конструирования системы уголовно-правовых норм, направленных на обеспечение охраны интересов правосудия.

Издание адресовано курсантам, слушателям, адъюнктам и педагогическим работникам образовательных организаций системы МВД России.

УДК 343.36
ББК 67.408.143

Рецензенты: профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России доктор юридических наук, доцент *А. В. Никуленко*; заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России доктор юридических наук, доцент *Н. Ш. Козаев*.

ISBN 978-5-7899-1506-6

© Намнясева В. В., 2023
© Волгоградская академия МВД России, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Структурирование системы норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану интересов правосудия.....	6
Глава II. Влияние норм международного права на систему российского уголовного законодательства в сфере охраны интересов правосудия. Зарубежный опыт законодательного конструирования норм, направленных на уголовно-правовую охрану интересов правосудия.....	49
Глава III. Межотраслевые и внутриотраслевые связи норм, регламентирующих ответственность за преступления против правосудия	97
Библиографический список	128

ВВЕДЕНИЕ

Общество, государство всегда заботились об охране судебной власти. В уголовном законодательстве всех стран присутствуют нормы, обеспечивающие охрану интересов правосудия. Основными критериями оценки гражданами качества национального уголовного законодательства являются результативность и эффективность его применения, о которых они в первую очередь могут судить, будучи вовлеченными в процесс судопроизводства в качестве участников. К сожалению, на современном этапе можно констатировать снижающийся авторитет судебных и правоохранительных органов. Угрозы и насилие в отношении участников судопроизводства, дача ложных показаний, отказ от дачи показаний, ложный донос, обращение граждан для восстановления и защиты своих законных прав и интересов не в судебные органы, а в различного рода организации (от легальных до откровенно криминальных), «решающих все проблемы», становятся довольно распространенными явлениями. По результатам проведенных различными учеными социологических исследований, более 70 % опрошенных полагают, что современный российский суд необъективен, рассчитывать на достижение справедливости не стоит, и «все дело в цене». Неверие граждан в справедливое правосудие, способность государства защитить права и обеспечить безопасность лиц, ставших участниками судопроизводства, теневая юстиция, правовой нигилизм – все эти явления становятся все более масштабными. Речь идет о проблеме на государственном уровне. Конечно, такие явления обусловлены целым комплексом причин, однако не последнее место среди них занимают проблемы законодательной регламентации ответственности за преступления против правосудия.

Исследование норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану интересов правосудия, представляет повышенный интерес и с точки зрения анализа использования возможностей юридической техники. Отметим, что гл. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ) не является единичной, нетиповой главой (в отличие, например, от преступлений против военной службы и преступлений против мира и безопасности человечества). Нормы, регламентирующие ответственность за посягательства на интересы право-

судия, представляют удачное поле для многоаспектных исследований в силу целого ряда обстоятельств: наличие явного влияния международного права на национальное законодательство; четко прослеживаемые межотраслевые и внутриотраслевые связи; существующая проблема определения объекта данных преступлений и, следовательно, круга норм, подлежащих включению в соответствующую главу Особенной части Уголовного кодекса; наличие в рассматриваемых нормах различных видов диспозиций и санкций; использование в гл. 31 УК РФ различных конструкций составов преступлений; возможность совершения преступлений против правосудия как общим, так и специальным субъектом; наличие в гл. 31 УК РФ норм, выступающих в качестве общих по отношению к ряду специальных, расположенных как в этой же главе, так и в других главах Особенной части УК РФ; в то же время ряд норм, размещенных в других главах Особенной части УК РФ, выступает в качестве общих по отношению к нормам гл. 31; использование в качестве особого приема законодательной техники различных видов примечаний к статьям УК РФ; отсутствие постановлений Пленума Верховного Суда РФ, раскрывающих содержание анализируемых норм на основе обобщения судебной практики (несмотря на трудности, возникающие при их применении).

Таким образом, на основе анализа норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану интересов правосудия, возможно исследование всего многообразия приемов юридической техники, что позволит выработать обобщенный алгоритм моделирования, применимый для построения других глав Особенной части УК РФ. Изложенные обстоятельства, определяя актуальность поднятой проблемы, послужили основанием для выбора автором темы настоящего исследования.

ГЛАВА I. СТРУКТУРИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ НОРМ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ОХРАНУ ИНТЕРЕСОВ ПРАВОСУДИЯ

Построение научно обоснованной структурированной системы норм, регламентирующих ответственность за преступления против правосудия, дает возможность определить их характерные черты, качественные особенности, выявить неточности и пробелы в законодательной регламентации ответственности за совершение анализируемых преступлений и с учетом этого предлагать оптимальные конструкции уголовно-правовых норм и прогнозировать необходимость закрепления новых составов. Как неоднократно отмечалось, «эффективно функционирующая правовая система отличается внутренним и внешним единством, стабильной организационной структурой, наличием конкретных механизмов, обеспечивающих ее целостность»¹.

К сожалению, анализ современного состояния национального законодательства и российской правовой системы в целом все чаще «сопровождается использованием терминов „несогласованность“, „диспропорция“, „противоречивость“, „несистемность“, „неполнота“, „дефектность“, „кризис“ и т. п.»².

В настоящее время системе российского законодательства свойствен целый ряд негативных явлений, связанных, в первую очередь, с нарушениями системно-структурных связей правовых норм, отсутствием понимания законодательства как целостной внутренне непротиворечивой системы, построенной в соответствии с определенными принципами и правилами. К числу таких явлений относятся пробелы в праве и правовая инфляция, межотраслевые и внутриотраслевые коллизии, включение в закон многочисленных исключений из правил, законодательное закрепление субъективных прав, не обеспеченных корреспондирующими юридическими обязанностями, и т. п.

¹ Денисова А. В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 3.

² Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 47.

Тезис о том, что на современном этапе не приходится говорить о высоком уровне стабильности и эффективности системы российского национального законодательства, не нуждается в доказывании. УК РФ за годы своего действия подвергся многочисленным изменениям. Уголовное законодательство постоянно дополнялось, изменялось, перекраивалось. Существуют статьи, в которые изменения вносились по 5–10 раз. Из УК РФ исключаются и вновь возвращаются (причем иногда в худшей редакции) одни и те же нормы. Ситуация порой начинает носить абсурдный характер. К сожалению, в настоящее время в России преобладает рефлексивный подход к формированию приоритетов уголовно-правовой политики, который складывается путем спонтанного реагирования на криминологическую обстановку и развивается по линии наименьшего сопротивления¹. При этом иногда решения об изменении законодательства не отличаются продуманностью и последовательностью. В отдельных случаях поправки принимаются без учета системно-структурных связей уголовно-правовых норм, игнорируется понимание уголовного законодательства как целостной, внутренне непротиворечивой системы, построенной в соответствии с определенными принципами и правилами. Такое законотворчество способствует появлению разнообразных дефектов и деформаций в отраслевой системе, ослаблению ее целостности, что чревато деградацией отрасли уголовного права².

По изучении правотворческой деятельности последних лет можно констатировать, что научная обоснованность принимаемых нормативных правовых актов далека от желаемой. Подобный недостаток характерен как для первичного, так и вторичного законотворчества. По данному поводу представляется уместным привести высказывание В. И. Гладких: «...законодательная практика последних лет наводит на мысль, что научная деятельность и практическое законотворчество идут параллельными путями, которые, как известно, никогда не пересекаются»³. К сожалению, случаи, когда практически

¹ См.: Клейменов М. П. Понятие уголовно-правовой политики // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 4. С. 28.

² См.: Денисова А. В. Указ. соч. С. 4.

³ Гладких В. И. Парадоксы современного законотворчества: критические заметки на полях Уголовного кодекса // Российский следователь. 2012. № 11. С. 15.

сразу после принятия очередной законодательной новеллы появляются критические публикации, в которых анализируются ее дефекты, становятся в настоящее время все более распространенными. Несомненно, уголовное законодательство должно совершенствоваться, однако при этом нельзя, руководствуясь соображениями практической целесообразности и политической конъюнктуры, допускать появление многочисленных коллизий, неясностей, противоречий, а также повальное внедрение в закон исключений из правил.

Учеными неоднократно отмечалось, что «кризисные тенденции в праве приобретают системный характер, охватывают все новые моменты и грозят стать серьезной девальвацией данного института, без которого цивилизованное общество существовать не может»¹. Н. А. Лопашенко совершенно справедливо утверждает, что недостатки законодательной техники и ее состояние по некоторым уголовно-правовым нормам являются самостоятельным криминогенным фактором, порождающим не просто отклоняющееся, но и преступное поведение².

Значительное количество граждан России не удовлетворены качеством защиты государством их прав и свобод, состоянием борьбы с преступностью. К сожалению, можно также констатировать снижение авторитета судебных и правоохранительных органов. Неверие граждан в справедливое правосудие, теневая юстиция, правовой нигилизм становятся все более масштабными. Речь идет уже не об отдельных негативных моментах, а о проблеме на государственном уровне. Конечно, перечисленные явления обусловлены целым комплексом причин, однако не последнее место среди них занимает неэффективность уголовно-правового воздействия. Именно качеством уголовно-правового регулирования, формулировками уголовно-правовых запретов и особенностями реализации ответственности за их нарушение в значительной степени обусловлено стабильное развитие общества. Высказывания С. О. Богородского и Ф. М. Вольтера о том,

¹ Власенко Н. А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 40.

² См.: Лопашенко Н. А. Недостатки законодательной техники Уголовного кодекса России как препятствие для его эффективного применения и криминогенный фактор // Международное и национальное уголовное право: проблемы юридической техники: материалы конф. М., 2004. С. 49.

что «правосудное и неослабное исполнение уголовных законов есть одно из вернейших ручательств благоустройства общественного и спокойствия частных лиц»¹, «плохая юриспруденция умножает преступления»², остаются актуальными и сегодня. И наоборот, в силу особенностей предмета и методов регулирования любые недостатки, да и просто погрешности именно в уголовном законодательстве наиболее травматичны для общества и государства.

Построение научно обоснованной структурированной системы норм, регламентирующих ответственность за преступления против правосудия, дает возможность определить их характерные черты, качественные особенности, выявить наличие неточностей и пробелов в законодательной регламентации ответственности за совершение анализируемых преступлений и с учетом этого предлагать оптимальные конструкции уголовно-правовых норм и прогнозировать необходимость закрепления новых составов.

Своеобразным способом познания и источником знаний о рассматриваемом явлении или процессе является уголовно-правовая классификация. С. В. Познышев отмечал, что «классификация – это первый и чрезвычайно важный шаг, который должен сделать исследователь всякой разнообразной группы явлений. Как прием изучения, классификация имеет двоякое значение для научного исследователя: со стороны внешней, это – прием, который вносит в изучение систему и порядок; со стороны внутренней, это прием, который предопределяет полноту и правильность выводов изучения»³.

Проблема классификации преступлений против правосудия остается дискуссионной с 1960 г., когда впервые в истории советского уголовного законодательства в кодексе появилась специальная глава, выделяющая интересы правосудия в качестве родового объекта уголовно-правовой защиты. Традиционно в теории уголовного права в качестве классификационных критериев рассматриваемых преступлений используются особенности объекта и субъекта

¹ Богородский С. О. Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII века. Киев, 1862. Т. 1. С. 1.

² Вольтер Ф. М. Избранные произведения по уголовному праву и процессу / под ред. А. Герцензона (предисл.); пер. с фр. Н. Лапшина. М., 1956. С. 102.

³ Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. С. 5.

преступления¹. И не утратила актуальности полемика не только о том, какие именно классификационные группы выделять в зависимости от данных критериев, но и о том, какой из критериев более приемлем, более нужен, более значим как для доктрины уголовного права, так и для нужд законотворчества и правоприменения.

Уголовно-правовая классификация представляет собой сложный механизм и является не только способом познания, но и своеобразным источником знаний о рассматриваемом явлении или процессе. Упорядочение элементов системы в процессе классификации направлено на повышение эффективности функционирования системы в целом. Говоря о значении классификации в уголовном законодательстве, А. П. Кузнецов отмечал, что «при ее умелом использовании содержание отдельных правовых норм уголовного законодательства становится понятным, а при ее игнорировании – напротив, сложным, недоступным и безгранично неопределенным»². Н. Г. Кадников указывал, что классификация «помогает систематизировать нормативный материал, вычленив основные правовые понятия и институты, способствует более эффективному применению норм права; обеспечивает возможность более глубокого познания классифицируемых объектов, установления их общих закономерностей и объективных свойств»³.

Для того чтобы классификация стала действительно эффективным средством познания явлений объективной действительности, необходимо «предварительное выяснение общих принципов, функций и задач классификации вообще, которые бы обеспечивали правильное и глубокое решение вопросов конкретной классификации»⁴. Рассмотрению классификации преступлений должно предшествовать

¹ Изначально для юридической литературы было характерно построение структурированной системы преступлений против правосудия в зависимости от особенностей субъекта посягательства.

² Цит. по: Маршакова Н. Н. Классификация в российском уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ) / авт., вступ. ст. А. П. Кузнецова. Н. Новгород, 2009. С. 9, 10.

³ Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 11.

⁴ Кривоченко Л. Н. Классификация преступлений. Харьков, 1983. С. 18.

уяснение основных положений общей теории классификации, философское освоение проблемы¹.

Классификация является одним из наиболее распространенных приемов юридической техники, с помощью которого множество наблюдаемых явлений подразделяется на основные группы, классы, виды, входящие в общую систему и составляющие единое целое. Проблема классификации сложна и многогранна и может рассматриваться в различных аспектах (философском, экономическом, юридическом). Еще в трудах древнегреческих философов Платона, Аристотеля затрагивались проблемы, связанные с делением понятий².

Термин «классификация» заимствован из латинского языка и означает распределение по разрядам (*clasis* – разряд, *fasio* – делаю). В Словаре русского языка классификация определяется как система распределения каких-либо однородных предметов или понятий по классам, отделам и т. п. по определенным общим признакам³. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля указывается: «классифицировать – размещать, распределять, разделять на разряды и порядки»⁴. В Словаре современного русского литературного языка классификация толкуется как «распределение предметов или понятий какой-либо области на классы, отделы и т. п. по определенным общим признакам»⁵.

¹ В разработке общей теории классификации принимали участие многие ученые. См., напр.: Кедров Б. М. Классификация наук. Кн. 1. М., 1961; Чупахин И. Я. Понятие и методы научной классификации объектов исследования // Вопросы диалектики и логики. Л., 1964. С. 17–32; Джахая Л. Г. Классификация наук как философская и науковедческая проблема. Сухуми, 1969; Фалин Л. Н. Логическая структура классификации // Философские науки. 1971. № 3. С. 74–82; Шрейдер Ю. А. Логика классификации // Научно-техническая информация. 1973. Сер. 2, № 5. С. 3–7; Мейн С. В., Шрейдер Ю. А. Методологические аспекты теории классификации // Вопросы философии. 1976. № 12. С. 67–69; Воронин Ю. А. Теория классифицирования: надежда и действительность. Новосибирск, 1981; Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986; и др.

² См.: Платон. Соч. М., 1970. Т. 2. С. 209; Аристотель. Соч. М., 1978. Т. 2. С. 54, 55.

³ См.: Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981. С. 54.

⁴ Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2 / под ред. В. И. Даля. М., 1989. С. 114.

⁵ Словарь современного русского литературного языка / под ред. С. Г. Бархударова. М.; Л., 1956. Т. 5. С. 995.

Основным свойством научной классификации считается распределение объектов на отдельные классы в соответствии с их объективными общими и отличительными признаками, с их закономерностями и взаимозависимостью¹. Таким образом, классификация невозможна без полного, всестороннего изучения объектов классифицируемой совокупности, анализа их свойств и взаимосвязей, определения соотношения с другими предметами и явлениями, сопоставления с иными совокупностями (множествами). Результат классификации – построение системы², характеризующейся единством входящих в нее объектов, их упорядоченностью по определенным признакам и взаимосвязям, целостностью, структурированностью и организованностью. Следует учитывать, что любая система динамична, она постоянно развивается как в силу собственных, присущих ей самой противоречий, так и под воздействием внешних факторов и внешней среды. Классификация наряду с другими приемами и методами исследования помогает выявить эти противоречия и определить пути их разрешения, предвидеть изменение свойств изучаемых объектов и стимулирует их дальнейшее исследование. «Строго и четко проведенная классификация в определенной мере подводит итоги предшествующим исследованиям и вместе с тем отмечает начало нового этапа в развитии таких исследований»³. Применительно к практической ценности классификации преступлений в доктрине уголовного права отмечалось, что это определяется тем, «насколько полно и последовательно она отражена при конструировании различных уголовно-правовых институтов»⁴.

Всякая классификация относительна. Развитие и изменение общественных отношений, углубление знаний об объектах и явлениях объективной действительности закономерно обуславливают изменение объема и содержания исследуемой совокупности, исключение

¹ См.: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1973. Т. 12. С. 269.

² Под системой в данном случае понимается «целостная совокупность элементов, в которой все элементы настолько тесно связаны друг с другом, что выступают по отношению к окружающим условиям и другим системам как единое целое» (Спиркин А. Г. Курс марксистской философии. М., 1965. С. 161).

³ Бучило Н. Ф., Чумаков А. П. Философия. СПб., 2004. С. 400.

⁴ Назаренко Л. А. Понятие и значение классификации преступлений // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 12-2. С. 345.

одних классификационных единиц и появление других. Кроме того, любая классификация обладает определенной долей условности. Ф. Энгельс отмечал, что классификация всегда носит приближенный характер, поскольку в природе существует множество переходных форм, которые стоят на грани между различными классификационными группами. Даже при выделении одного, единого основания деления совокупности различные исследователи учитывают различные аспекты классификационного признака, что влияет и на количество, и на содержание сформированных групп, отнесение к ним того или иного объекта, обладающего в той или иной степени признаками смежных групп. Классификация преступлений может осуществляться на основании их общественной опасности, конкретного признака преступления (состава преступления) или сочетании этих признаков.

Если рассматривать классификацию преступлений против правосудия, то здесь как нельзя более уместно выражение: сколько ученых, столько и мнений. В научной литературе по данной проблеме представлено значительное количество высказанных точек зрения, принципиально отличающихся друг от друга, несмотря на одинаковое заявленное основание классификации (например, признаки объекта или субъекта преступления). Не существует единства мнений по всем аспектам рассматриваемой проблемы и по количеству, и по названиям, и по содержанию выделенных групп. Одни и те же преступления очень часто отнесены к различным классификационным группам.

Классификации в зависимости от поставленных задач и выбранного основания подразделяются на естественные и искусственные¹. Задачами естественной классификации являются упорядочение имеющихся знаний о предметах, явлениях и понятиях, а также получение новых, более глубоких знаний о них. Основания такой классификации – существенные признаки и общие закономерности, присущие изучаемым и упорядочиваемым объектам, из которых

¹ См., напр.: Чупахин И. Я. Понятие и методы научной классификации объектов исследования // Вопросы диалектики и логики. Л., 1964. С. 17–32; Розова С. С. Научная классификация и ее виды // Вопросы философии. 1964. № 8. С. 69–79; Розова С. С. К вопросу о сущности научной классификации: проблемы методологии и логики наук. Томск, 1965. С. 140–146; Ее же. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986. С. 163–173.

вытекают их производные свойства. Искусственная классификация, носящая вспомогательный характер, используется в первую очередь для того, чтобы представлять изучаемую область в удобном для обозрения и распознавания виде, облегчает систематизацию и быстрое отыскание материала и производится по несущественным признакам объекта, например, начальным буквам наименований объектов (алфавитные указатели, именные каталоги в библиотеке и т. д.).

В настоящей монографии, посвященной преступлениям против правосудия, нас интересуют естественные классификации, основанные на логическом, т. е. подчиненном определенным правилам, принципам и законам, делении понятий. Выделяют следующие правила деления понятий: в рамках одной и той же классификации деление должно осуществляться по одному основанию; суммарный объем членов деления должен равняться объему делимого понятия; члены деления должны взаимно исключать друг друга; подразделение на классы должно быть непрерывным¹.

Остановимся на краткой характеристике перечисленных правил. Согласно первому недопустимо использование нескольких оснований в рамках одной классификации. В данном случае речь идет не о сложной системе, где которой все классифицируемые явления сначала подразделяются на группы по одному основанию, а затем внутри выделенных классификационных групп подвергаются дополнительному делению по другому, единому для всех членов деления классификационному признаку. Так, разделив преступления против личности по признакам видового объекта, вполне допустимо каждую сформированную группу распределить на подгруппы в зависимости, например, от форм вины или конструкции состава преступления.

Однако неприемлем такой вариант деления, когда некоторые члены совокупности объединены в группы по одному признаку, а другие – по иному, так как теоретическая и практическая значимость построенной таким образом системы существенно снижается. Например, вряд ли можно признать удачной классификацию, предложенную авторами учебника «Российское уголовное право», по мнению которых преступления против правосудия в зависимости

¹ Более подробно об этом см.: Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. М., 1999; Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973; Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971; и др.

от особенностей непосредственного объекта следует подразделить на: 1) посягательства на судей и сотрудников органов предварительного расследования (ст. 294–298); 2) служебные преступления участников уголовного судопроизводства (ст. 299–302, 305, 310, 311); 3) фальсификацию и сокрытие доказательств (ст. 303, 304, 306–309, 316); 4) невыполнение процессуальных решений (ст. 312–315)¹. Нетрудно заметить, что, несмотря на заявленное единое основание классификации – особенности непосредственного объекта, в действительности было использовано несколько классификационных признаков: особенности потерпевшего (1-я группа), субъекта (2-я группа) и объективной стороны (3-я и 4-я группы). Между тем в более поздней работе В. Н. Кудрявцева был предложен иной вариант классификации преступлений против правосудия, выделяющий две группы: 1) преступления, совершаемые самими сотрудниками правоохранительных органов (ст. 299–302, 305, 310, 311 УК РФ); 2) преступления, направленные против этих представителей государства и нормального ведения судопроизводства (ст. 294–298, 303, 304, 306–309, 311 УК РФ)².

Выбранное основание классификации должно учитывать закономерности образования классифицируемых объектов, помогать сделать вывод об их сущности, содержании основных свойств, давать возможность предвидеть пути их развития. Таким образом, распределение объектов по группам должно производиться по их наиболее существенным признакам. А. Н. Трайнин отмечал, что «можно отыскать значительное количество оснований для классификации, между тем задача классификации – вскрыть и рассмотреть некоторые существенные черты, характеризующие определенные группы явлений в интересах их лучшего понимания»³. Удачная классификация позволит в числе прочего выявить системные связи объектов, новые закономерности, еще неизученные свойства.

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Преступления против правосудия // Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А. В. Наумова, В. Н. Кудрявцева. М., 1997. С. 396.

² См.: Кудрявцев В. Н. Преступления против правосудия // Криминология: учеб. для вузов / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 2009. С. 609–610.

³ Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 101.

Стоит учитывать также целесообразность, необходимость классификации рассматриваемой группы явлений именно по данному критерию, теоретическое и практическое значение предлагаемой классификации, возможность построения непротиворечивой системы. Правильно сформулированная цель исследования позволяет выделить именно тот группировочный признак, который будет наиболее полезен для ее достижения. С. В. Познышев отмечал, что «если целью является не изучение какого-либо одного специального отношения или признака данной группы явлений, а познание их природы во всей полноте ее существенных черт, то единственно правильной и пригодной классификацией будет, очевидно, та, которая распределяет изучаемые предметы в группы по признаку, наиболее существенному, которая, таким образом, глубже проникает в природу изучаемых явлений и ставит исследователя на такую позицию в отношении их, с которой ему особенно ясно видны их наиболее глубокие различия и сходства»¹.

Следовательно, при выборе основания классификации необходимо учитывать два аспекта – объективный и субъективный. С одной стороны, этот процесс детерминирован объективными свойствами и закономерностями исследуемых объектов, а с другой – определяется целями и задачами, стоящими перед исследователем.

Согласно второму правилу все выделенные в рамках классификации классы, разряды, виды, подвиды и т. д. в своем суммарном объеме должны точно соответствовать объему классифицируемого понятия или явления. Недопустимо расхождение ни в сторону увеличения, ни в сторону уменьшения. С одной стороны, в состав классификационных групп не может быть включен объект, не обладающий обязательными, являющимися определяющими для изучаемого явления признаками и не входящий в исследуемую совокупность. С другой стороны, ни один даже самый минимальный объект, составляющий часть изучаемого явления или понятия, не должен остаться за рамками выделенных классификационных групп, не может не войти в одну из них.

В соответствии с третьим правилом члены деления должны взаимно исключать друг друга, пересечение классификационных групп

¹ Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. С. 5, 6.

не допускается. Каждая классификационная группа должна обладать четкими параметрами, выделенные отличительные признаки не подлежат двусмысленному толкованию. Неприемлемо включение одного и того же объекта в различные классификационные группы. При построении многоступенчатой классификации должен соблюдаться определенный порядок либо по возрастанию, либо по убыванию разрядов.

Четвертое правило закрепляет непрерывность процесса классификации. Между классификационными группами нельзя допускать значительных разрывов с точки зрения того признака, который положен в основание классификации. Сама последовательность выделенных групп должна определять закономерности их образования. Недопустимо наличие своеобразного вакуума между группами, свидетельствующего о необходимости дополнения перечня классификационных групп.

В доктрине уголовного права выделяют различные виды классификаций преступлений. Большинство авторов включают в этот перечень классификации на основе элементов и признаков состава преступления:

- 1) классификации по объекту посягательства;
- 2) классификации, осуществляемые в зависимости от признаков объективной стороны;
- 3) классификации по признакам субъекта;
- 4) классификации, осуществляемые в зависимости от признаков субъективной стороны.

Кроме того, выделяются классификации, связанные с категоризацией преступлений, и в зависимости от вида состава преступления¹.

В УК РСФСР 1960 г. впервые в истории советского уголовного законодательства² появилась специальная глава, выделяющая интересы правосудия в качестве родового объекта уголовно-правовой охраны. И с этого момента в доктрине уголовного права дискуссионными

¹ Более подробно см., напр.: Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 70; Цатурян Т. В. Проблемы классификации преступлений в уголовном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 65.

² В Уголовном уложении 1903 г. впервые в истории российского законодательства была выделена глава «О противодействии правосудию».

остаются как вопросы нахождения в этой главе тех или иных норм, регламентирующих ответственность за посягательства на интересы правосудия, т. е. целесообразность их включения в систему, так и классификации этих норм внутри системы, т. е. особенности построения внутренней структуры самой системы.

В настоящее время наиболее дискуссионными являются вопросы о целесообразности размещения в гл. 31 «Преступления против правосудия» нормы, закрепленной в ст. 295 УК РФ¹, и необходимости перемещения в гл. 31 норм, предусмотренных ст. 174, 175, 321 и 205⁶ УК РФ². При рассмотрении вопросов классификации преступлений против правосудия следует отметить, что не существует единого мнения ни о том, какое именно основание классификации более приемлемо, более значимо как для доктрины уголовного права, так и для нужд законотворчества и правоприменения³, ни о том, какие именно классификационные группы выделять в зависимости от данного основания.

¹ Ряд авторов полагают, что логично было бы поместить данный состав преступления в гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья» (см., напр.: Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: монография. СПб., 2005. С. 35).

² См., напр.: Егорова Н. А. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем // Уголовное законодательство: история и современные проблемы. Волгоград, 1998. С. 57; Демина О. А. Уголовно-правовое регулирование ответственности за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ): состояние и перспективы совершенствования: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 12; Дворжицкая М. А. Несообщение о преступлении: преступление против общественной безопасности или правосудия? // Уголовное право России: состояние и перспективы (преступления против общественной безопасности): материалы V всерос. науч.-практ. конф. «Волженкинские чтения», Санкт-Петербург, 29 ноября 2019 г. СПб., 2020. С. 56–57.

³ А. В. Федоров указывает, что «в зависимости от того, какой критерий был взят в качестве системообразующего, можно выделить несколько подходов к группировке рассматриваемых преступлений: 1) по субъекту посягательства (иначе – по механизму воздействия на объект преступления, его нарушения „изнутри” или „извне”); 2) субъекту и объекту преступления как интегрированному системообразующему признаку; 3) непосредственному объекту преступления; 4) объективной стороне преступления; 5) деятельности конкретных государственных органов по осуществлению правосудия» (см.: Федоров А. В. Понятие и классификация преступлений против правосудия: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2004. С. 46).

Построение научно обоснованной структурированной системы преступлений против правосудия дает возможность определить их характерные черты, качественные особенности, выявить неточности и пробелы в законодательной регламентации ответственности за совершение анализируемых преступлений и с учетом этого предлагать оптимальные конструкции уголовно-правовых норм и прогнозировать необходимость закрепления новых составов.

В главе 31 действующего УК РФ содержатся 24 статьи. Регламентируемые ими преступные посягательства на интересы правосудия имеют как общие черты, так и различия. Однако существуют признаки, присущие не отдельным преступлениям против правосудия, а определенной группе, именно они могут послужить основой для классификации рассматриваемых деяний. Однако, выбирая критерий классификации, следует учитывать ряд факторов и, в первую очередь, целесообразность, необходимость классификации рассматриваемой группы явлений именно по данному критерию, возможность построения непротиворечивой системы, теоретическое и практическое значение предлагаемой классификации.

Например, в учебнике под редакцией Ю. В. Грачевой и А. И. Чучаева все преступления против правосудия предлагается подразделить на две группы: 1) преступления, посягающие на правосудие непосредственно (деяния, нарушающие деятельность суда по отправлению правосудия); 2) преступления, посягающие на правосудие опосредованно (деяния, нарушающие нормальную вспомогательную работу органов, содействующих суду в отправлении правосудия)¹. Однако теоретическое и практическое значение подобной классификации невелико – она носит слишком обобщенный характер. Кроме того, целый ряд норм, предусматривающих ответственность за посягательства на интересы правосудия, можно отнести и к первой, и ко второй группе.

Проблеме классификации преступлений против правосудия в той или иной степени уделял внимание каждый исследователь, анализировавший как отдельные нормы, регламентирующие ответственность за конкретные посягательства на интересы правосудия, так и всю

¹ См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. Ю. В. Грачевой, А. И. Чучаева. М., 2017. С. 291.

систему в целом. В теории уголовного права выделено несколько подходов к классификации преступлений против правосудия: по признакам субъекта преступления, с учетом особенностей основного непосредственного объекта, в зависимости от дополнительного объекта, по сходству признаков объективной стороны преступления.

Отметим сразу, что последний вариант классификации не получил распространения в юридической литературе. Предложивший его В. П. Малков отмечал, что данная классификация во многом носит достаточно условный характер и необходима лишь для более логичного изложения материала. По его мнению, все преступления против правосудия по сходству признаков объективной стороны можно разделить на четыре группы:

1) преступления, посягающие на самостоятельность судебной власти, ее авторитет и безопасность деятельности судей и иных лиц, содействующих осуществлению правосудия (ст. 294–298 УК РФ);

2) преступления против правосудия, совершаемые судьями и иными должностными лицами органов предварительного расследования и сторонами по гражданскому (арбитражному) делу (ст. 299–305 УК РФ);

3) преступления, посягающие на установленный Конституцией РФ и процессуальным законом порядок получения, использования и сохранения доказательственной информации (ст. 306–310 УК РФ);

4) преступления, посягающие на установленный законом порядок исполнения вступивших в законную силу приговоров, решений суда и иных судебных актов (ст. 311–315 УК РФ)¹.

Следует признать, что данная классификация не отвечает одному из основных требований, предъявляемых к построению целостной, непротиворечивой и имеющей теоретическое и практическое значение системы преступлений против правосудия, – наличию единого критерия классификации для всей группы анализируемых составов. Нетрудно заметить, что в качестве критериев классификации в этом случае выступают в первую очередь особенности непосредственного

¹ См.: Малков В. П. Преступления против правосудия // Уголовное право России: учеб. для вузов. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А. И. Игнатова, Ю. А. Крайкова. М., 1999. С. 679–680.

объекта и признаки субъекта преступления, а не объективной стороны.

К сожалению, в теории уголовного права достаточно часто предлагается классификация преступлений против правосудия, построенная, несмотря на заявленный единый критерий, по различным основаниям.

Например, Р. Э. Оганян выделяет следующие группы преступлений против правосудия: 1) преступления против лиц, участвующих в осуществлении правосудия или предварительного расследования (ст. 295–298, 311 УК РФ); 2) преступления против осуществления правосудия или предварительного расследования, совершаемые членами суда, должностными лицами правоохранительных органов, участниками гражданского судопроизводства (ст. 299–303, 305 УК РФ); 3) преступления против правосудия или предварительного расследования, совершаемые участниками уголовного либо гражданского процесса или иными лицами (ст. 294, 304, 306–310, 316 УК РФ); 4) преступления против порядка исполнения судебных решений и наказания (ст. 312–315 УК РФ)¹.

Однако в этом случае было использовано несколько классификационных оснований, что существенно снижает теоретическую и практическую значимость такой классификации.

Традиционно в теории уголовного права в качестве классификационных критериев преступлений против правосудия используются особенности объекта и субъекта преступления². И актуальной остается дискуссия не только о том, какие именно классификационные группы выделять в зависимости от данных критериев, но и о том, какой из них более приемлем, более нужен, более значим как для доктрины уголовного права, так и для нужд законодотворчества и правоприменения.

Подчеркивая значимость классификации преступлений против правосудия именно по логике объекта, И. С. Власов и И. М. Тяжкова

¹ См.: Оганян Р. Э. Преступления против правосудия // Уголовное право России. Практический курс: учеб.-практ. пособие / под общ. ред. Р. А. Адельханяна; под науч. ред. А. В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 632, 633.

² Изначально для юридической литературы было характерно построение структурированной системы преступлений против правосудия в зависимости от особенностей субъекта посягательства.

указывали, что «построение системы без учета объекта привело бы к искусственному и необоснованному разделению преступлений, препятствующих осуществлению близких по содержанию или сходных интересов правосудия (например, ложного доноса и лжесвидетельства, отказа от дачи показаний и укрывательства и др.)»¹. Ими был предложен следующий вариант классификации: 1) преступления против правосудия, препятствующие использованию работниками правосудия их прав для осуществления задач правосудия, а не вопреки им; 2) преступления против правосудия, препятствующие поступлению в распоряжение правосудия доброкачественных доказательств и правдивых сведений от граждан; 3) преступления против правосудия, нарушающие беспрепятственное получение правосудием сведений о преступлении и обстоятельствах его совершения; 4) преступления, препятствующие осуществлению государственного принуждения, выраженного в приговоре суда или решении суда, в постановлении суда или прокурора².

А. С. Горелик и Л. В. Лобанова отмечают, что «правосудие как объект уголовно-правовой охраны ввиду многообразия включаемых в его содержание общественных отношений не может быть представлено в качестве односложного защищаемого блага»³. Внутри всей совокупности общественных отношений, связанных с обеспечением деятельности суда и содействующих ему органов и лиц, можно выделить несколько групп однородных общественных отношений, определяющих непосредственный объект конкретных посягательств на интересы правосудия, и с этим трудно не согласиться. Но при анализе предложенных (весьма разнообразных) классификаций по признаку непосредственного объекта возникает целый ряд вопросов.

Так, М. Н. Голоднюк, отмечая, что «наиболее удачной является классификация преступлений против правосудия по их непосредственным объектам, поскольку она в наибольшей степени отражает те общественные отношения, которым определенные группы данных

¹ Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968. С. 52, 53.

² См.: Там же. С. 53, 54.

³ Горелик А. С., Лобанова Л. В. Указ. соч. С. 50.

преступлений причиняют вред»¹, предлагает выделять следующие группы: 1) преступления, препятствующие исполнению работниками правоохранительных органов их обязанностей по осуществлению целей и задач правосудия, – ст. 294–298, 304, 306–311, 314, 316 УК РФ; 2) преступления, совершаемые в процессе отправления правосудия должностными лицами (судьями, прокурорами, лицами, производящими дознание и предварительное расследование), – ст. 299–303, 305 УК РФ; 3) преступления, препятствующие осуществлению мер государственного принуждения, указанных в приговорах, решениях суда или иных судебных актах, – ст. 312, 313, 315 УК РФ². При рассмотрении достоинств и недостатков этой классификации очевидно, что совокупность преступлений, объединенных автором в первую группу, связана с посягательством на различные непосредственные объекты, а вторая группа выделена в первую очередь по признакам субъекта преступления.

Классификации по признакам непосредственного объекта получили распространение и в учебной литературе. Л. А. Прохоров предлагает подразделять преступления против правосудия на три группы: 1) преступления против общественных отношений в сфере реализации установленного порядка осуществления судопроизводства и деятельности, ему способствующей (ст. 294, 299–310, 316 УК РФ); 2) преступления против общественных отношений в сфере реализации прав и законных интересов участников судопроизводства, а также их близких (ст. 295–297, 298¹, 311 УК РФ); 3) преступления против общественных отношений в сфере реализации установленного порядка исполнения судебных актов (ст. 312–314¹, 315 УК РФ)³. Однако вторая классификационная группа слишком неоднородна по своему составу, и далеко не все входящие в нее преступления посягают на «процессуальный порядок расследования преступлений».

Л. В. Иногамова-Хегай предлагает четыре классификационные группы: 1) преступления, посягающие на отношения, обеспечивающие нормальное осуществление правосудия судом (ч. 1 ст. 294,

¹ Голоднюк М. Н. Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 1996. № 6. С. 18.

² См.: Там же. С. 18–24.

³ См.: Российское уголовное право. Особенная часть: учеб. для вузов / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М., 2015. С. 741.

ч. 1 ст. 296, ч. 1 ст. 298, ч. 1 ст. 303, ст. 297, 305 УК РФ); 2) преступления, посягающие на отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов прокуратуры, предварительного следствия или дознания по осуществлению правосудия (ч. 2 ст. 294, ч. 2 ст. 303, ст. 299–302, 304, 310, 316 УК РФ); 3) преступления, посягающие на отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов по исполнению судебного акта (ст. 312–315 УК РФ); 4) преступления, посягающие на отношения, обеспечивающие нормальную деятельность всех органов по осуществлению правосудия (общие преступления против правосудия – ч. 2 ст. 296, ст. 295, 311 УК РФ), либо органов суда, прокуратуры и предварительного расследования (ст. 306–309 УК РФ), либо органов прокуратуры, предварительного расследования и исполняющих судебные акты (ч. 2 ст. 298 УК РФ)¹.

И. В. Танага также выделяет четыре группы посягательств на интересы правосудия: 1) общественно опасные деяния, совершаемые в отношении лиц, осуществляющих правосудие (ст. 294–298 УК РФ); 2) общественно опасные деяния, совершаемые в отношении участников досудебного производства и отправления правосудия, не являющихся работниками органов юстиции (ст. 299–302, 305, 310, 311 УК РФ); 3) общественно опасные деяния, связанные с деятельностью органов юстиции по формированию доказательственной базы по делам о противоправных деяниях (ст. 303, 304, 306–309, 316); 4) общественно опасные деяния, совершаемые в области исполнения решений органов юстиции (ст. 312–315 УК РФ)².

В. Н. Борков и В. В. Векленко полагают, что осмыслению структуры охраны интересов правосудия будет способствовать деление статей главы на три группы. К первой следует отнести статьи, предусматривающие ответственность за преступления, совершаемые должностными лицами правоохранительных органов (ст. 299–303,

¹ См.: Уголовное право Российской Федерации: учебник / под ред. Л. В. Иногумовой-Хегай. М., 2002. Т. 2. Особенная часть. С. 360. Тот же вариант классификации см.: Преступления против правосудия. Толкование уголовного закона. Комментарий статей УК РФ. Материалы судебной практики. Статистика / под ред. А. В. Галаховой. М., 2005. С. 31, 32.

² См.: Уголовное право России. Особенная часть: учебник. В 2 ч. Ч. 2 / под ред. д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Прохоровой. Краснодар, 2015. С. 202.

305 УК РФ); вторую составляют нормы, запрещающие преступления, совершаемые в отношении лиц, участвующих в отправлении правосудия (ст. 294–297, 298¹, 311 УК РФ); третью образуют нормы, предусматривающие ответственность за преступления против установленного порядка расследования, исполнения приговора, решения и иных судебных актов (ст. 304, 306–310, 312–316 УК РФ)¹.

Авторы диссертационных исследований, посвященных анализу преступлений против правосудия, также уделяют внимание классификации данных посягательств. А. Г. Лебедев полагает, что всю группу преступлений против правосудия следует разбить на преступления против органов суда; преступления против органов расследования (органов дознания и предварительного следствия); преступления против органов, исполняющих уголовные наказания². Однако в данном случае некоторые нормы необходимо либо дублировать, либо относить одну и ту же норму к разным группам (что неприемлемо из-за несоответствия основным требованиям, предъявляемым к осуществлению классификации), так как они предусматривают посягательства на деятельность и органов суда, и органов предварительного расследования.

Развивая это же направление, А. В. Федоров предлагает классификацию преступлений против правосудия по непосредственному объекту, выделяя четыре группы.

Первая группа охватывает преступления против правосудия общего характера, т. е. деяния, посягающие как на общественные отношения, обеспечивающие деятельность суда по осуществлению правосудия, так и на общественные отношения, обеспечивающие деятельность государственных органов, создающих необходимые предпосылки для отправления судом правосудия, а также на общественные отношения, обеспечивающие деятельность органов и учреждений, исполняющих судебные акты (ст. 295, ч. 2 ст. 296, ст. 304, 306–309, 311, 316 УК РФ).

¹ См.: Уголовное право. Особенная часть: учеб. для вузов / под общ. ред. проф. М. В. Бавсуна. 2-е изд., перераб. и доп. Омск, 2019. С. 564–565.

² См.: Лебедев А. Г. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности по уголовному праву России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 66–71.

Во вторую группу включаются преступления, посягающие на общественные отношения по обеспечению деятельности суда по отправлению правосудия (ч. 1 ст. 294, ч. 1 ст. 296, ст. 297, ч. 1 ст. 298, ч. 2 ст. 301 – относительно заведомо незаконного заключения под стражу, ч. 1 ст. 303, ст. 305 УК РФ).

Третья группа интегрирует преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие деятельность государственных органов, создающих необходимые предпосылки для отправления правосудия судом, органами прокуратуры и предварительного расследования (ч. 2 ст. 294, ч. 2 ст. 298, ст. 299, 300, ч. 1 ст. 301, ст. 302, ч. 2 ст. 303, ст. 310 УК РФ).

Четвертая группа объединяет деяния, посягающие на отношения по реализации органами и учреждениями судебного акта (ч. 2 ст. 301 – относительно заведомо незаконного содержания под стражей, ст. 312–315 УК РФ)¹.

Сходной позиции придерживается В. В. Райгородский, предлагающий делить преступления, предусмотренные гл. 31 УК РФ, на три группы: 1) преступления в сфере осуществления судебной властью правосудия (чч. 1, 3 ст. 294, ст. 295, чч. 1, 3 ст. 296, ст. 297, чч. 1, 3 ст. 298, ч. 2 ст. 301, ч. 1 ст. 303, ст. 305, чч. 1, 3 ст. 307, ст. 308, 309, 311 УК РФ); 2) преступления в сфере процессуальной деятельности органов предварительного расследования (чч. 2, 3 ст. 294, ст. 295, чч. 2–4 ст. 296, чч. 2, 3 ст. 298, ст. 299, 300, чч. 2, 3 ст. 301, ст. 302, чч. 2, 3 ст. 303, ст. 304, 306–311 УК РФ); 3) преступления в сфере осуществления исполнения судебных актов (ч. 2 ст. 312, ст. 313–315 УК РФ)².

Нетрудно заметить, что все четыре предложенные классификации развивают одно и то же направление – выделение классификационных групп с учетом этапов развития процессуальной деятельности в зависимости от органов, ее осуществляющих. Однако при таком подходе неизбежно появляются преступления, частично совпадающие

¹ См.: Федоров А. В. Понятие и классификация преступлений против правосудия; автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2004. С. 9.

² См.: Райгородский В. В. Уголовно-правовая характеристика подкупа или принуждения к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 12.

с выделенными в другую группу (у Л. В. Иногамовой-Хегай – четвертая, а у А. В. Федорова – первая классификационная группа). Кроме того, некоторые преступления (например, предусмотренные ч. 3 ст. 294 УК РФ) просто невозможно поместить в какую-то одну группу.

А. С. Горелик предложил иную классификационную систему преступлений против правосудия: 1) преступления в сфере обеспечения независимости судей и защиты их личной безопасности, чести и достоинства (ст. 294–298, 311 УК РФ); 2) преступления в сфере правильного отправления правосудия должностными лицами органов правосудия (ст. 299–303, 305 УК РФ); 3) преступления в сфере выполнения гражданами обязанностей содействовать или не препятствовать осуществлению правосудия (ст. 304, 306–310, 316 УК РФ); 4) преступления в сфере исполнения приговоров, решений и других актов органов правосудия (ст. 312–315 УК РФ)¹. Однако преступления первой группы посягают на независимость, личную безопасность, честь и достоинство не только судей, но и других участников процесса, а при выделении второй и третьей групп в основном учитываются признаки субъекта преступления.

Некоторые авторы считают, что классификация преступлений против правосудия должна выглядеть следующим образом: 1) преступления, посягающие на жизнь, здоровье, честь и достоинство лиц, осуществляющих правосудие (ст. 295–298 УК РФ); 2) преступления, препятствующие исполнению работниками правоохранительных органов их обязанностей по осуществлению целей и задач правосудия (ст. 294, ч. 1 ст. 303, ст. 304, 306–311, 316 УК РФ); 3) преступления, совершаемые в процессе отправления правосудия должностными лицами (судьей, прокурором, дознавателем или следователем) (ст. 299–303, 305 УК РФ); 4) преступления, препятствующие исполнению наказания или возмещению вреда, причиненного преступлением (ст. 312–315 УК РФ)². Однако преступления первой

¹ См.: Горелик А. С. Преступления против правосудия // Уголовное право России. Часть Особенная: учеб. для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 1999. С. 679, 680.

² См.: Голоднюк М. Н. Преступления против правосудия // Курс уголовного права. Особенная часть: учебник / под ред. проф. Г. И. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. Т. 5. С. 148, 149.

группы выделены по логике дополнительного, а не основного непосредственного объекта; преступления, входящие в третью группу, объединены на основе признаков субъекта посягательства; название второй группы слишком обобщающее и в принципе подходит для определения непосредственного объекта почти всех преступлений против правосудия.

Л. А. Спектор полагает, что целесообразно выделить три группы преступлений против правосудия: 1) преступления, посягающие на нормальное функционирование и авторитет судебной власти при отправлении правосудия и рассмотрении дел и материалов; 2) преступления, посягающие на процессуальную деятельность органов предварительного следствия и дознания, которая призвана способствовать осуществлению правосудия; 3) преступления, посягающие на нормальное функционирование государственных органов, должностных лиц, учреждений, организаций, а также граждан, призванных исполнять приговоры и иные судебные акты¹.

И. В. Дворянсков предлагает следующую классификацию преступлений против интересов судебной власти: а) посягательства на атрибутивную основу интересов судебной власти (ст. 303–305, 310, 312–314, 314¹, 315, 316 УК РФ); б) посягательства на функциональную основу интересов судебной власти (ст. 294, 299, 300, 306–308 УК РФ); в) посягательства на субъектную основу интересов судебной власти (ст. 295–297, 298.1, 301, 302, 309, 311 УК РФ)².

Е. С. Иванов считает, что «наименование групп преступлений должно выражать не только характер особенности объекта посягательства, но и иные криминологически значимые признаки: личности преступника, потерпевшего, характер преступных деяний»³, и предлагает выделять следующие группы преступлений против правосудия: «1) преступления, угрожающие безопасности правосудия (ст. 294–298, 311 УК РФ); 2) преступления, подрывающие справедливость правосудия (ст. 299–303, 305 УК РФ); 3) преступления, препятствующие

¹ См.: Спектор Л. А. Судебная власть как объект уголовно-правовой охраны: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2013. С. 14.

² См.: Дворянсков И. В. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 18.

³ Иванов Е. С. Классификация преступлений против правосудия // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 3 (48). С. 214.

осуществлению правосудия (ст. 304, 306–310, 316); 4) преступления, препятствующие исполнению судебных решений (ст. 312–315)»¹.

В теории уголовного права существуют и другие точки зрения относительно классификации преступлений против правосудия в соответствии со спецификой объекта конкретных посягательств.

Л. В. Лобанова предлагает многоступенчатую классификацию преступлений против правосудия в зависимости от признаков непосредственного объекта:

1. Преступления, нарушающие общественные отношения, являющиеся предпосылками для осуществления процессуальных функций и обязанностей по исполнению процессуальных актов (ст. 294–298, 310, 311 УК РФ):

1) посягательства на независимость судебной власти и процессуальную самостоятельность лиц, осуществляющих расследование (ст. 294 УК РФ);

2) посягательства на жизнь, здоровье и безопасность участников процессуальной и постпроцессуальной деятельности (ст. 295, 296, 311 УК РФ);

3) посягательства на авторитет суда, честь и достоинство должностных лиц, отправляющих правосудие или содействующих ему (ст. 297, 298 УК РФ);

4) посягательства на общественные отношения, обеспечивающие тайну предварительного расследования (ст. 310 УК РФ).

2. Преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие заданную законом направленность процессуальной деятельности и деятельности по исполнению процессуальных актов (ст. 299–309, 312–316 УК РФ):

1) преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие охранительный характер правосудия (ст. 299, 300, 304, 316 УК РФ);

2) преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие познавательно-правоприменительный метод осуществления правосудия (ст. 303, 305–309 УК РФ);

¹ Иванов Е. С. Классификация преступлений против правосудия // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 3 (48). С. 214.

3) преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие процессуальную форму осуществления правосудия и связанной с ним деятельности (ст. 301, 302 УК РФ);

4) преступления, нарушающие общественные отношения, обеспечивающие обязательность процессуальных актов (ст. 312–315 УК РФ)¹.

Не отрицая достоинств данной классификации, следует отметить, что некоторые группы выделены в зависимости от дополнительного, а не основного непосредственного объекта (например, посягательства на жизнь, здоровье и безопасность участников процессуальной и постпроцессуальной деятельности), а некоторые (посягающие на один и тот же объект) искусственно разделены на различные классификационные группы. Так, разве преступление, предусмотренное ст. 303 УК РФ, не посягает на «общественные отношения, обеспечивающие процессуальную форму осуществления правосудия и связанной с ним деятельности»? А преступление, предусмотренное ст. 302 УК РФ, – на «общественные отношения, обеспечивающие познавательный-правоприменительный метод осуществления правосудия»?

Интересная многоступенчатая классификация преступлений против правосудия была предложена А. А. Радченко.

1. Преступные посягательства на предпосылки и условия производства предварительного расследования, отправления правосудия и исполнения судебных актов:

1) преступные посягательства на жизнь, здоровье и безопасность участников производства предварительного расследования, отправления правосудия и исполнения судебных актов (ст. 295, 296, 311 УК РФ);

2) преступные посягательства на авторитет судебной власти, честь и достоинство участников производства предварительного расследования, отправления правосудия и исполнения судебных актов (ст. 297, 298 УК РФ);

3) преступные посягательства на общественные отношения в сфере охраны тайны предварительного расследования (ст. 310 УК РФ).

¹ См.: Горелик А. С., Лобанова Л. В. Указ. соч. С. 56–59. Эта классификация предлагалась и обосновывалась и в более ранних работах Л. В. Лобановой.

2. Преступные посягательства на порядок производства предварительного расследования, отправления правосудия и исполнения судебных актов:

1) воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ);

2) преступные посягательства на установленный законом порядок процессуального правоприменения (ст. 299–301, 305 УК РФ);

3) преступные посягательства на установленный законом процесс доказывания (ст. 302–304, 306–309, 316 УК РФ):

3.1) преступные посягательства на участников процесса доказывания (ст. 302 и 309 УК РФ);

3.2) преступные посягательства на информационную основу процесса доказывания (ст. 303, 304, 306–308, 316 УК РФ);

4) преступные посягательства на порядок исполнения судебных актов (ст. 312–315 УК РФ)¹.

Одна из классификаций, получивших наибольшее распространение и поддержку, была предложена А. И. Чучаевым, который выделяет пять групп преступлений против правосудия:

а) посягательства, направленные на отношения по реализации конституционных принципов правосудия (ст. 299–301, 305 УК РФ);

б) посягательства на деятельность органов правосудия в соответствии с его целями и задачами (ст. 294–298, 311 УК РФ); в) посягательства на процессуальный порядок получения доказательств по делу (ст. 302–304, 306–309 УК РФ); г) посягательства на деятельность органов правосудия по своевременному пресечению и раскрытию преступлений (ст. 310, 316 УК РФ); д) посягательства на отношения по реализации судебного акта (ст. 312–315 УК РФ)².

Эта классификация поддерживается многими учеными, рассматривающими вопросы ответственности за преступления против

¹ См.: Радченко А. А. Преступные посягательства на участников процесса доказывания: проблемы квалификации и законодательной регламентации: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Владивосток, 2010. С. 12, 13.

² См.: Чучаев А. И. Преступления против правосудия: науч.-практ. коммент. Ульяновск, 1997. С. 6, 7.

правосудия¹. Однако и в данном случае можно найти основания для критики. Особенно «уязвимыми» представляются первая и вторая предложенные группы. Крайне сложно отделить друг от друга осуществление «деятельности органов правосудия в соответствии с его целями и задачами» от «отношений по реализации конституционных принципов правосудия». Кроме того, нельзя сказать, что «посягательства на процессуальный порядок получения доказательств по делу» (третья группа) и «посягательства на деятельность органов правосудия по своевременному пресечению и раскрытию преступлений» (четвертая группа) не причиняют вреда деятельности органов правосудия в соответствии с его целями и задачами, которая обозначена в качестве непосредственного объекта преступлений, входящих во вторую классификационную группу.

Подводя итог, отметим, что любая из предложенных классификаций не лишена недостатков и может быть подвергнута обоснованной критике. Названия некоторых классификационных групп являются явно аморфными, носят слишком общий, неопределенный характер. В рамках данных групп отдельные авторы пытаются объединить составы, которые не подходят к другим группам, и в то же время избежать чрезмерного дробления. В других классификациях преступления, посягающие на один и тот же непосредственный объект, искусственно оторваны друг от друга, помещены в различные классификационные группы.

При анализе существующих в теории уголовного права систем преступлений против правосудия нетрудно заметить, что одни и те же преступления отнесены к разным классификационным группам. Так, например, преступление, предусмотренное ст. 309 УК РФ («Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу»), по мнению различных

¹ См.: Кулешов Ю. И. Современные проблемы правосудия и уголовный закон // Современные проблемы правоприменения (на опыте судов, органов прокуратуры, иных органов правоприменения Хабаровского края). Хабаровск, 1998. С. 11; Дворянсков И. В. Уголовно-правовое обеспечение получения достоверных доказательств: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2000; Рудов М. В. Уголовно-правовые средства охраны истины в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2002; Криволапов Г. Г. Преступления против правосудия // Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. М. П. Журавлева, А. В. Наумова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 406, 407; и др.

авторов, препятствует «поступлению в распоряжение правосудия доброкачественных доказательств и правдивых сведений от граждан»¹ и «исполнению работниками правоохранительных органов их обязанностей по осуществлению целей и задач правосудия»², входит в группу преступлений, связанных с фальсификацией и сокрытием доказательств³, посягает на «установленный Конституцией и процессуальным законом порядок получения, использования и сохранения доказательственной информации»⁴, «общественные отношения, обеспечивающие познавательное-правоприменительный метод осуществления правосудия»⁵, «процессуальный порядок расследования преступлений»⁶, «процессуальный порядок получения доказательств по делу»⁷, относится к преступлениям против правосудия общего характера⁸, преступлениям в сфере выполнения гражданами обязанностей содействовать или не препятствовать осуществлению правосудия⁹, посягательствам на субъектную основу интересов судебной власти¹⁰. При этом, естественно, отличается не только название, но и состав соответствующей классификационной группы, в которую включается рассматриваемая норма. И подобная ситуация характерна практически для всех норм, объединенных в главе «Преступления против правосудия».

¹ См.: Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968. С. 53, 54.

² См.: Голоднюк М. Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 1996. № 6. С. 18.

³ См.: Кудрявцев В. Н. Преступления против правосудия // Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А. В. Наумова, В. Н. Кудрявцева. М., 1997. С. 396.

⁴ См.: Малков В. П. Преступления против правосудия // Уголовное право России: учеб. для вузов. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А. И. Игнатова, Ю. А. Крайкова. М., 1999. С. 679, 680.

⁵ См.: Горелик А. С., Лобанова Л. В. Указ. соч. С. 56–59.

⁶ См.: Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Уголовное право: учебник. М., 1999. С. 469, 470.

⁷ См.: Чучаев А. И. Преступления против правосудия: науч.-практ. коммент. Ульяновск, 1997. С. 6, 7.

⁸ См.: Федоров А. В. Понятие и классификация преступлений против правосудия: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2004. С. 9.

⁹ См.: Горелик А. С. Преступления против правосудия // Уголовное право России. Часть Особенная: учеб. для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 1999. С. 679, 680.

¹⁰ См.: Дворянсков И. В. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 18.

В чем же дело? Можно ли подобные недостатки и разброс мнений объяснить некомпетентностью уважаемых авторов? Конечно, нет. Такой разброс точек зрения связан с причинами как субъективного, так и объективного характера. С одной стороны, критерии выделения по логике объекта подсистем в рамках системы норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану интересов правосудия, обусловлены, в первую очередь, целями, поставленными исследователем. С другой – в рамках объяснения сложившейся ситуации вполне уместными и убедительными представляются доводы А. В. Наумова, полагающего, что непосредственные объекты преступлений против правосудия настолько переплетены друг с другом, что практически любая классификация по этому признаку становится условной, так как многие преступления из предлагаемых группировок заслуживают вхождения не только в «свою», но и в другую группировку. В связи с изложенным ученый считает, что «следует вернуться... к классификации преступлений против правосудия не по непосредственному объекту, а по субъекту преступления»¹.

Построение по признаку непосредственного объекта безупречной непротиворечивой структурированной системы анализируемых норм, отвечающей всем требованиям, предъявляемым к классификации, и в первую очередь невхождения одного и того же объекта в различные классификационные группы, действительно невозможно. Таково объективно существующее положение вещей даже с учетом того фактора, что любая классификация всегда условна, относительна и является результатом некоторого размыwania либо огрубления границ между классификационными группами. Игнорирование этого приводит либо к искусственному объединению в одну группу деяний,

¹ Наумов А. В. Курс лекций. В 3 т. Т. 3. Особенная часть (главы XI–XXI). 4-е изд. М., 2007. С. 446. Точка зрения на нецелесообразность классификации преступлений против правосудия по признаку объекта неоднократно высказывалась и до принятия УК РФ 1996 г. Например, М. А. Гаранина указывала, что система преступлений против правосудия, построенная по непосредственному объекту, отличается сложностью и неудобна для практического использования (см.: Гаранина М. А. Система преступлений против правосудия (формирование и развитие): автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 1995. С. 23).

посягающих на различные непосредственные объекты¹, либо к неоправданному «отрыву» друг от друга смежных норм, которые помещаются в разные классификационные группы.

В то же время полный отказ от выделения структурных групп в рамках всей совокупности преступлений против правосудия по признакам непосредственного объекта (как предлагается некоторыми авторами) принесет больше вреда, чем пользы. Комплексное рассмотрение группы преступлений против правосудия, посягающих на один и тот же непосредственный объект, даст возможность проанализировать механизм причинения вреда соответствующим благам и интересам, оценить пробельность или дублирование в законодательной регламентации и недостатки смежных норм.

В качестве выхода из сложившейся ситуации следует выделить основные непосредственные объекты преступлений против правосудия, проанализировать, какие именно деяния на них посягают, но не строить единую классификационную систему, либо искусственно объединяя в одну группу разные деяния, специально придумывая им такое название, которое заведомо будет требовать включения в эту группу и других преступлений, либо неоправданно отрывая друг от друга смежные нормы, разводя их по разным классификационным группам. Кроме того, некоторые преступления против правосудия посягают на несколько непосредственных объектов, и их рассмотрение в различных структурных группах будет способствовать совершенствованию законодательства с учетом максимального количества необходимых факторов. Ведь именно комплексный анализ преступлений, посягающих на один и тот же непосредственный объект, в наибольшей степени способствует достижению как научных, так и практических целей – разработке и формулированию оптимальных конструкций соответствующих уголовно-правовых норм и совершенствованию практики их применения.

Сказанное можно подтвердить на примере анализа любой нормы, закрепленной в гл. 31 УК РФ, например, в ст. 309. С одной стороны,

¹ В рамках данных групп отдельные авторы пытаются объединить составы, которые не подходят к другим группам, и в то же время избежать чрезмерного дробления. Названия таких классификационных групп, как правило, являются аморфными, носят слишком общий, неопределенный характер и обуславливают возможность включения в эту группу других преступлений.

преступление посягает на личную безопасность, честь и достоинство участников процесса вместе с деяниями, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 295–297, 298.1 и 311 УК РФ. В рамках данной группы, особенно при комплексном рассмотрении во взаимосвязи со ст. 296 УК РФ, сразу бросаются в глаза некоторые аспекты, касающиеся определения круга специальных потерпевших в вышеуказанных нормах. Этот вопрос решен законодателем не очень удачно, причем трудно понять его логику и мотивы при конструировании упомянутых норм.

Применение угроз и насилия в отношении потерпевших и свидетелей регламентируется специальными нормами, предусматривающими ответственность за преступления против правосудия, только в том случае, когда угрозы и насилие являются способами совершения принуждения в целях, закрепленных в диспозиции ст. 309 УК РФ. Однако эти цели (причем их законодательное определение нельзя признать удачным: оно отличается наличием пробелов, несогласованностью и противоречивостью) далеко не исчерпывают всех вариантов угроз или насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (например, месть за уже данные показания, превентивное воздействие на других участников уголовного процесса и т. д.). Это понимает и сам законодатель, что, в частности, подтверждается включением эксперта и специалиста в число потерпевших от преступлений, предусмотренных как ст. 296 УК РФ, так и ст. 309 УК РФ. Вместе с тем для свидетелей и потерпевших в данном случае будет применяться общая норма, установленная ст. 119 УК РФ.

С другой стороны, подкуп и принуждение лиц, дающих показания, эксперта, специалиста и переводчика являются существенным нарушением процессуального порядка получения доказательств и, следовательно, основанием для признания их недопустимыми. Таким образом, преступление, предусмотренное ст. 309 УК РФ, посягает на интересы правосудия в сфере обеспечения процессуального порядка получения доказательств и установления истины по делу вместе с деяниями, уголовная ответственность за совершение которых установлена ст. 302–304, 306–309 УК РФ. И с этой позиции смежной для анализируемой является норма, закрепленная в ст. 302 УК РФ. При совместном анализе указанных норм выявляются совсем другие

проблемы, связанные с недостатками законодательной конструкции, в частности, вопрос о необходимости признания специальными потерпевшими переводчика, обвиняемого и подозреваемого.

Конечно, предлагаемый метод далеко не единственное средство оптимизации системы норм, регламентирующих ответственность за преступления против правосудия. Необходим комплексный подход, включающий и анализ внутриотраслевых и межотраслевых связей рассматриваемых норм, и применение методов сравнительного правоведения, и закрепление в законодательстве дефинитивных предписаний, и многое другое.

Классификация преступлений против правосудия по признакам субъекта в теории уголовного права также является традиционной, однако ее реализация осуществлялась по-разному. Отдельные авторы, выбирая в качестве основного критерия классификации особенности субъекта, некоторые классификационные группы формируют по другим признакам¹. Вряд ли подобный вариант использования нескольких оснований классификации можно признать удачным и методологически верным.

С учетом особенностей субъекта в процессе систематизации преступлений против правосудия можно выделить два основных направления: построение простой и сложной многоступенчатой группировки.

При построении простой группировки все преступления против правосудия подразделяются различными авторами на две, три, четыре и пять групп. Так, в работах Я. М. Кульберга и Ш. С. Рашковской выделяются две группы анализируемых преступлений: 1) преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами – работниками органов дознания, следствия, прокуратуры, суда; 2) преступления против правосудия, совершаемые иными лицами². Практически аналогичная классификация предложена А. В. Наумовым³.

¹ Так, например, В. Д. Иванов выделяет шесть классификационных групп, из которых две сформированы не по признакам субъекта (см.: Иванов В. Д. Уголовное право. Особенная часть. Ростов н/Д, 2002. С. 299).

² См.: Кульберг Я. М. Преступления против правосудия. М., 1962. С. 20–22; Рашковская Ш. С. Преступления против правосудия. М., 1978. С. 15, 16.

³ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. М., 2004. С. 685, 686.

Данные классификации нуждаются в дальнейшей детализации. Преступления против правосудия, выделенные авторами как «совершаемые иными лицами», слишком неоднородны, принципиально отличаются по механизму воздействия на интересы правосудия. В данную группу входят преступления, совершаемые как специальным, так и общим субъектом. Да и признаки специального субъекта (совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения; лицом, являющимся участником уголовного процесса и обладающим специальным процессуальным статусом; лицом, в отношении которого применена мера наказания или мера процессуального принуждения, и т. д.) обуславливают в каждом конкретном случае свою специфику совершения данных преступлений. Особенности субъекта должны учитываться в процессе законотворчества и правоприменительной практике, имеют значение для характеристики преступлений против правосудия в научных и учебных целях. Без учета этих особенностей классификация утрачивает как практический, так и теоретический смысл.

Наиболее распространенным вариантом при построении простой одноступенчатой группировки по признакам субъекта является подразделение преступлений против правосудия на три или четыре группы. Различные авторы предлагали следующие варианты классификационных групп: преступления, совершаемые должностными лицами органов дознания, следствия, прокуратуры и суда; преступления, совершаемые частными лицами, привлекаемыми к отправлению правосудия¹; преступления, совершаемые лицами, в отношении которых применены меры правового принуждения; преступления, совершаемые лицами, обязанными по закону или в силу гражданского долга содействовать правосудию и не препятствовать его осуществлению²; преступления, совершаемые частными и должностными лицами, привлекаемыми к отправлению правосудия или связанными с отправлением правосудия; преступления, совершае-

¹ См.: Глистин В. К. Преступления против правосудия // Курс советского уголовного права: учебник. В 5 т. Т. 4. Особенная часть / отв. ред. Н. А. Беляева. Л., 1978. С. 321, 322.

² См.: Здравомыслов Б. В. Преступления против правосудия // Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 431.

мые лицами, в отношении которых правосудие осуществилось, либо лицами, обязанными исполнять судебный акт¹; преступления, совершаемые общим субъектом².

Предлагаемым классификациям присущи определенные недостатки, связанные, в первую очередь, с объединением в ряде случаев в одну группу преступлений, совершаемых субъектами, обладающими принципиально разными признаками. Так, вряд ли можно признать удачным включение отдельными авторами в одну классификационную группу преступлений, совершаемых частными и должностными лицами. В рамках группы преступлений, «совершаемых лицами, обязанными по закону или в силу гражданского долга содействовать правосудию и не препятствовать его осуществлению», объединены деяния, совершаемые лицами с использованием своего служебного положения, участниками уголовного процесса, лицами, обязанными исполнять судебный акт, и общим субъектом, что не позволяет использовать все возможности классификации и не способствует достижению ее целей. Кроме того, при отнесении конкретных преступлений к той или иной классификационной группе некоторые авторы допускали отдельные неточности и погрешности³.

Н. Р. Емеевой была предпринята попытка более детального подразделения на составляющие совокупности преступлений против правосудия в рамках одноступенчатой классификации. Она выделяет пять классификационных групп рассматриваемых преступлений по признаку субъекта: 1) преступления, совершаемые судьями, в том

¹ См.: Уголовное право. Особенная часть: учеб. для вузов / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. М., 1998. С. 619, 620.

² См.: Кондрашова Т. В. Законодательные дефекты в регулировании уголовной ответственности за преступления в сфере правосудия, совершаемые работниками судебной и правоохранительной систем // Администратор суда. 2006. № 2. С. 21, 22.

³ Так, фальсификация доказательств, ответственность за которую предусмотрена ч. 1 ст. 303 УК РФ, не совершается «должностными лицами и работниками правоохранительных органов, органов правосудия» (см.: Уголовное право. Особенная часть: учеб. для вузов / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. М., 1998. С. 619, 620); преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 294 УК РФ, совершается не общим субъектом (см.: Кондрашова Т. В. Законодательные дефекты в регулировании уголовной ответственности за преступления в сфере правосудия, совершаемые работниками судебной и правоохранительной систем // Администратор суда. 2006. № 2. С. 21, 22); и др.

числе присяжными и арбитражными заседателями; 2) преступления, совершаемые должностными лицами правоохранительных органов при производстве предварительного расследования; 3) преступления, совершаемые должностными лицами правоохранительных и служащими государственных и иных органов; 4) преступления, совершаемые лицами, характеризующимися специальным правовым статусом по делу; 5) преступления, совершаемые лицами, не обладающими специальным правовым статусом¹. Однако используемое при выделении групп понятие «специальный правовой статус» характеризуется неопределенностью и отсутствием четких критериев, позволяющих точно установить содержание и объем данного термина. Специальный правовой статус имеют все участники процесса; судьи и лица, осуществляющие предварительное расследование, тоже обладают особым, специальным правовым статусом по делу. Таким образом, можно говорить об определенном правовом статусе лиц, обязанных не препятствовать осуществлению правосудия, и т. д.

При подведении итогов анализа одноступенчатых классификаций следует отметить, что любой из них присущи достоинства и недостатки, выраженные в каждом конкретном случае в большей или меньшей степени. Однако в целом рассмотренным группировкам свойственен общий существенный недостаток – не в полной мере выдержано единство основания классификации. А. С. Горелик и Л. В. Лобанова совершенно справедливо утверждают, что одноступенчатые группировки преступлений против правосудия по признакам субъекта произведены на основе не одного, а нескольких критериев, характеризующих разнопорядковые качества субъекта: наличие специальных признаков, отнесение к должностным лицам правоохранительных органов, наличие обязанности содействовать правосудию, возложение обязанности подвергнуться мерам принуждения или исполнить их².

Мы полностью разделяем позицию тех авторов, которые полагают, что классификация преступлений против правосудия, представляющих собой сложную систему, должна быть многоступенчатой.

¹ См.: Емеева Н. Р. Уголовная ответственность за преступления против правосудия, совершаемые судьями и должностными лицами правоохранительных органов: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Самара, 2005. С. 10, 11.

² См.: Горелик А. С., Лобанова Л. В. Указ. соч. С. 47.

Однако принципиальное значение в данном случае имеет первый шаг, выбор первичного основания классификации. Необходим учет такого фактора, который позволит максимально использовать все возможности удачной классификации для удобства изучения и анализа всей группы преступлений против правосудия, определения неточностей и пробелов в законодательной регламентации, разработки и формулирования оптимальных конструкций соответствующих уголовно-правовых норм и совершенствования практики их применения.

В настоящее время в теории уголовного права существуют два основных варианта многоступенчатой классификации. В первом случае предлагается сначала подразделить все преступления против правосудия на совершаемые должностными лицами органов суда, следствия, дознания и прокуратуры и совершаемые иными лицами. Так, например, осуществляя классификацию по данному основанию, В. А. Теплов относит к первой группе преступления, предусмотренные ст. 299–302, чч. 2 и 3 ст. 303–305 УК РФ, а ко второй – все остальные составы преступлений против правосудия. В свою очередь вторая группа подразделяется на три подгруппы: а) преступления, совершаемые лицами, призванными в силу закона к выполнению обязанностей, содействующих осуществлению правосудия (ст. 307, 308, 310–312 УК РФ); б) преступления, совершаемые осужденными или лицами, находящимися под стражей, а также иными лицами в интересах указанных лиц (ст. 313, 314 УК РФ); в) преступления, совершаемые иными лицами против работников органов правосудия (ст. 294–298, 306, 309, 315, 316 УК РФ)¹.

Признавая в целом достаточно рациональным первоначальное выделение из всей группы преступлений против правосудия тех, которые представляют собой так называемые посягательства на интересы правосудия «изнутри»², и последующую детализацию преступлений, совершаемых иными лицами, следует отметить ряд не совсем эффективных моментов предложенной классификации. Во-первых,

¹ См.: Теплов В. А. Преступления против правосудия // Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Б. Т. Разгильдиева, А. Н. Красикова. Саратов, 1999. С. 554, 555.

² Эта классификационная группа традиционно выделяется в качестве самостоятельной в теории уголовного права.

непонятно, на каком основании автор включил в первую группу преступление, предусмотренное ст. 304 УК РФ «Провокация взятки или коммерческого подкупа». В данной норме должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческих или иных организациях, выделяется в качестве специального потерпевшего, а субъект данного преступления общий. Во-вторых, совершенно непрактичным представляется выделение третьей подгруппы – «преступления, совершаемые иными лицами против работников органов правосудия». В данном случае учитываются не только признаки субъекта преступления; кроме того, некоторые из включенных в подгруппу преступлений (например, предусмотренных ст. 306, 309 УК РФ) явно не направлены против *работников органов правосудия* (курсив наш. – В. Н.).

Второй вариант многоступенчатой классификации был предложен Л. В. Лобановой. В нем первоначально отделяются преступления против правосудия, совершаемые специальным субъектом, от тех посягательств, которые могут быть осуществлены лицами, обладающими лишь общими признаками (сюда относятся преступления, предусмотренные чч. 1, 2 ст. 294, ст. 295–298, 304, 309 УК РФ, а также ст. 315 УК РФ в части воспрепятствования исполнению судебного акта). В дальнейшем предлагается обособить укрывательство (ст. 316 УК РФ) от других преступлений против правосудия, совершаемых специальным субъектом, так как для субъекта укрывательства необходимо только отсутствие признаков близкого родства или супружеских отношений. Оставшиеся преступления этой группы рекомендуется разбить на две подгруппы: 1) совершаемые лицами, использующими свои служебные полномочия (ч. 3 ст. 294, ст. 299–302, чч. 2 и 3 ст. 303, ст. 305, 311, ч. 1 ст. 312 (в части осуществления банковских операций с денежными средствами, на которые наложен арест), ст. 315 УК РФ (в части злостного неисполнения судебного акта); 2) совершаемые иными лицами.

В дальнейшем в первой подгруппе целесообразно выделить преступления, которые совершают работники органов, призванных решать стоящие перед правосудием задачи. Вторая подгруппа также может быть подвергнута подразделению на преступления: 1) совершаемые лицами, призванными содействовать органам правосудия (ст. 307, 308 УК РФ); 2) совершаемые лицами, в отношении которых

применена мера наказания, мера процессуального принуждения или на которых на основании процессуального закона возложена дополнительная обязанность, не связанная с содействием правосудию (ст. 310, 312–314 УК РФ)¹.

Признавая данный вариант построения системы преступлений против правосудия достаточно удачным², полагаем, что специфика рассматриваемых посягательств требует несколько иного подхода к выбору первичного основания для формирования групп в процессе многоступенчатой классификации. Для преступлений, посягающих на интересы правосудия, принципиально важным, кардинально влияющим на механизм воздействия на данный объект и степень общественной опасности является использование лицом при совершении посягательства своего служебного положения. Именно данный критерий будет наиболее полезен при первоначальном подразделении преступлений против правосудия на классификационные группы. Негативное воздействие на систему отношений в сфере охраны интересов правосудия, совершаемое лицами, находящимися на службе (особенно на государственной службе) и обладающими в связи с этим определенными предоставленными государством полномочиями и возможностями, которые используются во вред интересам правосудия, должно обязательно учитываться при конструировании соответствующих уголовно-правовых норм.

Использование служебных полномочий при совершении преступлений против правосудия может иметь различное уголовно-правовое значение, и в зависимости от этого применяются различные законодательные конструкции норм, предусматривающих ответственность за соответствующие посягательства. В некоторых составах этот признак закреплен в качестве составообразующего, и его наличием обуславливается возможность совершения преступления (например, ст. 299–302 УК РФ и др.)

¹ См.: Горелик А. С., Лобанова Л. В. Указ. соч. С. 48, 49. Эта классификация предлагалась и обосновывалась и в более ранних работах Л. В. Лобановой.

² Конечно, можно выделить отдельные несущественные недочеты данной классификации. Так, например, не включено ни в одну из классификационных групп преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 303 УК РФ. Не вполне оправданно, по нашему мнению, объединение в одну группу преступлений, предусмотренных ст. 310, 313, 314 УК РФ.

В иных случаях механизм совершения преступления предполагает возможность как осуществления данных посягательств лицами, не обладающими служебными полномочиями, так и использования последних для достижения цели. В УК РФ применяются различные варианты законодательных конструкций норм, предусматривающих ответственность за такие посягательства. Чаще всего использование служебных полномочий образует квалифицированный состав преступления, который устанавливается отдельной статьей или частью статьи УК РФ (например, ч. 3 ст. 294 «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, совершенное лицом с использованием своего служебного положения»). И наконец, существуют преступления, при совершении которых наличие у субъекта служебных полномочий не влияет и не может повлиять на механизм совершения преступлений, возможность достижения цели, а следовательно, на общественную опасность конкретного преступления, и не учитывается законодателем при конструировании уголовно-правовой нормы.

С учетом особенностей объекта и механизма совершения преступлений против правосудия выбор в качестве первичного основания классификации именно признака использования лицом своего служебного положения при осуществлении данных посягательств будет способствовать максимальному применению всех возможных стей классификации.

Таким образом, первоначально все преступления против правосудия предлагается разделить на две группы:

1. Совершаемые лицами, использующими свои служебные полномочия (ч. 3 ст. 294, ст. 299–302, чч. 2, 3 ст. 303, ст. 305, 311, ч. 1 ст. 312 (в части осуществления служащим кредитной организации банковских операций с денежными средствами, на которые наложен арест), ст. 315 УК РФ (в части злостного неисполнения судебного акта)).

2. Совершаемые иными лицами (чч. 1, 2 ст. 294, ст. 295–298.1, ч. 1 ст. 303, ст. 304, 306–310, ч. 1 ст. 312 (в части растраты, отчуждения, сокрытия или незаконной передачи имущества, подвергнутого описи или аресту лицом, которому это имущество вверено), ч. 2 ст. 312, ст. 313–314.1, ст. 315 (в части воспрепятствования исполнению судебного акта), ст. 316 УК РФ).

Первая группа в процессе дальнейшей классификации подразделяется на две подгруппы:

1) преступления, совершаемые должностными лицами органов правосудия и правоохранительных органов (ст. 299–302, чч. 2–4 ст. 303, ст. 305 УК РФ);

2) преступления, совершаемые иными лицами, использующими служебные полномочия (ч. 3 ст. 294, ст. 311, ч. 1 ст. 312 (в части осуществления служащим кредитной организации банковских операций с денежными средствами, на которые наложен арест), ст. 315 УК РФ (в части злостного неисполнения судебного акта).

В свою очередь *первая подгруппа* подразделяется:

а) на преступления, совершаемые судьями, присяжными и арбитражными заседателями (чч. 2 и 3 ст. 301, ст. 305 УК РФ);

б) преступления, совершаемые должностными лицами правоохранительных органов (ст. 299, 300, чч. 1 и 3 ст. 301, ст. 302, чч. 2–4 ст. 303 УК РФ).

При дальнейшей детализации и группировке преступлений, входящих во **вторую группу**, в качестве классификационного признака предлагается учитывать наличие или отсутствие у лиц, совершающих преступления против правосудия, процессуальных и постпроцессуальных прав и обязанностей. В данном случае речь идет не об общей обязанности содействовать правосудию и не препятствовать его осуществлению, возлагаемой на неопределенный круг лиц в силу закона или гражданского долга. В качестве критерия используются персонифицированные процессуальные и постпроцессуальные права и обязанности, возложенные непосредственно на конкретных лиц, в частности, в силу признания их участниками уголовного процесса (например, свидетелем или потерпевшим). С учетом вышесказанного **вторая группа** также подразделяется на две подгруппы:

1) преступления, совершаемые лицами, обладающими процессуальными и постпроцессуальными правами и обязанностями (ч. 1 ст. 303, ст. 307–308, 310, ч. 1 ст. 312 (в части растраты, отчуждения, сокрытия или незаконной передачи имущества, подвергнутого описи или аресту лицом, которому это имущество вверено), ч. 2 ст. 312, ст. 313–314);

2) преступления, совершаемые лицами, не обладающими процессуальными и постпроцессуальными правами и обязанностями

(чч. 1 и 2 ст. 294, ст. 295–298.1, 304, 306, 309, ст. 315 (в части воспрепятствования исполнению судебного акта), ст. 316 УК РФ).

В свою очередь преступления, совершаемые лицами, обладающими процессуальными и постпроцессуальными правами и обязанностями (*первая подгруппа*), можно подразделить следующим образом:

а) преступления, совершаемые участниками процесса (ч. 1 ст. 303, ст. 307–308, 310 УК РФ);

б) преступления, совершаемые лицами, в отношении которых применены меры правового принуждения, – задержанным, арестованным, осужденным (ст. 313–314 УК РФ);

в) преступления, совершаемые лицами, имеющими обязанности в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ч. 1 ст. 312 (в части растраты, отчуждения, сокрытия или незаконной передачи имущества, подвергнутого описи или аресту лицом, которому это имущество вверено), ч. 2 ст. 312 УК РФ).

При анализе преступлений, совершаемых лицами, не обладающими процессуальными и постпроцессуальными правами и обязанностями (*вторая подгруппа*), нетрудно заметить, что практически все находящиеся в ней посягательства совершаются общим субъектом. Исключение представляет состав преступления, предусмотренный ст. 316 УК РФ «Укрывательство преступлений», который совершается специфическим специальным субъектом с негативным признаком¹ – отсутствием родственных или супружеских отношений.

Предложенная классификация имеет не только теоретическое, но и практическое значение как для законодательной, так и для правоприменительной деятельности. Анализ норм, закрепленных в гл. 31 УК РФ, с учетом признака использования лицом служебных полномочий при совершении посягательства позволяет выявить отдельные недостатки уголовного законодательства. Так, вряд ли можно признать удачным объединение законодателем в одной статье (части статьи) Особенной части УК РФ нескольких составов пре-

¹ Негативные признаки специального субъекта характеризуются с помощью отрицательных понятий – отсутствия у субъекта каких-либо признаков. Подробнее об этом см., напр.: Гонтарь И. Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве (логико-методологические аспекты): автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Владивосток, 1997. С. 24.

ступлений, один из которых является составом со специальным субъектом – лицом, использующим служебное положение, а другой – составом с общим субъектом. Например, грамматическое толкование ст. 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта» дает основания для вывода о том, что данная статья объединяет два состава преступления: 1) злостное неисполнение представителем власти, государственным служащим, служащим органа местного самоуправления, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта и 2) воспрепятствование исполнению приговора суда, решения суда или иного судебного акта, совершенное общим субъектом¹. Полагаем, что законодательные конструкции, объединяющие в одной части статьи составы преступлений, совершаемых общим и специальным субъектом, являются неудачными, влекущими возможность различного доктринального и правоприменительного толкования. Во избежание неточностей при определении признаков субъекта необходимо отказываться от подобного способа изложения текста уголовно-правовых норм и закреплять составы преступлений, совершаемых лицом с использованием служебного положения, в отдельных статьях или частях статьи УК РФ². Неоднозначное толкование признаков субъекта может

¹ Эта точка зрения не является единственной. Большинство авторов полагают, что и злостное неисполнение, и воспрепятствование исполнению судебного акта совершаются только специальным субъектом (см., напр.: Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации. Хабаровск, 2001. С. 133; Тепляшин П. В. Преступления против правосудия: учеб. пособие. Красноярск, 2004. С. 137; и др.). Однако в данном случае мы согласны с позицией Л. В. Лобановой и А. С. Горелика о том, что «использование разделительного союза «а равно» заставляет предположить, что для данных форм преступной деятельности различными являются не только признаки деяния, но и другие признаки состава преступления, в т. ч. и признаки субъекта» (Горелик А. С., Лобанова Л. В. Указ. соч. С. 408).

² Применительно к норме, закрепленной в ст. 315 УК РФ, подобное предложение высказывалось в работах ряда авторов. См., напр.: Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Казань, 2000. С. 38; Друзин А. И. Воспрепятствование исполнению судебного акта. Ульяновск, 2001. С. 132; Румянцев О. Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с неисполнением приговора суда и иных судебных решений: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 25.

привести к ошибкам правоприменителя при определении лица, подлежащего уголовной ответственности.

Не вполне обоснованно включение в диспозицию ст. 302 УК РФ наряду со специальным субъектом – следователем и лицом, производящим дознание, общего субъекта – лица, не являющегося следователем или лицом, производящим дознание, но с их ведома или молчаливого согласия осуществляющего принуждение к даче показаний. Отсутствие дифференциации уголовной ответственности этих лиц фактически нивелирует социально-правовую значимость выделения субъекта со специальными признаками.

Использование лицом своих служебных полномочий при совершении преступлений против правосудия должно учитываться и при конструировании санкций. Например, вызывает недоумение отсутствие указания на дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в ст. 299–302 УК РФ. И это лишь некоторые наиболее очевидные проблемы, требующие своего разрешения.

**ГЛАВА II. ВЛИЯНИЕ НОРМ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА СИСТЕМУ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ ОХРАНЫ ИНТЕРЕСОВ ПРАВОСУДИЯ.
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ НОРМ,
НАПРАВЛЕННЫХ НА УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ОХРАНУ
ИНТЕРЕСОВ ПРАВОСУДИЯ**

Одним из результатов процесса глобализации мирового сообщества является оказание воздействия на национальное законодательство и практику его применения. Исследование международного и зарубежного правового опыта, его адаптация в национальной правовой системе могут способствовать совершенствованию последней.

Эффективное противодействие современной преступности, которая является глобальной проблемой человечества и с которой ни одно государство не в состоянии справиться в одиночку, предполагает международное сотрудничество государств как в сфере законотворчества, так и в сфере создания и функционирования органов международной уголовной юстиции. Как отмечалось различными исследователями, «процесс глобализации подразумевает заимствование различного рода технологий, хорошо работающих юридических конструкций, методов и средств управленческого воздействия и т. д.»¹; «взаимодействии международного и внутригосударственного уголовного права становится сегодня одним из наиболее важных факторов, оказывающих влияние на содержание уголовно-правовых норм национального законодательства»².

При этом плодотворное взаимодействие невозможно без учета принципов суверенного равенства и территориальной целостности государств, невмешательства во внутренние дела других государств³,

¹ Кулапова Т. Ю. Внутригосударственный и международный правовой опыт: проблемы интеграции и адаптации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 3.

² Безверхов А. Г. О принципах взаимодействия международного и национального уголовного законодательства // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники: материалы междунар. науч.-практ. конф., 29–30 мая 2003 г. М., 2004. С. 323.

³ Конвенция против транснациональной организованной преступности: принята в Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. резолюцией 55/25 на 62-м пленар. заседании

отсутствия двойных стандартов, добросовестного выполнения государствами принятых обязательств, взаимности и ряда других.

В доктрине российского уголовного права положение о наличии влияния принципов и норм международного права, а также международных договоров РФ на национальное уголовное законодательство является общепризнанным и вытекает из предписаний ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ч. 2 ст. 1 УК РФ. В Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. и в Федеральном законе от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» закреплён один из фундаментальных принципов международного права – *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться)¹. Более того, в действующей Конституции РФ впервые был закреплён приоритет международного права над национальным². С другой стороны, в соответствии со ст. 125 Конституции РФ «не соответствующие Конституции Российской Федерации между-

55-й сессии Генер. Ассамблеи ООН (с изм. от 15.11.2000). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Статья 26 "*Pacta sunt servanda*" Венской конвенции о праве международных договоров гласит: «Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться» (Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. вступила в силу 27 января 1980 г.; СССР присоединился к настоящей конвенции Указом Президиума ВС СССР от 4 апреля 1986 г. № 4407-XI с оговорками и заявлением; Конвенция вступила в силу для СССР 29 мая 1986 г.). Статья 31 «Выполнение международных договоров Российской Федерации» Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (с изм. и доп. от 1 декабря 2007 г., 25 декабря 2012 г., 12 марта 2014 г., 8 декабря 2020 г.) гласит: «1. Международные договоры Российской Федерации подлежат добросовестному исполнению в соответствии с условиями самих международных договоров, нормами международного права, Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, иными актами законодательства Российской Федерации. 2. Российская Федерация до вступления для нее международного договора в силу воздерживается с учетом соответствующих норм международного права от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели. 3. Международный договор подлежит исполнению Российской Федерацией с момента вступления его в силу для Российской Федерации».

² Часть 4 ст. 15 Конституции РФ гласит: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

народные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению». При этом следует учитывать закрепленное в национальном федеральном законодательстве положение о том, что если исполнение международных договоров РФ требует изменения действующих или принятия новых федеральных законов, а также устанавливает иные правила, чем предусмотрены законом, то такие международные договоры подлежат ратификации в форме федерального закона¹. В соответствии со ст. 1 УК РФ «уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». Таким образом, нормы международного уголовного права имплементируются в российское уголовное законодательство с санкции государства.

Определение объема и способов влияния международного права на внутригосударственное уголовное законодательство, возможных форм его реализации в правотворческой и правоприменительной деятельности является предметом достаточно оживленных дискуссий.

Имплементация предписаний международного права в российское уголовное законодательство может осуществляться различными способами. К числу наиболее распространенных относят адаптацию, рецепцию, инкорпорацию, трансформацию, отсылку².

Следует отметить, что учет положений международного права в процессе национального правотворчества и правоприменения в настоящее время далек от совершенства. При осуществлении имплементации можно выделить как объективные трудности, обусловленные принципиальными отличиями законотворческого процесса в сферах международного и национального уголовного права (субъекты правотворчества, виды источников права, структура уголовно-правовых норм, особенности формулировки и толкования

¹ О международных договорах Российской Федерации: федер. закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ. Ст. 14, 15.

² Подробнее по данному вопросу см., напр.: Кибальник А. Г. Влияние международного уголовного права на российское уголовное право: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2003; Субботина Е. Н. Имплементация норм международного уголовного права в уголовное законодательство зарубежных стран и России: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2013.

конкретных терминов и составов преступлений и т. д.), так и проблемы субъективного характера, возникающие из-за несоблюдения законодателем правил юридической техники, недостаточного учета особенностей международного правотворчества. И поэтому в ряде случаев нормы уголовного законодательства, принимаемые во исполнение международных обязательств Российской Федерации, порождают искажение терминологии, нарушение системности, коллизии в праве и другие негативные последствия.

Для иллюстрации вышеизложенного остановимся на истории законодательной регламентации вопроса, который, казалось бы, не должен был вызвать особых затруднений: установления уголовной ответственности за применение пытки. До 2022 г. в УК РФ соответствующий запрет был предусмотрен п. «д» ч. 2 ст. 117 и ч. 2 ст. 302. Данные нормы были направлены на реализацию требований международных нормативных актов¹ и ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, по которой «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию».

В Конвенции о защите прав человека и основных свобод сформулирован общий запрет на применение пыток: «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию» (ст. 3). В Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания пытка определяется как «любое действие, посредством которого человеку намеренно причиняется сильная боль или страдание, физическое или умственное, со стороны официального лица или по его подстрека-

¹ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.: подписана РФ 28 февраля 1996 г. и ратифицирована Федер. законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней»; Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания от 9 декабря 1975 г.; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.: подписана от имени Правительства СССР 10 декабря 1985 г. и ратифицирована Указом Президиума ВС СССР от 21 января 1987 г. № 6416-XI; вступила в силу 26 июня 1987 г.

тельству с целью получения от него или от третьего лица информации или признания, наказания его за действия, которые он совершил или в совершении которых подозревается, или запугивания его или других лиц» (ст. 1). Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания дает более полное по сравнению с вышеуказанной Декларацией определение пытки, относя к ней «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признание, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдание, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно» (ст. 1).

Определение пытки в национальном российском законодательстве было закреплено Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ в примечании к ст. 117 УК РФ, в соответствии с которым «под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях». Полагаем, что оно было неудачным именно в силу принципиального отличия от предложенного в международном праве. Исторически сложилось, что под пыткой как в законодательстве, так и в уголовно-правовой доктрине¹ понималось противоправное деяние, совершен-

¹ Чезаре Беккария, одним из первых сформулировавший доктринальное понятие пытки, определял ее как действие, «производимое над обвиняемым в период следствия, производимого по его делу, или для того, чтобы вымучить у него признания в преступлении, или для того, чтобы объяснить противоречия, сделанные им при допросе, или чтобы принудить его к показанию соумышленников, или для открытия других преступлений, в которых его не обвиняют, но в которых он может быть виновен, или Бог знает для какой метафизической и непонятной необходимо-

ное специальным субъектом – лицом, действующим от имени государства, или, по крайней мере, при наличии прикосновенности такого лица (по его подстрекательству, или с ведома, или с молчаливого согласия) к совершаемому деянию. Отсутствие такого указания приводило к тому, что в уголовном праве нивелировались отличия между «пыткой» и такими понятиями, как «истязание», «издевательство», «особая жестокость».

Характерным признаком пытки являются не просто причиненные мучения и страдания, а мучения и страдания, причиненные представителем государства, должностным лицом, выступающим в официальном качестве, или как минимум по его подстрекательству, а равно с его ведома или молчаливого согласия.

Существовавшее в УК РФ определение пытки создавало проблемы при применении соответствующих уголовно-правовых норм, приводило к уголовно-правовой оценке деяний, не соответствующей общественной опасности содеянного. В юридической литературе отмечалось, что представители судебно-следственной практики, испытывая значительные трудности в разграничении понятий «пытка» и «истязание», при квалификации истязания достаточно часто просто игнорируют признак пытки, закрепленный в качествеотягчающего обстоятельства в п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ¹. Если же данный квалифицирующий признак все-таки вменяется, то основанием для его применения служил не объективный критерий, характеризующийся особыми физическими и психическими мучениями и страданиями, продолжительностью их применения (установить его для отграничения основного состава истязания от квалифицированного по признаку пытки действительно проблематично), а цель причинения мучений и страданий.

На практике это приводило к тому, что если в ходе истязания выдвигались какие-либо требования (вернуть похищенное, предоставить информацию и т. п.), то содеянное квалифицировалось по п. «д»

сти очистить поругание» (см.: Беккария Ч. Рассуждения о преступлении и наказании. СПб., 1903. С. 96–97).

¹ См., напр.: Горшков М. М. Методика расследования истязаний: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 35.

ч. 2 ст. 117 УК РФ как истязание, совершенное с применением пытки. В частности, как истязание с применением пытки были квалифицированы действия В., который, используя для воздействия на тело своей сожительницы разогретый электрический паяльник, требовал сообщить правдивую информацию о том, кто является отцом ее будущего ребенка¹; действия Е., раскаленной металлической кочергой причинившего потерпевшей термические ожоги, требуя сообщить сведения о местонахождении ее сына²; действия П., который, полагая, что сожительница брата причастна к его самоубийству, несколько раз прикладывал полиэтиленовый пакет к ее лицу, блокируя дыхание, и требовал признаться в причастности к смерти брата³; действия С., который при распитии спиртных напитков с Н., обнаружив пропажу своего мобильного телефона и подозревая в его хищении Н., с целью получения сведений о месте нахождения телефона подключил утюг к электрической сети, после чего приставил нагретый утюг к животу Н. и удерживал его около пяти секунд, пока утюг не был выхвачен у него из рук третьими лицами⁴.

Если же такие требования не выдвигались, то квалифицирующий признак «с применением пытки» не вменялся, независимо от характера и продолжительности действий, тяжести последствий, причинения особых мучений и страданий. Так, квалифицируя действия Д., который в течение нескольких дней неоднократно прижигал потерпевшего Ш. утюгом и зажигалкой, причинив ему множественные термические ожоги, суд исключил из обвинения Д. квалифицирующий признак – совершение истязания с применением пытки,

¹ Приговор Александровского городского суда Владимирской области от 13 июля 2015 г. по делу №1-214/2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-aleksandrovskij-gorodskoj-sud-vladimirskaya-oblast-s/act-495465246/> (дата обращения: 12.08.2023).

² Приговор Зенковского районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области от 22 марта 2011 г. по делу № 1-54/2011. URL: <https://rospravosudie.com/court-zenkovskij-rajonnyj-sud-g-prokopevska-kemerovskaya-oblast-s/act-100398448/> (дата обращения: 12.08.2023).

³ Приговор Неманского городского суда Калининградской области от 6 декабря 2011 г. по делу № 1-90/2011. URL: <https://rospravosudie.com/court-nemanskij-gorodskoj-sud-kaliningradskaya-oblast-s/act-100416975/> (дата обращения: 12.08.2023).

⁴ Приговор Тосненского городского суда Ленинградской области от 11 ноября 2011 г. URL: <https://rospravosudie.com/court-tosnenskij-gorodskoj-sud-leningradskaya-oblast-s/act-100436451/> (дата обращения: 12.08.2022 г.)

поскольку «согласно примечания к ст. 117 УК РФ под пыткой в настоящей статье понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях. Следствием указано, что Д., прижигая утюгом потерпевшего, действовал в целях наказания Ш. за высказанные в ходе ссоры ругательства, тогда как суд полагает, что указанные действия подсудимого явились следствием возникших личных неприязненных отношений»¹. Такое решение суда, формально верное и соответствующее законодательной конструкции ст. 117 УК РФ и дефиниции пытки, сформулированной в примечании к данной статье, по существу не отражало общественную опасность содеянного, не обеспечивало должную дифференциацию и унификацию уголовной ответственности.

Рассмотренное определение просуществовало до принятия Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», которым: 1) применение пытки было исключено из числа квалифицирующих признаков истязания; 2) примечание к ст. 117 УК РФ было признано утратившим силу; 3) применение пытки было признано квалифицирующим признаком превышения должностных полномочий (ч. 4 ст. 286 УК РФ²); 4) увеличен срок наказания в виде лишения свободы за применение пытки при совершении преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ («Принуждение к даче показаний»); 5) определение понятия пытки сформулировано в примечании к ст. 286 УК РФ, под пыткой «понимается любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или

¹ Приговор Первомайского районного суда г. Омска от 22 ноября 2011 г. по делу № 1-373/2011. URL: <https://rospravosudie.com/court-pervomajskij-rajonnyj-sud-g-omska-omskaya-oblast-s/act-100471236/> (дата обращения: 12.08.2022).

² До принятия данного закона этот квалифицирующий признак в ст. 286 УК РФ отсутствовал.

третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера».

Данное определение более полно соответствует закреплённому в международном праве. В нём отсутствует определение субъекта пытки, которым, согласно Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, является государственное должностное лицо, выступающее в официальном качестве, или иное лицо, действующее по его подстрекательству, или с его ведома, или молчаливого согласия. Однако с учётом того, что в настоящее время применение пытки считается квалифицирующим признаком только двух преступлений, предусмотренных УК РФ: превышение должностных полномочий и принуждение к даче показаний, совершающихся специальным субъектом, признаки которого не противоречат вышеуказанной Конвенции, можно считать, что данное российским законодателем определение пытки в этой части соответствует нормам международного права.

Однако в законодательно закреплённом в 2002 г. понятии сохранился существенный недостаток определения пытки, отличающий его от дефиниции, сформулированной в рассмотренной выше Конвенции: отсутствие указания на незаконность действий лиц при наличии наказания в качестве одной из целей применения пытки, что позволяет в отдельных случаях признать пыткой применение к виновному законных санкций¹. Анализ правоприменительной практики показывает, что в связи с этим становятся возможными обращения лиц, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы, с исковыми требованиями о признании действий следователей и сотрудников исправительных учреждений пыткой и взыскании компенсации морального вреда. Так, например, К. обратился в суд с иском к Управлению Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков по Красноярскому краю о возмещении морального вреда. Требования мотивировал тем, что с момента его задержания 1 июля 2010 г. следователь Х., зная,

¹ В теории уголовного права на этот недостаток указывалось и ранее. См., напр.: Дворянсков И. В. Наказание или пытка: парадокс уголовного закона // Уголовное право. 2005. № 1. С. 13.

что в ИВС МОВД «Шарыповский» отсутствуют нормальные условия содержания, намеренно этапировала его из СИЗО в ИВС, где содержала более 10 дней в месяц, тем самым оказывая на него психологическое давление. Действия следователя причиняли ему нравственные и физические страдания. Просил признать действия следователя Х. пыткой и взыскать в его пользу компенсацию морального вреда 500 000 рублей, а также 200 000 рублей для проведения физической реабилитации¹.

Полагаем, что при регламентации уголовной ответственности за пытку наиболее удачным вариантом была бы рецепция определения, сформулированного в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, в УК РФ.

Международное сотрудничество государств осуществляется и в сфере создания и функционирования органов международной уголовной юстиции. Первоначальным этапом построения системы международного правосудия можно считать деятельность международных третейских судов. В 1989 г. была учреждена Постоянная палата третейского суда. Первым постоянным международным судом стала Постоянная палата международного правосудия, созданная в соответствии со Статутом Лиги Наций в 1919 г. В настоящее время в системе международного правосудия можно выделить две большие группы: 1) суды, рассматривающие споры между государствами; 2) суды, рассматривающие споры между государствами и частными лицами. Наибольший интерес для целей настоящего исследования представляет деятельность Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) и Международного уголовного суда (далее – МУС). Следует учитывать, что юрисдикция международных судов носит договорной характер, т. е. может быть реализована только с согласия обеих сторон.

МУС, учрежденный на основании Римского статута, принятого на дипломатической конференции 17 июля 1998 г. и вступившего в силу с 1 июля 2002 г., является первым действующим на постоянной основе международным органом уголовной юстиции. Государ-

¹ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 18 июня 2012 г. по делу № 33-5204/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ства становятся участниками МУС, и, следовательно, преступления, совершенные на территории этих государств или их гражданами, становятся подсудными МУС после ратификации Римского статута. В настоящее время по отношению к данному документу можно подразделить все государства на три группы: 1) ратифицировавшие Римский статут; 2) подписавшие, но не ратифицировавшие Римский статут; 3) не подписавшие Римский статут. Основные проблемы, возникшие при принятии решения о ратификации Римского статута, были связаны с национальными конституционными нормами, предусматривающими запрет на выдачу своих граждан иностранному государству и иммунитет ряда должностных лиц. Российская Федерация подписала Римский статут, но не ратифицировала его, принимая участие в работе суда в качестве наблюдателя. В национальной доктрине существует две точки зрения на вопрос, является ли выдача гражданина иностранному государству и передача его в распоряжение МУС одной и той же процедурой. Предпочтительнее представляется позиция тех авторов, которые полагают, что запрет выдачи собственных граждан предполагает и запрет их передачи в распоряжение МУС. Суть данного запрета состоит прежде всего в том, чтобы гражданин не изымался из юрисдикции отечественных судов, что является гарантией справедливого судебного разбирательства его дела¹.

16 ноября 2016 г. Президент РФ В. В. Путин подписал распоряжение № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда», отзывав таким образом подпись Российской Федерации с Римского статута МУС. Такое решение было обусловлено национальными интересами России, политической позицией МУС и неэффективностью его работы.

ЕСПЧ – международный судебный орган, рассматривающий межгосударственные дела и жалобы граждан государств, ратифицировавших Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, подписанную в 1950 г. и вступившую в силу 3 сентября 1953 г. Она устанавливает неотъемлемые права и свободы человека и обязывает государство гарантировать их соблюдение. К таким пра-

¹ См., напр.: Толстых В. Л. Международные суды и участие России в их деятельности // Экономические стратегии. 2009. № 7. С. 81.

вам относятся право на жизнь, запрещение пыток, рабства и принудительного труда, право на свободу и личную неприкосновенность, право на справедливое судебное разбирательство, наказание исключительно на основании закона и ряд других.

В соответствии с Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ Российская Федерация присоединилась к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и признала юрисдикцию ЕСПЧ. При этом ЕСПЧ не отменяет решений, принятых национальными судами, и не указывает законодателю на необходимость внесения изменений в национальное законодательство. ЕСПЧ вправе принять решение о компенсации материального ущерба и морального вреда в случае нарушения предусмотренных указанной конвенцией прав и свобод. В 2015 г. был принят закон, который предоставил Конституционному Суду РФ право признавать невозможным исполнение в России решений международных судов, если они нарушают принцип верховенства Конституции¹. После исключения нашего государства из Совета Европы в июне 2022 г. были приняты нормативные правовые акты, в соответствии с которыми постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., не подлежат исполнению в Российской Федерации².

Полагаем, что проблема участия России в деятельности органов международного правосудия не закрыта. В условиях формирующегося многополярного мира, думаем, будет решаться вопрос о создании эффективных неполитизированных международных судов.

Одним из способов, используемых для совершенствования национального законодательства, с древнейших времен являлось обращение к законодательству других государств. Уже в «Истории» Геродота достаточно отчетливо можно увидеть применение методов сравнительного правоведения. Характеризуя законы и обычаи различных

¹ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федер. конституц. закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ. Там же; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ. Там же.

народов, Геродот выделял как их отличительные особенности, так и общие, объединяющие начала, говорил о преимуществах и недостатках¹. На современном этапе эволюция национальной правовой системы немислима без инструментария сравнительного правоведения. Существуют общие для различных правовых семей, различных национальных правовых систем тенденции развития права, которые невозможно игнорировать при создании и изменении конкретных правовых норм. Нельзя не отметить также наличие приемов законодательной техники, индифферентных к специфике той или иной правовой семьи, используемых государствами, входящими в различные правовые семьи. В то же время есть специфические приемы законодательного конструирования уголовно-правовых норм, проявляющиеся в отраслевом национальном законодательстве, которые не зависят от географического расположения государства, его вхождения в ту или иную правовую семью. Изучение и использование удачных, апробированных в правоприменительной практике особенностей, приемов и методов конструирования правовых норм зарубежных государств целесообразны для совершенствования отечественного законодательства. Полагаю, что обращение к зарубежному уголовному законодательству будет полезно при решении вопросов о том, какие противоправные деяния образуют систему преступлений против правосудия, и о конструировании конкретных уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за посягательства на интересы правосудия.

В первой главе монографии уже отмечалось, что наиболее дискуссионными являются вопросы о целесообразности размещения в гл. 31 «Преступления против правосудия» нормы, закрепленной в ст. 295 УК РФ, и необходимости перемещения в гл. 31 норм, предусмотренных ст. 174, 175, 205⁶ и 321 УК РФ.

В настоящее время лишь в отдельных странах (например, в Аргентине, Бельгии, Иране, Норвегии, Японии) нормы о посягательствах на интересы правосудия не объединены в одном разделе или главе и разбросаны по всему уголовному законодательству. Так, в УК Бельгии нормы о преступлениях, совершаемых должностными лицами,

¹ См.: Геродот. История: в 9 кн. / пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л., 1972.

осуществляющими правосудие и расследование преступлений, расположены в гл. III «О посягательствах, совершенных публичными чиновниками на права, гарантированные Конституцией» разд. II «О преступлениях и проступках, наносящих ущерб правам, гарантированным Конституцией»; нормы о лжесвидетельстве, ложной присяге, ложном переводе, неправильном экспертном заключении, фальсификации доказательств, подкупе свидетелей расположены в гл. V «О лжесвидетельствовании и нарушении присяги» разд. III «О преступлениях и проступках против общественного доверия».

В большинстве стран посягательства на интересы правосудия представляют отдельный структурный элемент (раздел, главу, отделение) Особенной части уголовного законодательства. Наименование соответствующей главы или раздела в основном такое же, как и в российском уголовном законодательстве: «Преступления против правосудия». Однако есть и иные варианты: «О посягательствах на отправление правосудия» (Франция); «Преступления против судебной деятельности» (Италия); «Преступления против судебной власти» (Испания, Турция); «Ложные свидетельства и преступления против правосудия» (Индия); «Вмешательство в судопроизводство» (Израиль).

Однако наполняемость такого структурного элемента, т. е. количество, наименование и содержание соответствующих составов преступлений, существенно различается. В основном в рассматриваемой главе или разделе содержится от 10 до 40 составов преступлений. Норма о легализации преступных доходов в основном относится к экономическим преступлениям, однако в некоторых странах она признается разновидностью укрывательства и, соответственно, преступлением против правосудия (например, в Швейцарии). Норма о дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, признается как преступлением против правосудия (Беларусь, Китай, Германия), так и преступлением против порядка управления (Азербайджан, Кыргызстан, Таджикистан).

Несмотря на все существующие отличия, касающиеся количества и содержания норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану интересов правосудия, современное законодательство практически всех государств мира, относящихся к различным правовым системам,

находящимся в различных частях земного шара, содержит уголовно-правовые запреты на совершение ложного доноса и лжесвидетельства. Учитывая изложенное, анализ особенностей регламентации ответственности за ложный донос, лжесвидетельство и отказ от дачи показаний и заключения эксперта в уголовном законодательстве зарубежных государств представляет несомненный интерес.

В компаративистике существуют различные взгляды на классификацию правовых систем. Дискуссионным остается вопрос относительно как критериев классификации, так и количества классификационных групп. Так, Рене Давид называет три основные правовые семьи (семья общего права, романо-германская правовая семья и семья социалистического права), отмечая существование также мусульманского права, индусского права, правовых систем Дальнего Востока, Африки и Мадагаскара¹. К. Цвайгерт и Х. Кетц предлагают сгруппировать все существующие национальные правовые системы в восемь правовых семей: «1) романская; 2) германская; 3) скандинавская; 4) общего права; 5) социалистического права; 6) права стран Дальнего Востока; 7) исламского права; 8) индусского права»². По мнению А. В. Наумова, «с известной долей условности в настоящее время можно выделить следующие основные системы уголовного права (как проявления правовых систем в целом): 1) романо-германское; 2) англо-саксонское; 3) социалистическое и 4) мусульманское»³. В зависимости от доминирующей в уголовном праве идеи Г. А. Есаков различает «уголовно-правовые семьи общего права, континентального права, религиозного права, общинного права и обычного права»⁴, указывая, что «сознательное избегание по возможности географических привязок (англо-американская или англо-саксонская семья, романо-германская, дальневосточная и т. д.) обу-

¹ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Гуманова. М., 1996. С. 25.

² Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. Т. 1. Основы. М., 2000. С. 108.

³ Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций. В 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2004. С. 451.

⁴ Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран: учеб. пособие. М., 2009. С. 21.

словлено выходом уголовно-правовых семей за их исторические, географические границы»¹.

Очевидно, что при имеющемся разнообразии взглядов на классификацию правовых семей всеми исследователями выделяются семьи континентального (романо-германского) права и общего (англо-саксонского, англо-американского) права, которые являются основными мировыми правовыми семьями. Специфическими особенностями обладает религиозное право. Вычленение социалистического права как самостоятельной правовой семьи в настоящее время утратило прежнюю актуальность. Существуют также национальные правовые системы (носят смешанный характер: сочетают элементы, типичные для различных правовых семей²), а также материнские и дочерние системы.

Термин «семья континентального права» (так же как и «семья романо-германского права») обладает определенной долей условности, так как к данной семье давно относятся не только системы национального права стран европейского континента, как это было первоначально. Вследствие колонизаторской деятельности многих европейских государств к семье континентального права принадлежат латиноамериканские страны и бывшие колонии Франции, Португалии, Бельгии, Голландии, Германии в Африке и Азии; несомненно влияние континентального права на уголовное законодательство Индонезии и Японии. Таким образом, система континентального права получила распространение во многих странах мира вследствие как колонизации, так и добровольной рецепции.

Семья континентального права отличается рядом существенных особенностей: признание основным источником права закона, который обладает высшей юридической силой; существование иерархии источников права; деление права на отрасли; кодификация – обязательное условие организации отраслевых норм права; правовая

¹ Там же. С. 22.

² В. Н. Додонов указывает, что «смешанными следует считать такие системы, которые испытывают влияние сразу двух или более систем и влияние каждой из них настолько значительно, что не позволяет однозначно сделать типологический выбор» (см.: Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / под ред. С. П. Щербы. М., 2009. С. 32).

норма представляет высшее правило поведения; судебная практика подчинена праву; в законе фиксируются общие принципы права; существует единый фонд основных правовых понятий, обеспечивающий согласованность права и отсутствие внутренних противоречий. Континентальное право направлено на обеспечение ясности и точности законодательных предписаний, исключение возможности двусмысленности при толковании. Высказывание Наполеона Бонапарта «Закон должен быть ясным, точным и единообразным; толковать его – значит допускать искажения» можно рассматривать в качестве руководящего начала для континентального права, своеобразным символом которого является УК Франции 1810 г. Именно «начиная с этого момента весь романо-германский мир был вовлечен в кодификацию»¹.

Внутри семьи континентального права с определенной долей условности можно выделить несколько групп:

1. Группа романского права, к которой относятся Франция, Бельгия, Испания, Италия, Румыния, латиноамериканские государства и др.

2. Группа германского права, куда входят Германия, Австрия, Болгария, Венгрия, Греция, Польша, Португалия, Россия, Турция и др.

3. Группа скандинавского права охватывает такие государства, как Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция и др. Некоторые ученые полагают, что скандинавское право представляет собой самостоятельную правовую семью, в которой роль судебной практики более значительна, чем в семье континентального права, но при этом скандинавское право не обладает характерными признаками общего права².

Группа романского права. В Уголовном кодексе Франции³ существуют различные нормы, предусматривающие ответственность за ложное сообщение о самом факте преступления и за ложное обви-

¹ Pradel J. Droit pénal compare. Paris, 1995. P. 66.

² См.: Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 108; Правовые системы стран мира: энцикл. справ. / под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 5.

³ См.: Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головкин, Н. Е. Крыловой; пер. с фр. и предисл. Н. Е. Крыловой. СПб., 2002.

нение, направленное против конкретного лица. В первом случае объектом преступления признаются интересы правосудия (ст. 434-26 включена в гл. IV «О посягательствах на отправление правосудия»), во втором – интересы личности (в состав гл. VI «О посягательствах на личность» включен отд. III «О ложном доносе», объединяющий ст. 226-10–226.12). В статье 434-26 регламентируется ответственность за совершение деяния, выразившегося в ложном сообщении органу судебной или административной власти о фактах, образующих какое-либо преступление или проступок, вынудившее судебные власти вести напрасные поиски. Наказание – шесть месяцев тюремного заключения и штраф. В соответствии со ст. 226-10 предусмотрена ответственность за обвинение, осуществленное любым способом и направленное против определенного лица, в деянии, способном повлечь судебные, административные или дисциплинарные санкции, если обвиняющему известно, что обвинение полностью или частично неверно, и если содержащий обвинение донос направлен должностному лицу судебного ведомства или должностному лицу судебной или административной полиции, либо органу, имеющему право начать по нему производство или передать его в производство компетентного органа.

Французское уголовное законодательство предусматривает отдельные нормы, регламентирующие ответственность за лжесвидетельство, неправильный перевод и совершенную экспертом фальсификацию данных или результатов экспертизы. В статье 434-13 указано, что лжесвидетельство, сделанное под присягой перед любым судебным органом или должностным лицом судебной полиции, действующим в порядке исполнения отдельного судебного поручения, наказывается пятью годами тюремного заключения и штрафом в размере 500 000 франков. В этой же статье регламентируется возможность освобождения от наказания лжесвидетеля в том случае, если он добровольно отказался от своих показаний до вынесения окончательного решения по делу следственным судьей или судом, рассматривающим дело по существу. В статье 434-14 предусмотрена ответственность за лжесвидетельство при отягчающих обстоятельствах: 1) если его причиной является вручение какого-либо подарка или какого бы то ни было вознаграждения; 2) если тот, против кого или

в пользу кого было совершено лжесвидетельство, подлежит какому-либо уголовному наказанию. В этом случае лжесвидетельство наказывается семью годами тюремного заключения и штрафом в размере 700 000 франков.

Согласно ст. 434-18 переводчик подлежит ответственности за искажение существа переводимых слов или документов в процессе производства по любому делу. Если эксперт в процессе производства по любому делу совершает деяние, выразившееся в фальсификации данных или результатов экспертизы в своих письменных заключениях или устных показаниях, то он подлежит уголовной ответственности по ст. 434-20. Отягчающими для этих преступлений являются те же обстоятельства, что и при совершении лжесвидетельства. Наказание аналогично наказанию за лжесвидетельство.

Специфично во французском законодательстве сформулированы нормы, регламентирующие ответственность за отказ от дачи показаний. В статье 434-11 предусмотрено наказание (три года тюремного заключения и штраф в размере 300 000 франков) за деяние, совершенное каким бы то ни было лицом, знающим о существовании доказательства невиновности лица, временно заключенного под стражу или осужденного за преступление или проступок, выразившееся в умышленном воздержании от немедленной дачи об этом показаний судебным или административным органам власти. Таким образом, в соответствии с данной нормой наказываются лица, чьи показания могли способствовать освобождению невиновного лица, в отношении которого необоснованно избрана мера пресечения или которое было осуждено за преступление или проступок, которые это лицо не совершало. В норме указывается перечень лиц, которые освобождаются от ответственности за данное преступление и к которым данная норма не применяется: «2. Однако от наказания освобождается тот, кто даст свои показания, хотя и с опозданием, но по собственной инициативе. Положения первого абзаца не применяются: п. 1. К исполнителю или соучастнику преступного деяния, которое стало причиной уголовного преследования, его родственникам по прямой линии и их супругам, а также к его братьям и сестрам и их супругам; п. 2. К супругу исполнителя или соучастника преступного деяния, которое стало причиной уголовного пре-

следования, или лицу, состоящему с ним во внебрачном сожителстве. Положения первого абзаца равным образом не применяются к лицам, обязанным хранить тайну в порядке, предусмотренном статьей 226-13» (в данном случае речь идет о лицах, владеющих информацией секретного характера либо в силу своего положения или профессии, либо в силу занимаемой ими должности или временно выполняемых обязанностей).

В статье 434-12 предусмотрена ответственность за деяние, совершенное любым лицом, публично заявившим о том, что ему известны исполнители какого-либо преступления или проступка, выразившееся в отказе ответить на вопросы, заданные ему по этому поводу судьей. Наказание за содеянное – один год тюремного заключения и штраф в размере 100 000 франков.

В УК Италии¹ нормы, регламентирующие ответственность за преступления против правосудия, объединены в разд. III кн. 2. Статьи, предусматривающие ответственность за ложные утверждения о совершенном преступлении и имитацию следов преступления (ст. 367 «Моделирование преступления»), за ложное обвинение невиновного лица в совершении преступления (ст. 368 «Клевета»), расположены в гл. 1 раздела «Преступления против судебной деятельности». Ответственность за рассматриваемые преступления наступает и в том случае, если сообщение было сделано анонимно или под псевдонимом. Наказание за моделирование преступления – лишение свободы на срок от одного года до трех лет; наказание за обвинение невиновного лица в совершении преступления варьируется в зависимости от тяжести того преступления, в котором было ложно обвинено лицо, и назначенного наказания. Часть 1 ст. 368 УК Италии предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет; если установленное законом наказание за преступление, в котором было ложно обвинено лицо, превышает десять лет лишения свободы, то виновный наказывается лишением свободы на срок от четырех до двенадцати лет; если на основе ложного доноса был вынесен приговор о пожизненном заключении, виновный наказывается лишением свободы на срок от шести до двадцати

¹ Codice Penale della Repubblica Italiana // Итальянистика. URL: <http://www.belpaese2000.narod.ru/Italia/ufficiale/penale/penale1.html> (дата обращения: 15.10.2020).

лет; если на основе ложного доноса был вынесен приговор о смертной казни, к виновному применяется пожизненное заключение.

В итальянском уголовном законодательстве предусмотрены различные нормы, регламентирующие ответственность за лжесвидетельство, ложное заключение эксперта и неправильный перевод. Под лжесвидетельством, в соответствии со ст. 372 УК Италии, понимается утверждение ложного или отрицание истинного лицом, вызванным как свидетель в правоохранительные органы, а равно его молчание в целом или в части, утверждение о незнании фактов, о которых его спрашивают. Наказание за содеянное – лишение свободы на срок от двух до шести лет. Самостоятельная норма (ст. 374-bis) предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от одного года до пяти лет для тех, кто утверждает или подтверждает ложные сведения, характеризующие личные качества обвиняемого, если эти сведения предназначены для судебной власти.

Согласно ст. 373 УК Италии, если эксперт или переводчик, вызванные судебной властью, дают заключение или интерпретацию, не соответствующие правде, они подвергаются тому же наказанию, которое предусмотрено за лжесвидетельство. В статье 374 «Мошенничество криминалиста» регламентируется ответственность эксперта за искусственное изменение статуса объекта экспертизы в целях введения суда в заблуждение. Наказание – лишение свободы на срок от шести месяцев до трех лет.

В статье 375 установлены единые квалифицирующие признаки для всех преступлений, предусмотренных ст. 372–374. Наказание за квалифицированные составы рассматриваемых преступлений достаточно жесткое. Если в результате совершения данных преступлений лицо приговорено к тюремному заключению сроком не более пяти лет, виновный наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет; если осуждение происходит на срок выше, чем пять лет, то виновный наказывается лишением свободы на срок от четырех до двенадцати лет. В случае вынесения приговора к пожизненному заключению виновный наказывается лишением свободы на срок от шести до двадцати лет.

Ответственности за отказ от дачи показания в уголовном законодательстве Италии не предусмотрено.

В УК Испании¹ регламентации ответственности за преступления против судебной власти посвящен разд. XX, объединяющий восемь глав. В главе «О ложном обвинении, ложном доносе и о симуляции преступлений» объединены нормы, предусматривающие ответственность за различные виды доноса и за самооговор. В соответствии со ст. 456 УК Испании наказывается тот, кто, сознавая ложность или пренебрежительно относясь к правде, обвинит другое лицо в совершении деяний, которые являются уголовным нарушением, если это обвинение было осуществлено перед судебным или административным служащим или по такому же судебному решению, после отложения рассмотренных дел или из архива произвести расследование. Размер наказания зависит от тяжести того преступления, в котором было ложно обвинено невиновное лицо. В статье 457 УК Испании предусмотрена ответственность за второй вид доноса (наказывается тот, кто перед служащим Суда или Трибунала заявит о несуществующем уголовном нарушении, возбуждая процессуальные действия) и за симуляцию преступлений (наказывается тот, кто перед служащим Суда или Трибунала ложно заявит о себе как о виновном либо как о жертве уголовного нарушения). Наказание – штраф на сумму от шести до двенадцати месячных заработных плат.

Ответственности за дачу ложных показаний, ложного заключения или неправильного перевода посвящены нормы, предусмотренные главой «О ложном свидетельстве». Статья. 458 УК Испании гласит: «Свидетель, который даст ложные показания в судебном процессе, наказывается тюремным заключением на срок от шести месяцев до двух лет и штрафом на сумму от трех до шести месячных заработных плат». В качестве квалифицирующих предусмотрены следующие признаки: если ложное свидетельство будет дано против обвиняемого по уголовному делу; если вследствие ложного свидетельства был вынесен обвинительный приговор; если ложное показание было дано перед Международным Судом, который в соответствии с Договорами, должным образом ратифицированными согласно испанской Конституции, осуществляет полномочия, вытекающие из нее, либо в случае исполнения в Испании поручения,

¹ Уголовный кодекс Испании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова. М., 1998.

вынесенного иностранным судом. Наказание в этом случае – тюремное заключение на срок от одного года до трех лет и штраф на сумму от шести до двенадцати месячных заработных плат.

Согласно ст. 459 Уголовного кодекса Испании «наказания, предусмотренные в предыдущих статьях, назначаются ближе к верхнему пределу санкции экспертам или переводчикам, которые со злым умыслом нарушат истину в своем суждении или переводе; этим лицам также дополнительно назначается лишение права занимать соответствующие должности или государственный пост, специальности или профессии на срок от шести до двенадцати лет».

В статье 462 предусмотрен специальный вид освобождения от уголовной ответственности: если лжесвидетель откажется от своих показаний во время и в форме, необходимой для достижения правды, до вынесения приговора в процессе.

В той же главе «О ложном свидетельстве» расположена ст. 460, устанавливающая следующее: если свидетель, эксперт или переводчик, существенно не греша против истины, исказит ее недомолвками, неточностями либо умолчит важные действия либо даты, о которых он знал, он наказывается штрафом на сумму от шести до двенадцати месячных заработных плат и в соответствующих случаях временным отстранением от должности или государственного поста, специальности или профессии на срок от шести месяцев до трех лет. В главе «Об обструкции правосудию и нарушении профессионального долга» размещена ст. 463, согласно которой тот, кто, вызванный в законной форме, не явится без уважительной причины в Суд или в Трибунал в уголовный процесс, где подсудимый находится в предварительном заключении, провоцируя приостановление устного судопроизводства, наказывается арестом на срок от двенадцати до восемнадцати выходных дней и штрафом на сумму от шести до девяти месячных заработных плат. Штраф на сумму от шести до девяти месячных заработных плат назначается тому, кто после предупреждения во второй раз не явится на процесс, где подсудимый не находится в предварительном заключении, независимо от того, будет ли приостановление производства или нет.

УК Бельгии¹ предусмотрена ответственность за несколько видов доноса. В главе «О покушениях на честь или на достоинство личности» установлена общая норма о клевете: «Тот, кто со злыми намерениями припишет человеку определенный факт, способный нанести ущерб его чести или вызвать к нему общественное презрение без предоставления законных доказательств, виновен в клевете, если закон допускает доказывание вмененного факта, и в диффамации, если такое доказывание по закону недопустимо» (ст. 443). В статье 445 в качестве одного из квалифицирующих признаков закреплено клеветническое заявление, сделанное в орган власти. Наказание за рассматриваемое деяние – тюремное заключение от пятнадцати дней до шести месяцев и штраф от пятидесяти до тысячи франков. В главе «Об угрозах посягательства против лиц или против имущества и о ложной информации, относящейся к тяжким посягательствам» предусмотрена ответственность лиц, которые устно либо письменно, анонимно или с подписью сознательно сообщают ложную информацию о якобы существующей опасности посягательства против лиц или собственности, караемого уголовным наказанием.

Регламентации ответственности за лжесвидетельство, лжеприсягу, ложное заключение эксперта и ложный перевод посвящена глава «О лжесвидетельствовании и нарушении присяги». Наказание за дачу ложных свидетельских показаний в уголовном деле либо против обвиняемого, либо в его пользу наказывается весьма сурово – тюремным заключением на срок от пяти до десяти лет (ст. 215 УК Бельгии). При наличии квалифицирующих признаков (связанных со сроком, на который был осужден подсудимый) может быть повышено до тридцати лет тюремного заключения.

Бельгийское уголовное законодательство в самостоятельных нормах предусматривает ответственность за сообщение ложных сведений против подсудимого либо в его пользу лицами, вызванными в суд для дачи простой информации (ст. 217 УК Бельгии); за ложные свидетельские показания в деле о совершении проступка как против обвиняемого, так и в его пользу (ст. 218 УК Бельгии); за ложные свидетельские показания в деле о полицейском нарушении как против

¹ Уголовный кодекс Бельгии / пер. с фр. Г. И. Мачковского; науч. ред. и предисл. Н. И. Мацнева. СПб., 2004.

обвиняемого, так и в его пользу (ст. 219 УК Бельгии); за дачу ложных свидетельских показаний в гражданском деле (ст. 220 УК Бельгии).

Если виновный в лжесвидетельстве получил за это деньги, какое-либо вознаграждение или их обещание, то ему назначается дополнительное наказание – штраф от пятидесяти до трех тысяч франков.

В соответствии со ст. 221 УК Бельгии переводчик и эксперт, виновные в заведомо ложном переводе и неправильном экспертном заключении как в уголовном деле против обвиняемого или в его пользу, так и в исправительном или полицейском производстве против обвиняемого или в его пользу, либо в гражданских делах наказываются как лжесвидетели.

В качестве дополнительного наказания виновные в вышепересмотренных преступлениях могут быть осуждены к лишению права выступать присяжным, экспертом, понятым, свидетелем-сертификатором (т. е. удостоверяющим личность участвующего в нотариальном акте лица); давать показания в суде, кроме сообщения сведений, не имеющих процессуального характера, на срок от пяти до десяти лет.

Виновный в подкупе свидетелей, экспертов, переводчиков подвергается тем же наказаниям, что и лжесвидетель (ст. 223 УК Бельгии). В соответствии со ст. 226 УК Бельгии тот, кто принес ложную присягу, наказывается тюремным заключением от шести месяцев до трех лет и штрафом от двадцати шести до десяти тысяч франков.

Ответственности за отказ от дачи показания в уголовном законодательстве Бельгии не предусмотрено.

В УК Аргентины в разделе «Преступления против государственной администрации» расположены главы «Ложное обвинение» и «Ложное свидетельствование»¹.

Статья 245 УК Аргентины закрепляет наказание в виде лишения свободы на срок от двух месяцев до одного года тюремного заключения или наложением штрафа в размере от 750 до 12 500 песо лица, сделавшего ложное сообщение властям о якобы совершенном преступлении. Ответственность за донос, связанный с обвинением конкретного лица в совершении преступления, наступает в соответствии с нормой, расположенной в разделе «Преступления против досто-

¹ Уголовный кодекс Аргентины / науч. ред. и вступ. ст. Ю. В. Голика; пер. с исп. Л. Д. Ройзенгурта. СПб., 2003.

инства». Согласно ст. 109 совершение клеветы или ложного обвинения в преступлении, повлекшие за собой общественные действия, наказываются лишением свободы на срок от одного года до трех лет тюремного заключения.

Ответственность за лжесвидетельство и отказ от дачи показаний регламентируются нормами, объединенными в главу «Ложное свидетельствование». Статья 275 УК Аргентины гласит: наказывается тот свидетель, эксперт или переводчик, который дал ложное показание либо отрицал или умолчал истину, всю или часть ее, в своем свидетельском показании, речи на суде, письменном или устном переводе, сделанном для компетентных властей. Если ложное свидетельствование было дано против обвиняемого по уголовному делу и нанесло ему ущерб, содеянное образует квалифицированный состав преступления (ч. 2 ст. 275 УК). В соответствии со ст. 276 свидетелю, эксперту или переводчику, представившему ложные показания за взятку, назначается дополнительное наказание.

Группа германского права. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия¹ (далее – Уложение) за ложное сообщение о самом факте совершения преступления и ложное обвинение конкретного лица в совершении преступления предусматривает ответственность в различных статьях, включенных в разные разделы Уложения. В разделе VII «Преступления против общественного порядка» регламентируется ответственность за симуляцию преступного деяния для тех лиц, которые заведомо вводят в заблуждение государственное учреждение или организацию, к компетенции которых относится принятие заявлений о совершении преступных деяний о том, что якобы было совершено противоправное деяние или что якобы предстоит совершение одного из противоправных деяний (§ 145d). Максимальное наказание, предусмотренное за данное преступление – три года лишения свободы. Нормами разд. X «Ложное подозрение» регламентируется ответственность за ложное подозрение для того, кто в государственном учреждении либо перед должностным лицом, к компетенции которого относится принятие заявлений о совершении противоправных деяний, или публично заведомо

¹ Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: текст и науч.-практ. коммент. М., 2010.

ложно обвиняет другое лицо в том, что оно совершило противоправное деяние, для того чтобы против этого лица было возбуждено или продолжено расследование или применение других официальных мер (§ 164). Максимальное наказание, предусмотренное за данное преступление, – пять лет лишения свободы. В соответствии с § 165 Уложения, если ложное подозрение было совершено публично или посредством распространения письменных произведений и виновному было назначено наказание, то по ходатайству потерпевшего выносится постановление об опубликовании приговора об осуждении за ложное подозрение. Таким образом, законодательно предусмотрен особый порядок возмещения вреда, причиненного чести и достоинству потерпевшего.

В разделе IX Уложения предусматривается ответственность за дачу в качестве свидетеля или эксперта ложных показаний без принесения присяги (§ 153), а также устанавливается наказание для того, кто ложно присягает в суде или инстанции, к компетенции которой относится приведение к присяге (§ 154), и для того, кто в государственном учреждении, к компетенции которого относится принятие данных вместо присяги заверений, ложно заверяет вместо присяги или дает ложные показания, ссылаясь на такое заверение (§ 156). Максимальное наказание, предусмотренное за лжесвидетельство и лжеприсягу, – пять лет лишения свободы, за ложное заверение, данное вместо присяги, – три года лишения свободы.

В § 157, 158 Уложения предусмотрены три обстоятельства, при наличии любого из них суд может по своему усмотрению смягчить наказание либо полностью воздержаться от назначения наказания за лжесвидетельство:

1) если исполнитель сказал неправду, для того чтобы отвести от родственника или себя самого опасность подвергнуться наказанию или принудительной мере исправления и безопасности, сопряженной с изоляцией от общества;

2) если ложные показания без принесения присяги дало лицо, еще не достигшее возраста, с которого оно может быть допущено к принесению присяги (согласно § 60, № 1 Уголовно-процессуального кодекса ФРГ это лицо, не достигшее 16-летнего возраста);

3) если исполнитель своевременно исправляет ложное показание (исходя из § 158, № 3 Уложения, исправление является запоздалым, если оно не может быть больше учтено при принятии решения, или если вследствие деяния другому лицу был причинен вред, или если в отношении исполнителя уже было подано заявление о совершении деяния или начато расследование).

В то же время § 161 Уложения предусмотрена ответственность за неосторожную лжеприсягу и неосторожное ложное заверение, данное вместо присяги. Максимальное наказание за данное преступление – один год лишения свободы.

Нормы об ответственности за отказ от дачи показаний в Уложении нет.

В УК Республики Болгария¹ нормы, регламентирующие ответственность за преступления против правосудия, объединены в разд. III гл. 8 «Преступления против деятельности государственных органов и общественных организаций».

В статье 286 данного раздела предусмотрена ответственность за ложный донос: кто перед надлежащим органом власти обвинит кого-либо в совершении преступления, зная о его невиновности, или представит ложные доказательства этого, наказывается за ложный донос лишением свободы от одного года до шести лет и общественным порицанием. В качестве квалифицирующего признака закреплено привлечение оговоренного к уголовной ответственности. Наказание в этом случае – лишение свободы от одного года до десяти лет.

В соответствии со статьей 290 за лжесвидетельство наказывается тот, кто в качестве свидетеля сознательно устно или письменно перед судом или другим надлежащим органом власти подтвердит ложь или умолчит об истине. В части 2 ст. 290 УК Болгарии предусмотрена ответственность переводчика или лица, оказывающего содействие суду или другому надлежащему органу власти при допросе лиц, не могущих в силу тех или иных причин самостоятельно давать показания, если они сознательно сделают устно или письменно невер-

¹ Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А. И. Лукашова; вступ. ст. И. И. Айдарова; пер. с болг. Д. В. Милушева, А. И. Лукашова. СПб., 2001. С. 206, 207.

ный перевод или дадут неверное толкование. Максимальный размер наказания за данное преступление – пять лет лишения свободы. Отдельная норма регламентирует ответственность того, кто подтвердит ложь или утаит истину в письменном заявлении, представленном суду (наказание – лишение свободы до трех лет).

В статье 291 УК Болгарии регламентируется ответственность эксперта, который перед судом или перед другим надлежащим органом власти сознательно устно или письменно даст неправильное заключение. В части 2 данной статьи предусмотрена ответственность за совершение данного преступления по неосторожности. Дополнительное наказание, предусмотренное за неправильное заключение, – лишение права заниматься определенной профессией или деятельностью.

В статье 292 закреплены обстоятельства, при наличии которых наказание за рассмотренные преступления не применяются: 1) если лицо, давая правдивые показания, заключение или перевод, обвинило бы себя в преступлении; 2) если лицо откажется перед надлежащим органом от своего ложного свидетельского показания, перевода, толкования или заключения до вступления приговора или решения в силу и до возбуждения против него за это уголовного преследования.

В УК Республики Польша¹ ответственность за преступления против правосудия регламентируется нормами, объединенными в гл. XXX.

Ответственность за различные виды доноса предусмотрена в ст. 234, 235 и 238 УК Польши. В статье 234 регламентируется ответственность за донос, сопряженный с обвинением конкретного лица в совершении преступления, которая наступает за представление ложного обвинения другого лица в совершении преступления, в том числе налогового преступления, правонарушения, налогового правонарушения или дисциплинарного проступка, сделанного органу, призванному осуществлять преследование или выносить решения по соответствующим делам. Наказание – штраф, ограничение сво-

¹ Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. Н. Ф. Кузнецовой, А. И. Лукашова; вступ. ст. А. И. Лукашова, Э. А. Саркисовой; пер. Д. А. Барилевич. СПб., 2001. С. 165–167.

боды либо лишение свободы на срок до двух лет. В статье 235 предусмотрена ответственность за квалифицированный донос – сопряженный с созданием ложных доказательств или использованием обмана, для того чтобы направить преследование против определенного лица.

В соответствии со ст. 238 УК Польши лицо подлежит ответственности за уведомление о преступлении или о налоговом преступлении органов, призванных осуществлять преследование, если при этом субъект знал, что в действительности преступление не совершено. Наказание аналогично установленному за первый вид доноса.

Ответственность за лжесвидетельство предусмотрена в ст. 233 УК Польши. Согласно § 1 подлежит ответственности тот, кто, давая показания, которые могут использоваться как доказательства в судопроизводстве или в ином производстве, которое проводится на основании закона, сообщает ложные сведения или скрывает правду. Максимальный размер наказания за данное преступление – три года лишения свободы. Кроме того, в § 2 и 3 определяются условия ответственности за лжесвидетельство: 1) если лицо, ведущее допрос, действуя в пределах своих полномочий, предупредило лицо, дающее показания, об уголовной ответственности за ложные показания или взяло у него обещание о даче правдивых показаний (§ 2); 2) не подлежит наказанию тот, кто, не зная о праве отказа от показаний или от ответа на вопросы, дает ложное показание из-за боязни уголовной ответственности, угрожающей ему или самым близким ему лицам (§ 3).

В § 4 ст. 233 УК Польши предусмотрена ответственность эксперта, специалиста или переводчика, представивших ложное заключение или перевод, которые могут использоваться как доказательство в судопроизводстве или в ином производстве, которое проводится на основании закона. Максимальное наказание за данное преступление – три года лишения свободы.

В § 5 ст. 233 закреплены обстоятельства, при наличии которых суд может применить чрезвычайное смягчение наказания и даже отказаться от его назначения: 1) ложное показание, заключение или перевод касаются обстоятельств, которые не могут повлиять на решение дела; 2) виновный добровольно исправляет ложное показание,

заклучение или перевод прежде, чем вынесено хотя бы и неправомочное решение по делу.

В соответствии со ст. 236 УК Польши привлекается к ответственности любой, кто скрывает доказательства невиновности лица, подозреваемого в совершении преступления, правонарушения или дисциплинарного проступка. Исключение сделано для лиц, которые совершают указанные действия из-за боязни быть привлеченными к уголовной ответственности. Наказание – ограничение или лишение свободы на срок до двух лет.

Особое место среди европейских стран занимает Турция, в которой осуществлена полная деисламизация правовой системы. В УК нормы, регламентирующие ответственность за преступления против судебной власти, объединены в четвертый раздел, включающий восемь глав¹.

Глава вторая данного раздела включает нормы, регламентирующие ответственность за ложное обвинение и введение в заблуждение официальных органов. Ложное сообщение о самом факте совершения правонарушения наказывается по ст. 283 УК Турции, предусматривающей ответственность в случае, если лицо доносит в соответствующие органы о правонарушении, заведомо зная о его несовершении, или фабрикует признаки несовершенного правонарушения, стремясь тем самым инициировать возбуждение уголовного преследования. В части 2 ст. 283 устанавливается ответственность в отношении лица, которое перед судебными органами дает ложные свидетельства о совершении им правонарушения или своем участии в таком деянии. Наказывается данное преступление заключением на срок до тридцати месяцев. Нормы гл. 3 разд. 4 регламентируют ответственность за клевету – ложное обвинение конкретного лица в совершении правонарушения. В части 1 ст. 285 УК Турции лицо, донесшее или подавшее жалобу в судебные органы или органы, обязанные передать полученную информацию судебным органам, или в органы, имеющие право возбудить или дать указание о возбуждении уголовного преследования, о совершении кем-либо правонару-

¹ Уголовный кодекс Турции // Юридическая Россия: федер. правовой портал. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242102&subID=100099623,100099624#text> (дата обращения: 15.11.2023).

шения, заведомо зная о его невиновности, или сфабриковавшее признаки совершения правонарушения, направленные против указанного лица, наказывается заключением на срок от трех месяцев до трех лет в зависимости от вида и характера вменяемого в вину правонарушения или правдоподобия сфабрикованных признаков. Данная норма предусматривает ряд квалифицирующих признаков, наличие которых обуславливает существенное повышение размера назначаемого наказания. Максимальный размер наказания за ложное обвинение, которое повлекло лишение свободы оклеветанного лица, – пять лет заключения; если в отношении оклеветанного лица был вынесен приговор об осуждении его к наказанию, ограничивающему свободу на срок более трех лет, то клеветник осуждается к такому же наказанию, но на срок не более пятнадцати лет; если в отношении потерпевшего было назначено наказание в виде пожизненного тяжкого заключения, клеветник наказывается тяжким заключением на срок не менее пятнадцати лет; если в отношении потерпевшего было назначено наказание в виде смертной казни, клеветник наказывается пожизненным тяжким заключением. Наказание сокращается в том случае, если клеветник откажется от своих обвинений или признается в фабрикации признаков правонарушения.

Ответственности за лжесвидетельство посвящены нормы гл. 4 «Лжесвидетельство и ложная присяга». В соответствии со ст. 286 УК Турции наказывается лицо, которое во время дачи показаний перед чиновником или коллегией, уполномоченными на проведение допроса под присягой свидетелей или экспертов, дает ложные показания или отрицает действительные события, либо скрывает известную ему информацию о расследуемом обстоятельстве. Максимальный размер наказания за данное преступление – три года лишения свободы. В качестве обстоятельств, отягчающих наказание, предусмотрены: 1) совершение рассматриваемого деяния при проведении расследования или судебного разбирательства в связи с преступлением, за которое предусмотрено наказание, ограничивающее свободу на срок более трех лет (в данном случае виновный наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет); 2) вынесение в результате лжесвидетельства приговора об осуждении к пожизненному заключению (в данном случае виновный наказывается лише-

нием свободы на срок не менее пятнадцати лет); 3) вынесение в результате лжесвидетельства приговора об осуждении к смертной казни (в данном случае виновный наказывается пожизненным лишением свободы).

Статьей 287 УК Турции предусмотрена ответственность за лжеприсягу, данную лицом, являющимся истцом или ответчиком в гражданском деле. Статья 288 УК Турции определяет обстоятельства, при которых лицо, дававшее ложную присягу или ложные показания, освобождается от наказания: 1) сообщение им правдивых сведений могло бы неизбежно причинить непомерный ущерб, затрагивающий свободу или достоинство его самого или одного из его родственников; 2) он не был предупрежден судом о своем праве не принимать требования о даче свидетельских показаний или воздержаться от выступления в качестве свидетеля, эксперта или переводчика, несмотря на то что имел такое право. Однако виновный подлежит наказанию даже при наличии этих обстоятельств, если в результате его лжесвидетельства было возбуждено уголовное преследование или был вынесен приговор в отношении другого лица. В данном случае наказание, предусмотренное ст. 286 УК Турции, сокращается от половины до двух третей. Лицо, дававшее ложные показания во время уголовного расследования или судебного разбирательства, освобождается от наказания и в том случае, если оно откажется от своих показаний и расскажет правду до завершения уголовного расследования принятием решения о возбуждении уголовного преследования или о снятии обвинений, или до окончания судебного разбирательства, или переноса его на другую дату в связи с лжесвидетельством (ст. 289).

Нормы, регламентирующей ответственность за отказ от дачи показаний, в уголовном законодательстве Турции не предусмотрено.

Группа скандинавского права. В УК Швеции ответственности за лжесвидетельство, ложное обвинение и другие ложные заявления посвящена отдельная глава (гл. 15)¹.

Статьей 7 данной главы определяется уголовная ответственность за ложный донос. Наказанию в виде тюремного заключения на срок

¹ Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н. Ф. Кузнецовой, С. С. Беляева; пер. С. С. Беляева. СПб., 2001.

не более двух лет подлежит лицо, ложно обвиняющее другое лицо перед государственным обвинителем, полицейскими или другими властями в совершении преступного деяния, приписывающее некоторые компрометирующие обстоятельства или отрицающее наличие обстоятельств, реабилитирующих его или уменьшающих его вину. В части 2 данной статьи регламентируется ответственность за неосторожное совершение рассматриваемого преступления: если виновный не представлял, но имел разумные основания полагать, что информация была ложной, то он должен быть приговорен за небрежное обвинение в преступлении.

Статья 1 данной главы гласит: подлежит ответственности за лже-свидетельство лицо, которое под присягой предоставляет ложную информацию или утаивает правду. Наказание за данное преступление – тюремное заключение на срок не более четырех лет. Отягчающим обстоятельством является совершение данного преступления с намерением, чтобы невинное лицо было подвергнуто наказанию за тяжкое преступление или кому-либо был причинен достаточно значительный вред. В этом случае тюремное заключение должно быть назначено на срок не менее двух и не более восьми лет. В соответствии со ст. 2 гл. 15 УК Швеции подлежит ответственности за ложное заявление стороны лицо, которое во время судебного заседания после заявления о том, что оно будет говорить правду, утаивает ее или дает ложную информацию. Максимальное наказание за данное преступление – тюремное заключение на два года. Статья 3 главы 15 УК Швеции предусматривает ответственность за действия, указанные в ст. 1 или 2, совершенные вследствие грубой небрежности. Максимальное наказание в этом случае – тюремное заключение на срок шесть месяцев.

В статье 10 гл. 15 УК Швеции предусмотрена ответственность за иные ложные заявления, данные под присягой: если в письменных показаниях, которые по закону или статуту даются под присягой, или на основе веры и чести, или подобным торжественным заявлением, и деяние доказано экспертизой, лицо предоставляет ложную информацию или утаивает правду, оно должно быть приговорено за ложное торжественное обещание. Наказание – тюремное заключение на срок не более двух лет.

В УК Норвегии¹ ответственности за ложный донос посвящена гл. 16 «Ложное обвинение». В соответствии с § 168 любое лицо, которое ложным обвинением, заявлением или дачей свидетельских показаний суду, органам прокуратуры или другим официальным властям, искажением или изъятием свидетельства, или иным способом пытается привлечь к обвинению или осуждению за уголовное преступление другое лицо, подлежит тюремному заключению на срок от шести месяцев до восьми лет. Наказание увеличивается, если вследствие доноса лицо приговаривается к наказанию в виде лишения свободы, которое полностью или частично отбыто. В § 170 УК Норвегии указано: сделанное без подходящих оснований заявление об уголовном деянии другого лица влечет наказание в виде штрафа или тюремного заключения сроком до 1 года. В соответствии с § 171 штрафом, содержанием под стражей или заключением в тюрьму на срок до одного года наказывается лицо, которое дает ложные показания против самого себя или другого с его согласия о виновности в совершении правонарушения или причастности к этому.

Ответственности за лжесвидетельство посвящена гл. 15 «Дача ложных свидетельских показаний». В соответствии с § 163 дающий в суде ложные свидетельские показания после принесения присяги наказывается тюремным заключением сроком до пяти лет. Более мягкому наказанию в виде штрафов или тюремного заключения сроком до двух лет подлежит, согласно § 166, любое лицо за дачу ложных показаний в суде, перед нотариусом или в заявлении, представленном им в качестве стороны или уполномоченного по делу в суде, за дачу ложных показаний в устной или письменной форме любым официальным властям в случае, когда это лицо обязано давать свидетельские показания или когда свидетельство предполагается использовать как доказательство. Данные нормы не применяются, если ложные показания давал обвиняемый за уголовно наказуемое деяние (ч. 1 § 167). Не подлежит наказанию и лицо, давшее без принесения присяги ложные показания, когда оно не могло сказать правду, не подвергнув тем самым себя или своих близких наказанию или потере уважения общества. Однако если в последнем случае

¹ Уголовное законодательство Норвегии / науч. ред. и вступ. ст. Ю. В. Голика; пер. с норв. А. В. Жмени. СПб., 2003.

лицо находилось под присягой, оно подлежит наказанию в виде штрафов или тюремного заключения сроком до двух лет (ч. 2 § 167).

В УК Дании¹ ответственность за ложный донос и лжесвидетельство регламентируется нормами, расположенными в гл. 17 «Ложное доказательство и ложное обвинение».

Ответственность за ложный донос, связанный с обвинением лица в совершении преступления, предусмотрена § 164. Заключение под стражу или тюремным заключением на срок до шести лет наказывается любое лицо, которое дает ложные показания в государственном органе с намерением, чтобы невиновному лицу было предъявлено обвинение или оно было осуждено, или к нему могли быть применены правовые последствия наказуемого деяния. В соответствии с ч. 3 § 164 УК Дании наказывается лицо, которое совершает данное деяние с намерением, чтобы ему или другому лицу с согласия последнего было предъявлено обвинение, или оно было осуждено, или к нему могли быть применены правовые последствия совершения наказуемого деяния, которое оно не совершало. Наказание за самооговор или оговор, совершенный с согласия оговариваемого, – заключение под стражу или тюремное заключение на срок до одного года.

Наказание за ложное сообщение о самом факте совершения преступления предусмотрено в § 165 УК Дании: любое лицо, информирующее государственной орган о наказуемом деянии, которое не было совершено, или любое лицо, подающее ложную жалобу на государственный орган, подлежит штрафу или простому заключению под стражу; при отягчающих обстоятельствах – тюремному заключению на любой срок, не превышающий одного года.

Ответственность за лжесвидетельство, не связанное с предоставлением доказательств, предусмотрена § 161 и 162 УК Дании. В § 161 регламентируется ответственность за лжесвидетельство, совершаемое при предусмотренности особой процедуры дачи показаний: любое лицо, которое дает ложные показания в любом государственном органе или для информации такого органа, под честное слово или иным торжественным образом, если такая процедура предписана

¹ См.: Уголовный кодекс Дании / науч. ред. и предисл. С. С. Беляева; пер. с дат. и англ. С. С. Беляева, А. Н. Рычевой. СПб., 2001.

на или дозволена, подлежит штрафу или простому заключению под стражу; при отягчающих обстоятельствах – тюремному заключению на любой срок, не превышающий двух лет.

В иных случаях ответственность за лжесвидетельство регламентирована § 162 УК Дании: любое лицо, которое иным образом дает неправильные показания в любом государственном органе или для информации такого органа в отношении вопросов, по которым оно обязано давать показания, подлежит штрафу или простому лишению свободы, или тюремному заключению на любой срок, не превышающий четырех месяцев.

Ответственность за отказ от дачи показаний наступает в соответствии с общей нормой, предусматривающей наказание за неисполнение государственной функции: если любое лицо при осуществлении государственных полномочий или функции отказывается от исполнения или не исполняет какую-либо обязанность, предусмотренную полномочиями или функцией, или не подчиняется какому-либо законному официальному приказу, то оно подлежит штрафу или простому заключению под стражу (§ 156 УК Дании).

Семья общего (англо-саксонского, англо-американского) права в настоящее время объединяет более чем 60 стран мира. Ее формирование обусловлено в первую очередь колониальной политикой Великобритании.

Отличительными особенностями семьи общего права являются: признание в качестве источника права судебного прецедента; признание в отдельных случаях источником права правовой доктрины – концептуально оформленного мнения известных ученых по вопросам права; отсутствие деления права на частное и публичное – основными составными частями выступают общее право и право справедливости; отсутствие четкого разделения права по отраслевому признаку; в ряде стран семьи общего права отсутствует кодифицированное уголовное законодательство; для изложения уголовно-правовых норм характерны казуистичность и чрезмерная детализация; как правило, в уголовном законодательстве не регламентируются вопросы действия закона во времени и не предусматривается институт давности привлечения лица к уголовной ответственности; в ряде государств судам предоставлено право аннулировать правовые нормы;

особое внимание уделяется процедуре рассмотрения уголовных дел (приоритетным считается процессуальное право – «средство судебной защиты важнее права»); основной принцип при отправлении правосудия – *stare decisis* (решить так, как было решено ранее).

В рамках семьи общего права выделяют две группы, которые с определенной долей условности можно назвать британской и американской.

Внутри британской группы представлены страны с некодифицированным (Великобритания, Австралия, Антигуа, Барбадос, Лесото, Намибия, Свазиленд, ЮАР, Ямайка и др.) и кодифицированным (Бангладеш, Индия, Канада, Кения, Малайзия, Пакистан, Сингапур, Танганьика, Фиджи и др.) уголовным правом.

К американской группе, кроме США, можно отнести Маршалловы острова, Федеративные Штаты Микронезии и Палау.

В Великобритании ответственность за лжесвидетельство регламентируется нормами статутного права. Законом, консолидировавшим ответственность за лжесвидетельство и смежные преступления, является Акт о лжесвидетельстве от 29 июня 1911 г. (*Perjury Act 1911*)¹. В соответствии со ст. 1 данного закона лицо признается виновным в лжесвидетельстве, если оно делает в судебном заседании ложное заявление, имеющее существенное значение для исхода дела. Существует несколько обязательных условий ответственности за лжесвидетельство: 1) необходимо, чтобы ложность сообщаемых сведений была известна субъекту или он не верил в их правдивость; 2) показания даются после принесения присяги в качестве свидетеля или переводчика в судебном порядке или дачи торжественного обещания говорить правду. Наказание за лжесвидетельство весьма сурово: семь лет каторжных работ или два года тюремного заключения с тяжелыми работами и штраф. Приговор в отношении лица, обвиняемого в лжесвидетельстве, не может быть вынесен на основании показаний только одного свидетеля.

В этой же статье дается разъяснение терминов, используемых в диспозиции нормы: судебное разбирательство, заявление, имеющее

¹ *Perjury Act 1911* // UK Public General Acts. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/1-2/6/introduction> (date of access: 12.05.2023).

существенное значение для исхода дела, определяется, перед каким именно судом должно быть сделано данное заявление.

В статье 5 Акта о лжесвидетельстве от 29 июня 1911 г. устанавливается наказание за ложные показания, данные лицом сознательно и преднамеренно без присяги (два года лишения свободы или штраф).

В статье 7 Акта о лжесвидетельстве регламентируется ответственность соучастников. Согласно данной норме лица, которые помогают, советуют, подстрекают, подкупают или иным способом склоняют другое лицо к совершению преступлений, предусмотренных Актом о лжесвидетельстве, подлежат той же ответственности, что и исполнитель.

Отдельные разъяснения об особенностях дифференциации ответственности за лжесвидетельства даются в опубликованных судебных прецедентах. Так, в частности, на основании решения по делу "R v Archer" в качестве факторов, отягчающих и смягчающих наказание, следует учитывать количество совершенных преступлений; были ли они заранее спланированы или совершены спонтанно; оказали ли ложные показания реальное воздействие на рассмотрение материалов; наличие лиц, воздействующих на преступника; весь курс поведения. Далее указывается, что лжесвидетельство карается как преступление независимо от того, происходит ли это в уголовном или гражданском судопроизводстве. Однако это может иметь значение при оценке вреда, несмотря на то что данное различие не является окончательным для установления тяжести содеянного. Лжесвидетельство может быть сравнительно тривиальным по уголовному делу или иметь очень серьезные последствия в гражданском деле: не могут быть сделаны абсолютные различия в отношении уровня приговора просто потому, что разбирательство было гражданского или уголовного характера¹.

В Соединенных Штатах ответственность за ложный донос и лжесвидетельство регулируется федеральным законодательством – Сво-

¹ "R v Archer" // Legislation.gov.uk. UK Public General Acts. URL: http://www.cps.gov.uk/legal/s_to_u/sentencing_manual/perjury (date of access: 12.05.2023).

дом законов США. Нормы, относящиеся к уголовному праву и процессу, содержатся в титуле 18¹.

Ложное сообщение о совершении преступления наказывается в соответствии с § 1001 «О заявлениях и записях вообще» гл. 47, которым предусмотрена общая норма об ответственности за ложные высказывания и утверждения, а также за фальсификацию, сокрытие или несообщение существенного факта по любому вопросу, входящему в компетенцию исполнительной, законодательной или судебной ветви власти США. Согласно § 1621 «О лжесвидетельстве» гл. 79 признается виновным в лжесвидетельстве тот, кто, принеся присягу перед компетентным судом, должностным или другим лицом, сознательно и вопреки такой присяге делает ложные устные или письменные показания и заявления. При этом важно, что он осознает, что его свидетельство не является правдивым. Наказание за содеянное – или штраф, или лишение свободы на срок до пяти лет, или оба этих наказания вместе. К такому же наказанию приговаривается тот, кто склоняет другое лицо к совершению лжесвидетельства (§ 1622).

Исключительным своеобразием отличается УК Индии². На его создание оказали воздействие и английское общее право, и индуистское право. Ответственность за рассматриваемые деяния регламентируется в гл. XI «Ложные свидетельства и преступления против правосудия». В УК Индии предусмотрена ответственность за два вида ложного доноса. В соответствии со ст. 203 «Предоставление ложной информации относительно совершенного преступления» тот, кто, зная или имея основания полагать, что преступление не было совершено, дает информацию о его совершении, наказывается тюремным заключением на срок до двух лет, или штрафом, или обоими видами наказания. В статье 211 УК Индии «Ложное обвинение любого лица в совершении преступления, сделанное с намерением причинить ему вред» предусмотрена ответственность за ложный донос, связанный с обвинением конкретного лица в совершении преступле-

¹ US Code. Title 18. Crimes and criminal procedure. § 1001, 1621–1623 // Cornell University Law School. URL: <http://law.cornell.edu/uscode/text/18/> (date of access: 10.06.2020).

² Indian Penal Code // The legal system Net Lawman. URL: <http://netlawman.co.in/acts/indian-penal-code.php/> (date of access: 18.06.2021).

ния: тот, кто ложно обвиняет любое лицо в совершении преступления, зная, что нет законных оснований для выдвижения обвинения против этого человека, в целях возбуждения уголовного дела в отношении этого лица, наказывается тюремным заключением на срок до двух лет, или штрафом, или обоими видами наказания. Если по ложному обвинению было возбуждено уголовное дело о преступлении, которое наказывается тюремным заключением сроком свыше семи лет, или более строгим наказанием, то виновному может быть назначено тюремное заключение сроком до семи лет.

Статья 191 УК Индии закрепляет, что отвечает за дачу ложных показаний тот, кто, будучи обязанным на основании клятвы или закона говорить правду, делает ложное заявление по любому вопросу, зная, что сказанное не является правдой.

Конструкция всех статей УК Индии включает не только пояснения, в которых даются определения терминов, используемых в норме, толкование отдельных ее положений, но и «иллюстрации», представляющие собой описание конкретных примеров совершения рассматриваемого преступления.

К семье общего права можно отнести и уголовное законодательство Израиля, хотя, по мнению ряда исследователей, его правовая система сочетает в себе черты романо-германского и англосаксонского права¹. Уголовно-правовые нормы содержатся не только в Законе об уголовном праве Израиля², но и в других законах и даже в подзаконных нормативных актах, утвержденных комиссией кнессета. В статье 34 «каф далет» Закона об уголовном праве Израиля указано, что под законом понимаются и акты Британского парламента, указы Королевского совета времен британского мандата в Палестине или часть из них либо подзаконные акты, изданные в соответствии с ними в той части, в которой они действительны в Государстве Израиль. Кроме того, в судебных прецедентах также формулируются нормы уголовного права.

¹ См., напр.: Воробьев В. П. Государство Израиль: правовые основы возникновения и статус личности. М., 2001; Государство Израиль: справочник. М., 1986.

² См.: Закон об уголовном праве Израиля / предисл. и пост. пер. с иврита М. Дорфмана. СПб., 2010. С. 145–147.

В Законе об уголовном праве Израиля нормы, предусматривающие ответственность за рассматриваемые преступления, содержатся в гл. «алеф» «Вмешательство в судопроизводство» разд. «тет»: «Причинение вреда устоям власти и правосудия». В начале главы, в ст. 236, дается определение основных понятий, используемых в данной главе. Так, например, под свидетельскими показаниями понимаются устные либо письменные высказывания, которые предназначены для доказательства, включая заключения эксперта, а также перевод, сделанный переводчиком в судебном процессе, за исключением высказываний не под присягой, данных обвиняемым в уголовном процессе.

Согласно ст. 243 наказываемся тот, кто сообщает полицейскому либо лицу, уполномоченному подать обвинительное заключение, сведение о преступлении, сознавая при этом, что оно является ложным, и при этом не имеет значения, было ли вследствие ложного сведения подано обвинительное заключение или нет. Отягчающим обстоятельством считается сообщение ложных сведений о тяжком преступлении. Наказание за основной состав рассматриваемого преступления – тюремное заключение сроком на три года, за квалифицированный – тюремное заключение сроком на пять лет.

В статьях 237–240 Закона об уголовном праве Израиля регламентируется ответственность за ложные свидетельские показания, выдумывание доказательств, ложное письменное показание и противоречивые свидетельские показания.

Статья 237 «алеф» подтверждает: тот, кто сознательно дает в судебном процессе ложные свидетельские показания относительно существенного факта, который касается вопроса, обсуждаемого в таком судебном процессе, рассматривается как лицо, давшее ложные свидетельские показания, и наказываемся тюремным заключением сроком на семь лет. Квалифицирующим признаком является совершение данного деяния в результате подкупа. Наказание в этом случае – тюремное заключение сроком на девять лет.

В части «бет» ст. 237 Закона об уголовном праве Израиля дается толкование относительно применения данной нормы и определение понятий, используемых в ней.

В соответствии со ст. 239 наказывается тот, кто сознательно представляет ложное письменное показание, будь то под присягой либо под честное слово, будь то не под присягой и не под честное слово лицу, которое уполномочено получить такое письменное показание. Наказание – тюремное заключение сроком на пять лет.

В статье 240 «алеф» закреплено: тот, кто делает заявления либо дает свидетельские показания по определенному делу перед разными инстанциями, совершая это с намерением ввести в заблуждение, и такие заявления либо свидетельские показания противоречат друг другу в отношении фактического вопроса, являющегося существенным в данном деле, наказывается тюремным заключением сроком на пять лет. В части «бет» ст. 240 Закона об уголовном праве Израиля дается законодательное толкование данной нормы.

Статья 241 «Отказ давать свидетельские показания» Закона об уголовном праве Израиля гласит: наказывается тот, кто обязан дать свидетельские показания либо представить иное доказательство в судебном процессе и отказывается так поступить, наказывается тюремным заключением сроком на два года. При этом назначение наказания вышеупомянутому лицу в виде тюремного заключения по ст. 5 Ордонанса об оскорблении суда не лишает возможности судить его по настоящей статье. Однако если лицо приговорено к тюремному заключению по настоящей статье, то срок, проведенный им в тюремном заключении по ст. 5 Ордонанса об оскорблении суда, идет в зачет срока тюремного заключения, назначенного ему по настоящей статье.

Религиозное право. Традиционно к нему относят индуистское право, иудейское право, христианское (каноническое и православное) право и исламское право¹. В настоящее время достаточно широко применяется только исламское право. Каноническое право в чистом виде действует только на территории Ватикана.

На основании Кодекса канонического права Римской католической церкви, действующего на территории Ватикана, предусматривается ответственность за клятвopреступление и ложное обвинение в совершении правонарушения. Канон 1368 гласит: следует под-

¹ Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебrenникова А. В. Уголовное право зарубежных стран: учеб. пособие. М., 2009. С. 51.

вергнуть справедливому наказанию того, кто совершит клятвopе-
ступление, сделав какое-либо утверждение перед церковной вла-
стью. Согласно § 2 канона 1390 будет подвергнут справедливому
наказанию тот, кто делает церковному настоятелю клеветнические
заявления о правонарушении или как-либо иначе порочит доброе
имя другого¹.

Основными источниками исламского права являются Коран
и Сунна, представляющая собой сведения о решениях, высказыва-
ниях и поступках пророка Мухаммеда, т. е. хадисы. Хадисы переда-
вались сподвижниками пророка и более подробно раскрывали содер-
жащиеся в Коране предписания. В Коране запрет лжесвидетельства
сформулирован в 24-й суре. Наказание за указанное правонаруше-
ние – 80 ударов плетью. В Коране также указано: никогда не берите
их (лжесвидетелей) в качестве свидетелей, ибо они – преступающие
закон. Сура 104 гласит: «Горе всякому клеветнику и хулителю»:
разожженный огонь Аллаха воистину сомкнется над ними (хулите-
лями).

В хадисах также можно встретить неоднократные упоминания
о запрете лжесвидетельства и недопущении возведения хулы на чело-
века: по словам пророка, «к грехам первого порядка относятся: почи-
тание с Аллахом наравне другого божества; непослушание по отноше-
нию к родителям; лишение человека жизни; клеветнические речи
и лжесвидетельство». На вопрос «Кто из мусульман является достой-
нейшим?» пророк ответил: «Гот, кто не причиняет другим мусульма-
нам вреда своим языком и своими руками». И добавил: «А разве
будут ввергать людей лицами в огонь за что-нибудь еще, кроме
их клеветнических речей?!»²

В Саудовской Аравии уголовная ответственность основывается
на принципах исламского права. Его основными источниками явля-
ются Коран и Сунна, наряду с которыми действуют принятые госу-

¹ Кодекс канонического права Римской католической церкви. Кн. VI. О санкциях
в церкви. Ч. II. О наказаниях за отдельные преступления // Библиотека Пашкова: рос.
правовой портал. URL: <http://constitutions.ru/archives/> (дата обращения: 10.06.2023).

² Сады праведных: сб. хадисов. Кн. 18. Книга о запретных делах / сост. имам
Мухйи-д-дин Абу Закарийя бин Шариф ан-Навави; пер. с араб. В. М. Нирша // Сайт крымской молодежи. URL: <http://crimean.org/Хадисы Пророка Мухаммада/riyathus-saliheen/> (дата обращения: 02.06.2023).

дарственными органами нормативные акты (низамы). Все правонарушения подразделяются на три группы – хадд, кисас и тазир – с учетом двух критериев: характера нарушенных интересов и прав и степени определенности наказания. Наибольшую общественную опасность представляют преступления категории хадд, посягающие на «права Аллаха» и нарушающие основные ценности ислама, за которые установлены строго определенные наказания. Наряду с вероотступничеством, бунтом, прелюбодеянием, кражей, разбоем, употреблением спиртных напитков к ним относится недоказанное обвинение. За ложное обвинение предусмотрено телесное наказание и запрет когда-либо выступать свидетелем в суде.

В Иране уголовно-правовые нормы объединены в Законе об исламских наказаниях Исламской Республики Иран¹. Однако в полном объеме понять и применить его невозможно, не обратившись к Корану. За ряд посягательств, запрещенных священной книгой, устанавливаются нормированные наказания – хадд (ч. II Закона об исламских наказаниях), возмездие – кисас (ч. III) и вира – дийа (ч. IV). Кроме того, существует ч. V Закона об исламских наказаниях «Судебные взыскания (тазир) и сдерживающие меры», построение которой осуществляется на основе общих принципов изложения Особенной части уголовного законодательства.

Ответственность за рассматриваемые преступления предусмотрена и в ч. II Закона об исламских наказаниях (гл. 5 «Ложное обвинение»), и в ч. V (разд. 20 «Ложные клятвы и свидетельство», разд. 27 «Клевета и оскорбление чести»).

В соответствии со ст. 139 Закона об исламских наказаниях ложным обвинением, влекущим нормированное наказание, признается необоснованное заявление лица о совершении другим лицом акта прелюбодеяния или мужеложства. В статье 140 указывается, что ложное обвинение подлежит нормированному наказанию в размере восьмидесяти ударов кнутом независимо от пола виновного. В примечании к данной статье закреплено, что необоснованное обвинение в совершении запрещенных исламским религиозным законом действий, которые не относятся к прелюбодеянию и мужеложству, нака-

¹ Закон об исламских наказаниях Исламской Республики Иран / науч. ред. А. И. Ахани; предисл. Ю. Н. Волкова; пер. с перс. М. С. Пелевина. СПб., 2008.

зывается бичеванием в размере до 74 ударов кнутом. В статьях 141–164 определяются условия назначения нормированного наказания за ложное обвинение, особенности разбирательства соответствующих дел, регламентируется процесс применения нормированного наказания. В частности, ложное обвинение должно быть ясно выраженным и лишенным неопределенности (ст. 141); подлежит нормированному наказанию при условии, если сделано умышленно по собственной воле совершеннолетним вменяемым лицом и направлено против совершеннолетнего вменяемого лица, исповедующего ислам и имеющего репутацию добропорядочного человека. В статье 649 предусмотрена ответственность за ложную клятву, принесенную в связи с выполнением предусмотренных законом процедур гражданского и уголовного судопроизводства. Наказание – тюремное заключение на срок от шести месяцев до двух лет. Согласно ст. 650 ложное свидетельство, представленное в суде официально уполномоченному лицу, наказывается тюремным заключением на срок от трех месяцев и одного дня до двух лет либо штрафом в размере от одного миллиона пятисот тысяч до двенадцати миллионов риалов. В примечании к данной норме указано, что такое наказание применяется дополнительно к наказаниям, установленным настоящим законом за представление ложных свидетельств по делам о назначении нормированного наказания, возмездия или уплаты виры¹.

В статье 697 Закона об исламских наказаниях установлено, что обвинение другого лица в совершении противозаконных действий любым способом при отсутствии доказательств обвинения и при условии, что данное деяние не подлежит нормированному наказанию, наказывается тюремным заключением на срок от одного месяца до одного года и бичеванием в размере до 74 ударов кнутом.

В результате проведенного сравнительно-правового анализа ответственности за лжесвидетельство можно сделать вывод, что, несмотря на разнообразие используемых законодательных приемов при уста-

¹ Так, например, в ст. 79 Закона об исламских наказаниях Ирана указано, что если факт прелюбодеяния не устанавливается, свидетелям, давшим показания по данному делу, назначается нормированное наказание за ложное обвинение в прелюбодеянии.

новлении запрета на рассматриваемые деяния, принципиальные отличия при создании законодательных конструкций, несовпадение позиций об объекте уголовно-правовой охраны, все государства единодушны в необходимости установления уголовной ответственности за ложное обвинение и лжесвидетельство. В отношении ответственности за отказ от дачи показаний подобного единогласия нет, хотя в ряде стран предусмотрена ответственность за данное преступление. Однако регламентация последней имеет свои отличительные особенности. В законодательстве большинства стран предусмотрены самостоятельные нормы, устанавливающие ответственность за ложный донос о самом факте совершения преступления и за ложный донос, соединенный с обвинением конкретного лица в совершении преступления. В последнем случае санкция существенно выше. В ряде стран усиление санкции обусловлено тяжестью преступления, в котором обвиняется невиновное лицо, и наступившими последствиями в виде реально назначенного наказания. В некоторых государствах предусмотрена уголовная ответственность за самооговор.

С учетом изложенного предлагается установить более строгую санкцию за заведомо ложный донос, сопряженный с обвинением конкретного лица в совершении преступления. Это обусловлено в первую очередь повышенной общественной опасностью содеянного и наличием дополнительного объекта – чести и достоинства конкретного лица. Можно предложить три основных способа реализации данной новеллы: формулирование в УК РФ двух самостоятельных норм, регламентирующих ответственность за различные виды доноса – о несуществующем преступлении и сопряженный с обвинением конкретного лица в совершении преступления; формулирование в рамках одной статьи двух частей, регламентирующих ответственность за различные виды доноса; закрепление доноса, сопряженного с обвинением конкретного лица в совершении преступления, в качестве одного из квалифицирующих признаков.

Уголовное законодательство России в сфере регламентации ответственности за дачу ложных показаний является, пожалуй, самым либеральным из всех европейских государств. Во всех других странах назначается более строгое наказание за лжесвидетельство. Полагаем,

что наказание, предусмотренное в ч. 1 ст. 307 УК РФ, должно быть усилено как минимум до трех лет лишения свободы. Удачным, на наш взгляд, является закрепление в качестве дополнительного наказания за заведомо ложное заключение эксперта лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Необходимо закрепление в ч. 2 ст. 307 УК РФ еще одного квалифицирующего признака – совершение данного преступления из корыстных побуждений. Кроме того, представляется, что безусловное освобождение от уголовной ответственности лица, добровольно заявившего о ложности данных им показаний, заключения или заведомо неправильном переводе, негативно сказывается на эффективности борьбы с лжесвидетельством. По нашему мнению, освобождение от наказания или его смягчение в данном случае должно быть правом, а не обязанностью суда.

ГЛАВА III. МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ И ВНУТРИОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ НОРМ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Эффективное законотворчество невозможно без учета межотраслевых связей правовых норм. В доктрине уголовного права отмечалось, что «уяснение сущности межотраслевых взаимосвязей является ключом к решению многих проблем уголовного права и взаимодействующих с ним отраслей права, позволяет совершаться законотворческий процесс и правоприменение»¹. Уголовное право, представляющее собой систему правовых норм, в свою очередь является подсистемой российского права в целом, что обуславливает соблюдение таких требований, как целостность, единство и непротиворечивость национальной правовой системы, которые следуют учитывать при конструировании уголовно-правовых норм.

Одним из источников уголовного права, основой обеспечения системного единства как данной отрасли права, так и национальной правовой системы в целом выступает Конституция РФ, при этом связь между конституционным и уголовным правом является иерархической. В части 2 ст. 1 УК РФ закреплено положение о том, что УК основывается на Конституции РФ. В доктрине уголовного права неоднократно отмечалось, что Конституция РФ является своеобразным фундаментом, юридической базой уголовного законодательства, исходным условием его существования².

В постановлениях Конституционного Суда РФ регулярно указывалось, что положения отраслевого (уголовного, гражданского, административного, земельного, жилищного и др.) права действуют «в неразрывном системном единстве с конституционными предписаниями». Именно конституционные принципы – верховенства

¹ Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей: монография. Волгоград, 1998. С. 4.

² См., напр.: Ковалев М. И. Об источниках уголовного права // Правоведение. 1975. № 5. С. 131; Денисова А. В. Выявление и преодоление несогласования положений УК РФ и предписаний уголовно-правового характера, содержащихся в федеральных законах иной отраслевой принадлежности: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 10.

закона¹, равенства² и справедливости³ – определяют правила построения системы права, к которым, в частности, относится требование определенности правовой нормы. Ряд конституционных норм прямо продублирован в уголовном законодательстве. Так, например, сформулированное в ч. 2 ст. 21 Конституции РФ положение о том, что «никто не должен подвергаться пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию», нашло отражение в ч. 2 ст. 7, ч. 4 ст. 286, ч. 3 ст. 302 УК РФ. Для конструирования уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану интересов правосудия, основополагающее значение имеют нормы, изложенные в ст. 45–52 Конституции РФ и закрепляющие права граждан в сфере судопроизводства, в частности, право на судебную защиту своих прав и свобод; право на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом; право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом; право на помощь адвоката (защитника) с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения; запрет на использование при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением федерального закона; право на отказ свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников; право потерпевших от преступлений на доступ к правосудию и ряд других.

Для одного лишь наглядного примера значимости конституционных положений для законодательного конструирования и применения норм, объединенных в гл. 31 УК РФ, хотелось бы остановиться на проблеме возможности признания обвиняемого (подозреваемого)

¹ «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации» (ч. 2 ст. 4); «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации» (ч. 1 ст. 15).

² «Все равны перед законом и судом» (ч. 1 ст. 19).

³ «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55); «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление» (ч. 1 ст. 50).

субъектом заведомо ложного доноса. Существующая судебная практика носит довольно противоречивый характер. Еще большим разнообразием отличаются научные взгляды ученых, занимающихся такой проблемой. Рассмотрим ситуацию, связанную с ложным обвинением в совершении инкриминируемого обвиняемому деяния других лиц, не причастных к данному преступлению. Судебная практика в данном случае достаточно единообразна. Ее смысл четко сформулирован в определении Верховного Суда РФ по делу Незнамова: «Заведомо ложные показания подозреваемого о совершении преступления другим лицом заведомо ложный донос не образуют, поскольку были даны с целью уклониться от уголовной ответственности и являлись способом защиты от обвинения. Приговор по ч. 2 ст. 306 УК РФ отменен, дело прекращено за отсутствием состава преступления»¹.

Мнения же ученых и правоприменителей, высказывающихся по этой проблеме, далеко не однообразны. Ряд авторов соглашаются со сложившейся судебной практикой, отмечая, что в тех случаях, когда обвиняемый делает ложное заявление, касающееся других лиц, утверждая, что преступление совершил не он, а другое лицо, его действия следует рассматривать как допустимый способ защиты². Другие полагают, что обвиняемый в данном случае подлежит уголовной ответственности. При этом по вопросу о квалификации содеянного единства мнений не существует. Так, Л. В. Лобанова полагает, что квалификация по ст. 306 УК РФ невозможна и в настоящее время в подобных случаях должна наступать ответственность за клевету, хотя такая уголовно-правовая оценка не отражает полностью общественную опасность и специфику преступления³. Другие исследователи более категоричны, полагая, что сложившаяся практика

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам за второе полугодие 1997 г. Определение № 1-Д97-16 по делу Незнамова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 4. С. 15.

² См., напр.: Уголовная ответственность за преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой. М., 2003. С. 214; Фаргиев И. А. Заведомо ложный донос (актуальные вопросы судебной практики) // Уголовное право. 2007. № 5. С. 64; Бриллиантов А. В., Косевич Н. Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М., 2008. С. 184, 185.

³ См.: Лобанова Л. В. Уголовная ответственность за ложную информацию и понуждение к нарушению обязанности содействовать правосудию: учеб. пособие. Волгоград, 1997. С. 14, 15.

предоставления обвиняемому почти беспредельного права на защиту противоречит ст. 45 Конституции РФ, в соответствии с которой каждый вправе защищать свои права и свободы только теми способами, которые не запрещены законом. Посягательство на ряд прав и свобод, гарантированных Конституцией, к таким способам не относится. Поэтому обвиняемый, который, отрицая свою вину, приписывает совершение преступления другому лицу, совершает преступление, предусмотренное ст. 306 УК РФ¹.

Рассмотренная позиция видится наиболее правильной, соответствующей необходимости охраны как интересов правосудия, так и гарантированных законодательством прав и свобод конкретных лиц. Представляется удачной по данному поводу ссылка на комментарий к ст. 157 Уголовного уложения 1903 г., регламентирующей ответственность за ложный донос, соединенный с обвинением конкретного лица в совершении преступления: виновником ложного доноса может быть любое лицо, чье заявление или сообщение послужило или могло послужить основанием для начатия дела или привлечения к ответственности. Никаких ограничений в этом отношении устав уголовного судопроизводства не знает².

Противоречивая ситуация складывается в случаях обвинения другого лица в совершении иных (не инкриминируемых обвиняемому) преступлений с целью избежать ответственности. Такие действия в доктрине уголовного права принято считать противоправными, однако привлечение к уголовной ответственности за заведомо ложный донос происходит далеко не всегда. Судебная практика по данной категории дел неоднородна: выносятся как обвинительные, так и оправдательные приговоры.

¹ См.: Нафиев С., Васин А. Право на защиту – не беспредельно // Законность. 1999. № 4. С. 6, 7; Николаев М. Привлечение к уголовной ответственности за заведомо ложный донос // Там же. 2000. № 8. С. 25; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко. М., 2006. С. 119; Шнитенков А. В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос // Российская юстиция. 2007. № 12. С. 43–45; и др.

² См.: Уголовное уложение 22 марта 1903 г. (с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Министерства юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета) / изд. Н. С. Таганцева. Спб., 1904. С. 281–284.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала обоснованным осуждение Ш. по ч. 3 ст. 306 УК РФ за заведомо ложный донос о совершении преступления, соединенный с обвинением лица в совершении тяжкого преступления и созданием доказательств обвинения, а С. – по ч. 5 ст. 33 и ч. 3 ст. 306 УК РФ за пособничество в форме устранения препятствий. Преступление совершено ими при следующих обстоятельствах: Ш. и С. были привлечены к уголовной ответственности за убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Во время нахождения в Заволжском РОВД С. по просьбе Ш. несколько раз кулаком ударил последнего по лицу, чтобы обвинить работников милиции в незаконном нанесении ему телесных повреждений, что и было сделано¹.

Аналогичное решение было принято Волжским городским судом Волгоградской области, признавшим А. В. Савулина виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 306 УК РФ, – заведомо ложного доноса с обвинением лица в совершении тяжкого преступления. Преступление совершено им в г. Волжском при следующих обстоятельствах. А. В. Савулин обратился с заявлением в следственный отдел по г. Волжскому следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Волгоградской области, прося привлечь к уголовной ответственности сотрудника 2 ОМ при УВД по г. Волжскому Р. А. В., который причинил ему телесные повреждения, тем самым заставил оформить признательные показания по ст. 158 УК РФ. При написании данного заявления А. В. Савулин был предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного доноса по ст. 306 УК РФ. Впоследствии проведенной в порядке ст. 144–145 УПК РФ процессуальной проверкой по заявлению А. В. Савулина о причинении сотрудником милиции Р. А. В. ему телесных повреждений было установлено, что преступление в отношении А. В. Савулина не совершалось².

¹ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. Дело № 35-о06-8 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

² См.: Приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 30 июля 2010 г. Дело № 1-1260/2010 // Волгоградский областной суд: офиц. сайт. URL: <http://oblsud.vol.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.06.2023).

Однако в других случаях в аналогичных ситуациях судами выносятся оправдательные приговоры. Так, Ю. В. Смаржевский по приговору Куйбышевского районного суда г. Иркутска от 16 сентября 2008 г. осужден по ч. 2 ст. 306 УК РФ за заведомо ложный донос о совершении преступления, соединенный с обвинением следователя З. в совершении тяжкого и особо тяжкого преступления (п. «г» ч. 2 ст. 163, ч. 3 ст. 30, пп. «в», «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ). Определением судебной коллегии по уголовным делам Иркутского областного суда от 11 декабря 2008 г. приговор Куйбышевского районного суда г. Иркутска от 16 сентября 2008 г. отменен, уголовное дело прекращено за отсутствием в действиях Ю. В. Смаржевского состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 306 УК РФ.

Не соглашаясь с данным определением, заместитель прокурора Иркутской области И. Р. Бурановский в надзорном представлении просит его отменить, уголовное дело направить на новое кассационное рассмотрение. В обоснование он ссылается на то, что в нарушение ч. 4 ст. 7 УПК РФ вывод судебной коллегии об отсутствии в действиях Смаржевского признаков состава преступления не основан на действующем законодательстве, противоречит положениям п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, согласно которым обвиняемый вправе защищаться средствами и способами, не противоречащими закону. Действий, расцениваемых как способ защиты, не противоречащий закону, Смаржевский не выполнял. После вынесения в отношении его 10 октября 2005 г. приговора Иркутского областного суда Ю. В. Смаржевский обратился в Генеральную прокуратуру РФ с заявлением о якобы совершенном следователем З. преступлении, которое впоследствии расценено как заведомо ложный донос, соединенный с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, за что он и был осужден приговором Куйбышевского районного суда г. Иркутска от 16 сентября 2008 г. Так как сведения, изложенные Смаржевским в указанном заявлении, не были связаны с предъявленным ему обвинением и в процессе расследования настоящего уголовного дела была доказана заведомая их ложность, то эти действия нельзя признать способом защиты от предъявленного обвинения, поскольку они противоречат закону. Поэтому оснований к отмене приговора ввиду неверной квалификации действий осужденного и прекращению уголовного дела за отсутствием состава

преступления не имелось. Обсудив доводы надзорного представления, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в его удовлетворении отказала¹.

Примером еще одного оправдания является решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Беликова С. Н., признанного виновным в заведомо ложном доносе о совершении преступления, соединенном с обвинением лица в совершении тяжкого преступления. Проверив материалы дела, обсудив доводы надзорной жалобы осужденного, Судебная коллегия нашла приговор суда подлежащим отмене по следующим основаниям. С. Н. Беликов признан виновным в заведомо ложном доносе о совершении преступления, соединенном с обвинением лица в совершении тяжкого преступления, и осужден по ч. 2 ст. 306 УК РФ. По смыслу закона субъективная сторона данного преступления характеризуется прямым умыслом. При этом ложный донос совершается в целях привлечения невиновного лица к уголовной ответственности, но такие обстоятельства по настоящему делу не установлены. Согласно приговору преступление совершено Беликовым при следующих обстоятельствах.

25 июня 2007 г. С. Н. Беликов, будучи допрошенным в качестве подозреваемого по уголовному делу следователем СО при ОВД по г. С., а впоследствии 4 сентября 2007 г. и в ходе дачи следователю прокуратуры г. К. в помещении Клинцовского городского суда объяснений, в целях введения в заблуждение правоохранительных органов указал заведомо ложные, не соответствующие действительности сведения о том, что 27 марта 2007 г. начальник отделения ОУР ОВД Е., превышая должностные полномочия, с применением насилия, выразившегося в нанесении ему, С. Н. Беликову, нескольких ударов по телу металлическим предметом – монтировкой в помещении кабинета ОВД, получил от него признательные показания, в том числе явку с повинной о совершении преступления – хищения в период с 3 на 4 марта 2007 г. у гражданина К. телевизора, которое, по утверждению С. Н. Беликова, он на самом деле не совер-

¹ Определение Верховного Суда РФ от 18 августа 2010 г. № 66-Д10-6 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

шал, тем самым обвинив Е. в совершении тяжкого преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Из описанных судом обстоятельств содеянного осужденным из материалов дела следует, что Беликов сообщил о применении к нему насилия начальником отделения уголовного розыска Е. в ходе его допроса следователем в качестве подозреваемого по возбужденному по факту кражи уголовному делу и при получении у него объяснений следователем прокуратуры в ходе проверки по факту противоправных действий сотрудника ОВД. При этом Беликов объяснил свои показания о причастности к совершению хищения имущества у гражданина К. в период с 3 на 4 марта 2007 г. применением недозволённых методов ведения следствия.

Оценивая исследованные в судебном заседании доказательства, суд пришел к выводу, что показания о применении в отношении него насилия со стороны сотрудника правоохранительных органов даны С. Н. Беликовым с целью избежать уголовной ответственности за совершенное им преступление. Таким образом, суд посчитал показания Беликова способом защиты от предъявленного обвинения. Доказательства того, что Беликов, сообщая о применении к нему насилия Е., преследовал цель привлечения потерпевшего к уголовной ответственности, в приговоре не приведены и в материалах дела отсутствуют. С заявлением о привлечении Е. к уголовной ответственности Беликов не обращался, об уголовной ответственности за заведомо ложный донос не предупреждался. При таких данных вывод суда о виновности Беликова в совершении заведомо ложного доноса нельзя признать обоснованным.

Сведения о применении к нему недозволённых методов ведения следствия, сообщенные Беликовым в ходе допроса в качестве подозреваемого и при даче объяснений работнику прокуратуры, как способ защиты от обвинения, не являются заведомо ложным доносом, а потому в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 306 УК РФ¹.

¹ Определение Верховного Суда РФ 7 июня 2010 г. № 83-Д10-2 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

Подобная позиция суда неоднократно критиковалась как учеными, так и правоприменителями¹. Ее результатом явилось то, что при судебном разбирательстве, особенно при рассмотрении дел судами присяжных, а также при подаче жалоб для подсудимых и их адвокатов вошло в норму указывать на «оказание давления, психического и физического воздействия со стороны работников полиции», «применение незаконных методов ведения следствия», «получение доказательств и признание вины под незаконным воздействием органов дознания и предварительного следствия», «применение недозволённых методов ведения следствия, в результате чего подсудимый оговорил себя»². Делается это для того, чтобы вызывать сомнение в законности поступления представленных доказательств, признания их полученными с нарушением требований УПК РФ, а следовательно, недопустимыми. В подавляющем большинстве случаев в суде эти факты не находят подтверждения – традиционным стал вывод о том, что «дovоды о незаконных методах ведения следствия судом проверены и обоснованно отвергнуты». Однако по каждому из таких заявлений проводится проверка, отвлекаются силы и средства правоохранительных органов, совершаются посягательства на честь, достоинство и иные права сотрудников правоохранительных органов. Полагаем, что действия обвиняемого (подозреваемого, подсудимого), который делает ложное сообщение о применении к нему незаконных методов ведения расследования, должны квалифицироваться

¹ См.: Нафиев С., Васин А. Право на защиту – не беспредельно // Законность. 1999. № 4. С. 6, 7; Николаев М. Привлечение к уголовной ответственности за заведомо ложный донос // Там же. 2000. № 8. С. 25; Гончаров М. А. Заведомо ложный донос – не способ защиты // Там же. 2009. № 8. С. 31, 32; Борисов В. И. Проблемы ответственности за подкуп или принуждение лица, дающего показания, эксперта, специалиста и переводчика в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 46, 47; и др.

² См., напр.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 6. С. 20, 21; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 12 ноября 2008 г. № 312-П08. Доступ из информ.-правового портала «Гарант»; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25 ноября 2009 г. № 133-П09. Там же; Постановление Верховного Суда РФ от 4 мая 2009 г. № 48-Д09-12. Там же; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20 января 2010 г. № 258-П09ПР. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 марта 2011 г. № 4-О11-25СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; и др.

по ст. 306 УК РФ как заведомо ложный донос. И именно данная позиция будет наиболее соответствовать положению, закрепленному в ст. 45 Конституции РФ: каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, *не запрещенными* законом (курсив наш. – В. Н.).

Еще одна проблема в сфере межотраслевого согласования связана с конструированием уголовно-правовых норм с административной преюдицией. Традиционное понятие преюдиции в юридической науке связано в первую очередь с ее применением в процессуальном законодательстве. Под преюдицией (от лат. *praejudicialis* – относящийся к предыдущему судебному решению) понимается признание правоприменителем (судом, прокурором, следователем, дознавателем и т. д.) без дополнительной проверки и повторного исследования обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным решением по другому делу. Данное правило установлено на законодательном уровне – ст. 90 Уголовного процессуального кодекса РФ, ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 69 Арбитражно-процессуального кодекса РФ и ст. 64 Кодекса административного судопроизводства РФ.

В материальном праве понятие преюдиции приобретает иное значение. В отличие от процессуального законодательства, в материальном нормативное определение понятия «преюдиция» отсутствует. В доктрине уголовного права по данному вопросу высказывались различные, но в целом схожие взгляды. Так, И. О. Грунтов полагает, что административная преюдиция в уголовном законе – это «закрепленная конструкцией состава преступления преюдициальная связь между несколькими аналогичными правонарушениями, совершенными в течение года после применения к виновному мер административного взыскания за одно из правонарушений, в силу которой содеянное оценивается как преступление»¹. А. Г. Безверхов отмечает, что сущность административной преюдиции «состоит в „создании“ из проступков преступлений, точнее в признании неоднократно совершенных виновным лицом в течение определенного периода времени административных правонарушений после

¹ Грунтов И. О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Минск, 1985. С. 7.

наложения за первое (первые) из них административной ответственности юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые последствия»¹. Н. А. Лопашенко считает, что «преступление с административной преюдицией включает повторность административного правонарушения после наложения административного взыскания за первое правонарушение (первые правонарушения)»². Таким образом, в уголовном праве под административной преюдицией большинством ученых понимается конструирование состава преступления путем установления уголовной ответственности за совершение административного правонарушения в том случае, если ранее виновный в течение определенного периода времени совершил одно или более аналогичных административных правонарушений, за которые был привлечен к административной ответственности.

Если обратиться к историко-правовому анализу данного института, то можно констатировать следующее. Законодательное закрепление административной преюдиции начинается в постреволюционном, советском законодательстве. Некоторые авторы указывают на более раннее появление этого института. Так, по мнению А. Г. Безверхова, «предтечей рассматриваемому способу конструирования составов были все-таки законоположения царской России, и прежде всего Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г.)»³, однако данное утверждение оспаривается рядом авторов. Первыми нормами с административной преюдицией (в современном понимании этого института) считаются ст. 79 УК РСФСР 1922 г., предусматривающая ответственность за «неплатеж в срок или отказ от платежа налогов, денежных или натуральных, от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение», и ст. 139-а УК РСФСР 1922 г. (в редакции декрета ВЦИК и СНК от 15 декабря 1924 г.), предусматривающая ответственность за «изготовление, продажу, скупку, хранение с целью сбыта и пользование продуктами и изделиями, обложенными акцизными

¹ Безверхов А. Г. Административная преюдициональность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2010. № 2 (10). С. 39.

² Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3 (23). С. 64.

³ Безверхов А. Г. Указ. соч. С. 42.

сборами, с нарушением установленных акцизных правил»¹. При совершении этих деяний впервые они наказывались «административными взысканиями, налагаемыми соответствующими органами власти в пределах, законом определенных». При повторном совершении наступала уголовная ответственность. В УК РСФСР 1926 г. количество норм с административной преюдицией было увеличено. В УК РСФСР 1960 г. в нормах с административной преюдицией (по состоянию на 31 декабря 1996 г. – последний день действия УК РСФСР 1960 г. – эти нормы были размещены в 28 статьях) регламентировалась ответственность за преступления против государственной собственности, хозяйственные преступления, преступления против порядка управления и преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. Данные нормы предусматривали однократную административную преюдицию – наложение уголовного наказания после одного привлечения к административной ответственности.

При принятии УК РФ было решено отказаться от норм с административной преюдицией. В качестве обоснования данного решения указывалось на несоответствие такого института понятию преступления и принципам уголовного права и в первую очередь принципу справедливости (*non bis in idem* – не дважды за одно и то же; ст. 50 Конституции РФ, ч. 2 ст. 6 УК РФ) и принципу равенства (ст. 19 Конституции РФ, ст. 4 УК РФ). Ряд ученых отмечали, что даже несколько административных правонарушений не обладают материальным признаком преступления – общественной опасностью. В частности, Н. Ф. Кузнецова указывала на то, что различие между преступлениями и административными правонарушениями не количественное, а качественное; административное правонарушение не обладает общественной опасностью, поэтому количество проступков не способно перерасти в качество преступления: «сто кошек не могут образовать одного тигра»². Некоторые авторы констатировали, что существование норм с административной преюди-

¹ О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С. Р. (вместе с Уголовным кодексом Р.С.Ф.С.Р.): постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Кузнецова Н. Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2003. № 1. С. 6.

цией противоречило бы положениям ст. 8 УК РФ об основании уголовной ответственности, которым может быть признано только совершение деяния, которое само по себе содержит все признаки состава преступления, независимо от того, привлекалось ли ранее виновное лицо к административной ответственности¹.

Фактически с 1 января 1997 г. до 2009 г. административная преюдиция отсутствовала в УК РФ. Условно можно говорить о ее присутствии в скрытой форме в трех статьях – это содержащиеся в диспозиции соответствующих уголовно-правовых норм указания на признак неоднократности или систематичности совершения деяний при наличии административной ответственности за однократное совершение тех же деяний. К данным нормам относятся: 1) преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий», – вовлечение несовершеннолетнего в *систематическое* (курсив наш. – В. Н.) употребление спиртных напитков и одурманивающих веществ (ст. 6.10 КоАП РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ»); 2) преступление, предусмотренное ст. 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)», – незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи, *совершенные неоднократно* (курсив наш. – В. Н.) или из корыстных побуждений (ст. 5.37 КоАП РФ «Незаконные действия по усыновлению (удочерению) ребенка, передаче его под опеку (попечительство) или в приемную семью»); 3) преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 180 УК РФ «Незаконное использование товарного знака», – незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние *совершено неоднократно* (курсив наш. – В. Н.) или причинило крупный ущерб (ст. 14.10 КоАП РФ «Незаконное использование товарного знака»)².

¹ См.: Гогин А. А. Ответственность за нарушение Федерального закона «О рекламе» // Право и политика. 2004. № 5. С. 29.

² Название и содержание соответствующих уголовно-правовых и административно-правовых норм в данном абзаце приводятся в редакции на момент принятия и вступления в силу УК РФ и КоАП РФ.

Следует отметить, что с 1997 до 2009 г. на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания РФ неоднократно вносились законопроекты, предусматривающие введение уголовно-правовых норм с административной преюдицией (например, в 2000 г. – законопроект № 9004468953 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»; в 2001 г. – законопроект № 7149953 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», в 2002 г. – законопроект № 26373853 «О внесении дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации», в 2004 г. – законопроект № 38981653 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», в 2006 г. – законопроект № 37370554 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и др.). Однако в заключениях Правового управления Аппарата Государственной Думы РФ и решениях Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, рекомендовавших отклонить данные законопроекты полностью или частично, в качестве причины такого вывода указывалось, что понятие административной преюдиции исключено из уголовного законодательства и его восстановление противоречит концепции УК РФ.

В 2009 г. Президент РФ Д. А. Медведев неоднократно высказывал мнение о целесообразности возвращения административной преюдиции. Так, 11 февраля на заседании президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» он отметил, что «считал бы правильным вернуться и к вопросу административной преюдиции»¹, а в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации – то, что «в уголовном законе следует шире использовать так называемую административную преюдицию, то есть привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения»².

¹ О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: стеногр. отчет о заседании президиума Гос. совета // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/3150>.

² Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27 февраля 2009 г. Правительством РФ в Государственную Думу был внесен законопроект № 167805-5 «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства)», в котором содержались положения, возвращающие в уголовное законодательство институт административной преюдиции. В законопроекте предлагалось установить уголовную ответственность за «недопущение, ограничение или устранение конкуренции путем... неоднократного злоупотребления доминирующим положением...». При этом в примечании к ст. 178 УК РФ было сформулировано следующее определение неоднократности: «Неоднократным злоупотреблением доминирующим положением признается совершение лицом злоупотребления доминирующим положением более двух раз в течение трех лет, за которые указанное лицо было привлечено к административной ответственности». В пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что «закон подготовлен в целях реализации принципа неотвратимости ответственности за общественно опасные нарушения антимонопольного законодательства... и будет способствовать повышению эффективности предупреждения и пресечения картельных соглашений и иных фактов монополистической деятельности»; предложенное «определение неоднократного злоупотребления доминирующим положением согласуется с пунктом 11 статьи 4 Федерального закона „О защите конкуренции“, которым раскрывается понятие „систематическое осуществление монополистической деятельности“»¹. В официальном отзыве Верховного Суда РФ на рассматриваемый проект федерального закона было высказано несколько замечаний: 1) «содержащееся в законопроекте предложение установить в качестве условия наступления уголовной ответственности предшествующее привлечение лица к административной ответственности противоречит концепции действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, который не предусматривает конструирования составов преступления с административной преюдицией»; 2) «положения пункта 11 статьи 4 Федерального закона „О защите конку-

¹ О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства): законопроект № 167805-5 // Государственная Дума РФ: офиц. сайт. URL: <http://www.sozd.duma.gov.ru/bill/167805-5> (дата обращения: 25.09.2023).

ренции”... не связывают систематичность с обязательным привлечением к административной ответственности»; 3) «факт привлечения лица к административной ответственности более двух раз в течение трех лет будет иметь юридические последствия, в том числе и наступление уголовной ответственности в соответствии с предлагаемой редакцией статьи 178 УК РФ, только при условии соблюдения положения статьи 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, согласно которому лицо считается подвергнутым административному наказанию в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания»¹.

Однако в заключении Правового управления Аппарата Государственной Думы было указано, что «по названному законопроекту замечаний правового, лингвистического, юридико-технического характера не имеется»². 17 июля 2009 г. соответствующий закон был принят Государственной Думой и направлен в Совет Федерации. В заключении Правового управления Аппарата Совета Федерации РФ отмечалось, что «установление при определении неоднократности злоупотребления доминирующим положением трехлетнего срока для привлечения лица более двух раз к административной ответственности не согласуется со статьей 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в соответствии с которой лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания»³.

¹ Официальный отзыв Верховного Суда РФ на проект федерального закона «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Там же.

² Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по проекту федерального закона № 167805-5 «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Там же.

³ Заключение Правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания РФ по Федеральному закону «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации», принятому Государственной Думой 17 июля 2009 г. // Государственная Дума Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.sozd.duma.gov.ru/bill/167805-5> (дата обращения: 25.09.2023).

Однако, несмотря на высказанное замечание, 18 июля закон был одобрен Советом Федерации и 29 июля подписан Президентом РФ.

Проведя анализ статистических данных, следует резюмировать, что принятие данного закона практически не повлияло на существующую правоприменительную практику. С 1997 по 2003 г. на территории РФ ежегодно регистрировалось от 13 до 64 преступлений, предусмотренных ст. 178 УК РФ (в 1997 г. – 13 преступлений; в 1998 г. – 23; в 1999 г. – 36; в 2000 г. – 42; в 2001 г. – 64; в 2002 г. – 48; в 2003 г. – 61). После изменения в декабре 2003 г. редакции ст. 178 УК РФ (в качестве обязательного признака состава преступления было предусмотрено причинение крупного ущерба на сумму свыше 1 млн руб.) количество регистрируемых преступлений резко сократилось: в 2004 г. – 10 преступлений; в 2005 г. – 6; в 2006 г. – 2; в 2007 г. – 8; в 2008 г. – 14. Это положение сохранилось и после принятия и вступления в силу Федерального закона от 29 июля 2009 г. № 216-ФЗ «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации».

В научном сообществе реакция на возвращение административной преюдиции была неоднозначной. Н. А. Лопашенко так прокомментировала это событие: «В уголовное законодательство вернулась административная преюдиция в своем худшем проявлении»¹. Обосновывая свою позицию, автор отмечает следующее: «Мало того, что законодатель считает более опасным третье административное правонарушение, ничем более от первых двух не отличающееся (почему не второе или пятое – нет ответа), так он еще и не принимает во внимание тот факт, что к моменту наказания лица за третье подобное правонарушение лицо во многих случаях считается или вообще не имеющим административного наказания (оба погашены), или имеет только одно непогашенное административное взыскание (одно погашено)»².

Н. А. Лопашенко является принципиальным противником норм с административной преюдицией. Однако и ученые, в целом поддерживающие целесообразность возвращения анализируемого института, отмечают крайне неудачную редакцию ст. 178 УК РФ. Так, например,

¹ Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3 (23). С. 64.

² Там же. С. 70.

по мнению Е. В. Ямашевой, «восстановление в уголовном законе анализируемого института, имеющего в целом позитивный характер, в том виде, в каком это было сделано законодателем, представляется спорным, так как он вряд ли будет способствовать разрешению тех задач, ради которых его возрождали»¹.

После так называемого пилотного проекта 2009 г. начался период пополнения уголовного законодательства нормами с административной преюдицией. С 2011 г. по настоящее время в УК РФ в 13 статьях появились нормы с административной преюдицией: ст. 151¹ УК РФ (Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 253-ФЗ); ст. 212¹ УК РФ (Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 258-ФЗ); ст. 314¹ УК РФ (Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 514-ФЗ); ст. 264¹ УК РФ (Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ); ст. 284¹ УК РФ (Федеральный закон от 23 мая 2015 г. № 129-ФЗ); ст. 215⁴ УК РФ (Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 441-ФЗ); ст. 116¹, 157, 158¹ УК РФ (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ); ст. 171⁴ УК РФ (Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 203-ФЗ); ст. 215³ УК РФ (Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 229-ФЗ); ст. 315 УК РФ (Федеральный закон от 2 октября 2018 г. № 348-ФЗ); ст. 282 УК РФ (Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ). Однако в большинстве случаев эта деятельность характеризуется всеми теми негативными процессами, которые на современном этапе присущи редактированию УК². А. В. Иванчин констатирует: «К сожалению, нововведения УК РФ в части административной преюдиции носят (как и многие другие) бессистемный характер, не согласованы с административным законодательством, имеют иные дефекты»³. Законодатель не учитывает ни исторический опыт конструирования анализируемых норм в российском

¹ Ямашева Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 79.

² Следует отметить, что Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» в нее вновь были внесены поправки: изменено название статьи, диспозиция ч. 1 (в частности, исключен признак неоднократности) и отменен пункт примечания, в котором было сформулировано определение неоднократности. Таким образом, в настоящее время данная статья не предусматривает административную преюдицию.

³ Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. С. 322–323.

уголовном праве, ни опыт законодательного конструирования зарубежных государств, ни правила юридической техники.

Правомерность существования норм с административной преюдицией стала предметом рассмотрения Конституционного Суда. Так, по жалобе И. И. Дадина на нарушение ст. 212¹ УК РФ его конституционных прав Конституционный Суд РФ «сформулировал следующие правовые позиции... общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посяательства на охраняемые общественные отношения... С учетом этого федеральный законодатель правомочен прибегать к институту уголовной ответственности в интересах надлежащей защиты конституционно значимых ценностей и в тех случаях, когда противоправное деяние совершается лицом, ранее уже подвергавшимся административно-деликтному преследованию и наказанию за аналогичные деяния, т. е. имеющим специальную административную наказанность, используя в указанных целях так называемые составы преступлений с административной преюдицией»¹.

В доктрине уголовного права учеными, поддерживающими возвращение норм с административной преюдицией, неоднократно указывалось на отсутствие законодательного определения понятия «административная преюдиция» и единых правил конструирования соответствующих уголовно-правовых норм.

Полагаем, что в качестве одного из приемов законодательной техники допустимо установление уголовной ответственности за повторное совершение административного правонарушения, если деяние совершено в период, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию за такое же нарушение. Однако необходимо дозированное использование данной юридической конструкции и установление единых правил ее применения.

По нашему мнению, одна из основных причин непрекращающихся споров о возможности использования норм с административной преюдицией – отсутствие в действующем отечественном уголовном законодательстве оснований для применения «так называемых

¹ Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина от 10 февраля 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

составов преступлений с административной преюдицией» (данное словосочетание было употреблено Конституционным Судом РФ, что представляется вполне оправданным, так как традиционно термин «преюдиция» является процессуальным и его использование в уголовном праве в сложившемся понимании не вполне корректно). Некоторые авторы для обоснования применения анализируемой законодательной конструкции предлагали сформулировать понятие «преступления с административной преюдицией, дополнив уголовный закон ст. 14.1 УК РФ»¹, другие – включить в Общую часть УК РФ ст. 14¹, «раскрывающую понятие преюдиции, ее виды и правила применения»². Представляется, что наиболее удачным способом решения поставленной задачи будет внесение следующих изменений в ст. 8 УК РФ:

«Статья 8. Основания уголовной ответственности

1. Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом.

2. В случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность наступает:

а) за совершение административного правонарушения, если деяние совершено лицом, имеющим судимость за преступление, однородное с совершенным административным правонарушением;

б) повторное совершение административного правонарушения, если деяние совершено в период, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию за такое же нарушение».

Кроме того, с учетом историко-правового опыта отечественного законодательства и опыта конструирования аналогичных норм в законодательстве зарубежных государств, целесообразно унифицировать правила построения соответствующих норм Особенной части УК РФ. В частности, в целях обеспечения согласованности уголовного и административного законодательства указывать в уголовно-правовой норме номер статьи Кодекса об административных

¹ Эргашева З. Э. Административная преюдиция в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 8.

² Богданов А. В. Административная преюдиция в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 160–161.

правонарушениях, согласно которой лицо было подвергнуто административному наказанию; предусмотреть наложение уголовного наказания только после одного привлечения лица к административной ответственности («однократную административную преюдицию»); исключить возможность установления различных временных периодов, в течение которых совершаются повторные административные правонарушения¹, предусмотрев единый вариант: в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, определен в ст. 4.6 КоАП РФ. Данные меры позволяют избежать межотраслевого рассогласования и будут способствовать более эффективному применению анализируемых законодательных конструкций.

Особое внимание в рамках межотраслевого взаимодействия следует уделить соотношению уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм. Уголовное и уголовно-процессуальное право относятся к отраслям так называемого криминального цикла. Взаимосвязь, взаимозависимость, взаимообусловленность именно материального и процессуального права наиболее ярко проявляются при конструировании соответствующих правовых норм; противоречия, несогласованность уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными нормами негативно сказываются на эффективности законодательства, влекут за собой наибольшие проблемы для правоприменителей. Вносимые изменения в уголовно-процессуальное законодательство в ряде случаев требуют соответствующей корректировки уголовно-правовых норм. Применительно к рассматриваемым преступлениям это особенно ярко проявляется при определении специального потерпевшего и специального субъекта преступлений против правосудия,

¹ В настоящее время законодатель для определения временного периода использует следующие формулировки: «в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию» (ст. 151¹, 157, 215⁴ УК РФ); «более двух раз в течение ста восьмидесяти дней» (ст. 212¹ УК РФ); «два раза в течение одного года» (ст. 284¹, 314¹ УК РФ); «лицом, подвергнутым административному наказанию» (ст. 116¹, 158¹, 215³, 264¹, 315 УК РФ); «лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию» (ст. 171⁴ УК РФ); «лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года» (ст. 282 УК РФ).

особенностей объективной стороны, формулировании соответствующих квалифицирующих признаков, особенностей освобождения от уголовной ответственности.

Противоречия, несогласованность между нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства применительно к теме настоящего исследования обуславливают многочисленные предложения по изменению норм, объединенных в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия», начиная с названия этой главы. Многие авторы доказывают необходимость изменения данного названия в связи с противоречиями между содержанием гл. 31 УК РФ и закрепленным как в Конституции РФ (ст. 118), так и в УПК РФ (ст. 8) положением о том, что правосудие в России осуществляется только судом. В главе 31 УК РФ объединены нормы, посягающие на общественные отношения не только в сфере осуществления правосудия, но и в сфере производства предварительного расследования, обеспечения отбывания наказания и применения иных мер уголовно-правового характера. В связи с этим учеными, занимающимися анализом рассматриваемых преступлений, предлагались следующие варианты названия гл. 31 УК РФ: «Преступления в сфере судопроизводства» (Ю. И. Кулешов¹), «Преступления против судебной власти, процессуальной деятельности органов предварительного расследования и органов, призванных исполнять приговоры и иные судебные акты» (Л. А. Спектор²), «Преступления против интересов судебной власти» (И. В. Дворянсков³) «Преступления против порядка расследования дела и осуществления правосудия» (В. А. Виноградова⁴) и др.

¹ См.: Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законодательства и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2007. С. 12.

² См.: Спектор Л. А. Судебная власть как объект уголовно-правовой охраны: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2012. С. 14.

³ См.: Дворянсков И. В. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 11–13.

⁴ См.: Виноградова В. А. Межотраслевые недостатки законодательной регламентации преступлений против правосудия (на примере взаимосвязей УК РФ и УПК РФ) // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXIV Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 6–7 июня 2019 г. / Вост.-Сиб. ин-т МВД России. Иркутск, 2019. С. 123.

Анализируя конкретные составы преступлений, закрепленные в гл. 31 УК РФ, различные авторы отмечали недостатки, обусловленные несогласованностью норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, связанные с определением: 1) специального потерпевшего в преступлениях, предусмотренных ст. 295, 296, 298¹, 302, 309 УК РФ; 2) специального субъекта в преступлениях, предусмотренных ст. 301–303, 306, 307, 312, 313 УК РФ; 3) конструкции и терминологии, используемой при описании признаков объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 299–303, 307, 309, 310 УК РФ.

В рамках проблем межотраслевого и внутриотраслевого согласования норм, регламентирующих ответственность за преступления против правосудия, интересен вопрос об освобождении от уголовной ответственности за преступления против правосудия. Институт освобождения от уголовной ответственности – это один из способов ее дифференциации, проявления компромисса в уголовном законодательстве. Государство отказывается от своего права ограничить правовой статус лица, совершившего преступление, применив к нему предусмотренные УК РФ меры уголовно-правового принуждения для достижения общественно полезной цели.

Компромиссные нормы, регламентирующие различные виды освобождения от уголовной ответственности, содержатся как в Общей (разд. IV), так и в Особенной части УК РФ (примечания к соответствующим статьям). Применительно к последнему варианту общее правило применения данного вида освобождения от уголовной ответственности сформулировано в ч. 2 ст. 75 УК РФ: «Лицо, совершившее преступление иной категории, при наличии условий, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК РФ, может быть освобождено от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ».

Рассмотрим возможности и особенности регламентации освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием за преступления против правосудия. В настоящее время в нормах, предусмотренных гл. 31 УК РФ, возможность освобождения от уголовной ответственности по данному основанию предусмотрена только за заведомо ложное показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод. В соответствии с примечанием

к ст. 307 УК РФ свидетель, потерпевший, эксперт, специалист или переводчик освобождаются от уголовной ответственности, если они добровольно в ходе дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства до вынесения приговора суда или решения суда заявили о ложности данных ими показаний, заключения или заведомо неправильном переводе. Редакция данного примечания получила достаточно негативную оценку как в правоприменительной практике, так и в юридической литературе¹. При его буквальном толковании лжесвидетелю достаточно признать (порой в результате понимания в ходе судебного разбирательства неизбежности оценки показаний как несоответствующих действительности) факт лжесвидетельства и заявить об этом, тем более что никакого указания на необходимость дачи правдивых показаний в примечании к ст. 307 УК РФ не содержится. Не учитываются также и возможные наступившие негативные последствия.

Представляется, что безусловное освобождение от уголовной ответственности лица, просто добровольно заявившего о ложности данных им показаний, заключения или заведомо неправильном переводе, негативно сказывается на эффективности борьбы с лжесвидетельством. Более того, редакция примечания к ст. 307 УК РФ в существующем варианте не соответствует самому понятию *деятельное* раскаяние. По нашему мнению, освобождение от наказания или смягчение последнего в данном случае должно быть правом, а не обязанностью суда, и зависеть от конкретных обстоятельств дела.

И еще один нюанс: российское уголовное законодательство предусматривает ответственность не только за лжесвидетельство, но и за отказ от дачи показаний. Данное преступление является смежным по отношению к лжесвидетельству, и логично было бы предположить, что деятельное раскаяние при его совершении также должно влечь освобождение от уголовной ответственности. Однако российское законодательство не предполагает возможности освобождения от уголовной ответственности за отказ от дачи показаний лица, которое до вынесения приговора суда или решения суда заявит

¹ См., напр.: Махмутов М. Ответственность за лжесвидетельство // Законность. 2006. № 10. С. 39; Каплунов В., Широков В. Лжесвидетельство: проблемы ответственности // Там же. 2008. № 6. С. 7; Горелик А.С., Лобанова Л. В. Указ. соч. С. 303; и др.

о готовности дать соответствующие показания, что, по нашему мнению, оказывается пробелом в законодательстве.

Некоторые авторы считают, что в примечании к ст. 308 УК РФ (равно как и в примечании к ст. 316) также установлены специальные случаи освобождения от уголовной ответственности¹. Думается, что в данном случае в примечаниях к ст. 308 и 316 УК РФ определяются критерии преступности и наказуемости, определяются так называемые негативные признаки специфического специального субъекта – отсутствие родственных или супружеских отношений. В соответствии с примечанием к ст. 308 УК РФ лицо не подлежит уголовной ответственности за отказ от дачи показаний против себя самого, своего супруга или своих близких родственников. Статья 316 УК РФ гласит, что лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее необещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником. В обоих случаях действия (бездействие) указанных лиц изначально нельзя назвать преступными в силу того, что они не являются субъектами указанных преступлений.

Отдельно хотелось бы остановиться на проблеме дифференциации ответственности за преступления против правосудия. Законодатель изменил санкции практически всех норм, предусмотренных статьями рассматриваемой главы (за исключением ст. 299 УК РФ), однако изначально присутствовавших в УК РФ проблем, связанных с дифференциацией уголовной ответственности за посяательства на интересы правосудия и несогласованностью системы санкций, практически не убавилось.

Дифференциация уголовной ответственности – это сложный процесс, требующий обязательного применения комплексного научного подхода. В теории уголовного права выделяются различные виды, средства и способы дифференциации ответственности – образование квалифицированных и привилегированных составов; градирование типового наказания; соотношение наказаний за тяжкое и менее тяжкое преступление; адекватное отражение в санкции характера и степени общественной опасности запрещаемого деяния; изменение

¹ См., напр.: Баранов В.М., Кузнецов А. П., Сомова Ю. В. Ретроспективный анализ примечаний в российском уголовном законодательстве // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 84.

типового наказания в сторону увеличения его строгости с учетом квалифицирующих признаков; освобождение от уголовной ответственности и др.¹

Следует выделить несколько основных проблемных моментов по дифференциации ответственности за преступления против правосудия. Некоторые из них связаны с особенностями конструирования общих и специальных норм в соответствующих статьях гл. 31, другие – с определением санкций.

Остановимся в первую очередь на особенностях изложения диспозиций тех норм, регламентирующих ответственность за посягательства на интересы правосудия, которые, по нашему мнению, нуждаются в коррекции.

Так, ст. 296 УК РФ представляет собой довольно сложную и неудачную законодательную конструкцию. Вряд ли была необходимость предусматривать в различных частях статьи ответственность за угрозы в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а равно их близких (ч. 1 ст. 296 УК РФ), и в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких (ч. 2 ст. 296 УК РФ). При этом санкция ч. 1 ст. 296 УК РФ выше, чем ч. 2 ст. 296 УК РФ. Однако непонятно, чем угрозы в адрес присяжного или арбитражного заседателя опаснее, чем угрозы в адрес прокурора, следователя или эксперта? Согласно названию ст. 296 УК РФ «Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования» в ней также предусматривается ответственность за совершение одного из двух альтернативных действий: или угрозы, или физического насилия. Однако тот факт, что чч. 3, 4 ст. 296 УК РФ сформулированы как квалифицированный и особо квалифицированный составы по отношению к преступлениям, предусмотренным в чч. 1, 2 данной статьи,

¹ См.: Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб и доп. М., 2000. С. 174–176; Козлов А. П. Механизм построения уголовно-правовых санкций: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 26–27; Коробов П. В. Дифференциация уголовной ответственности и классификация уголовно наказуемых деяний: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1983. С. 8 и др.

делает невозможным квалификацию по ст. 296 УК РФ насилия в отношении перечисленных в диспозиции лиц в связи с рассмотрением дела или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, если насилию не предшествовали угрозы либо если оно ими не сопровождалось. Таким образом, насилие само по себе, а не как средство подкрепления угрозы не влечет ответственности по данной статье.

Наиболее удачным вариантом решения проблемы была бы следующая законодательная конструкция: в ч. 1 ст. 296 УК РФ предусматривается ответственность за угрозы в отношении всех перечисленных в диспозиции статьи лиц в связи с рассмотрением дела или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта; в ч. 2 – за насилие, не опасное для жизни и здоровья, а в ч. 3 – за насилие, опасное для жизни и здоровья.

Хотелось бы также отметить, что вряд ли есть смысл в выделении чч. 1, 2 в ст. 298.1 УК РФ, тем более при крайне незначительных отличиях в санкциях, закрепленных в действующем УК РФ. В части 1 ст. 298.1 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за клевету в отношении судьи, присяжного заседателя и иного лица, участвующего в отправлении правосудия, в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, в ч. 2 ст. 298.1 УК РФ – за клевету в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава в связи с производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта.

По степени общественной опасности эти преступления принципиально не отличаются. Сложно выделить какие-либо положительные моменты, которыми бы можно было объяснить необходимость и целесообразность усложнения законодательной конструкции. Более того, из-за ее особенностей клевета в отношении прокурора при выполнении им функции по поддержанию от имени государства обвинения в суде по уголовному делу не может наказываться по ст. 298.1 УК РФ, что едва ли соответствует интересам охраны правосудия.

На наш взгляд, вряд ли можно признать удачной конструкцию ст. 309 УК РФ, объединяющую нормы об ответственности за подкуп и принуждение лиц, дающих показания, эксперта, специалиста и переводчика. Подкуп и принуждение – принципиально разные способы воздействия, существенно отличающиеся по степени общественной опасности. Кроме того, есть еще несколько причин, обуславливающих необходимость закрепления нормы, устанавливающей уголовную ответственность за подкуп участников судопроизводства, в самостоятельной статье УК РФ. Это позволит предусмотреть в ней (норме) в качестве субъекта всех лиц, независимо от их профессиональной принадлежности, осуществляющих предварительное расследование, иных должностных лиц правоохранительных органов, а также частных лиц. Подобное изменение уголовного законодательства будет соответствовать требованиям учета специфики объекта и общественной опасности посягательства при законодательном конструировании уголовно-правовых норм и позволит признавать субъектами подкупа и тех должностных лиц правоохранительных органов, которые являются субъектами преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ.

Выделение двух норм, устанавливающих уголовную ответственность за принуждение лиц, дающих показания, эксперта и специалиста, закрепленных в различных статьях УК РФ, в зависимости от особенностей субъекта преступления, логично и обоснованно, так как при принуждении должностное положение лица оказывает существенное влияние на механизм принуждения, возможности и способы его осуществления. Но при подкупе признаки субъекта такой роли не играют.

Кроме того, объединение в одной статье норм, регламентирующих ответственность за подкуп и принуждение, предопределило проблемы при конструировании квалифицированных составов рассматриваемых преступлений. Так, если следовать буквальному толкованию ч. 4 ст. 309 УК РФ, то закрепленные в ней квалифицирующие признаки – применение насилия, опасного для жизни и здоровья, и совершение преступления организованной группой относятся к деяниям, предусмотренным чч. 1, 2, т. е. к воздействию и в форме подкупа, и в форме принуждения. Но насильственный подкуп – это юридическая бессмыслица. Сам факт применения насилия

означает, что воздействие осуществлялось в форме принуждения. Ну и не совсем, на наш взгляд, удачно устанавливать одинаковую санкцию за подкуп, пусть даже и совершенный организованной группой, и за принуждение с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, или организованной группой. Эти деяния существенно отличаются по степени общественной опасности.

Далее коротко остановимся на проблеме санкций анализируемых норм. В настоящей работе мы, не претендуя на истину в последней инстанции, рассмотрим лишь некоторые недостатки санкций статей гл. 31, которые очевидно не соответствуют общепризнанным принципам конструирования санкций уголовно-правовых норм.

В первую очередь хотелось бы проанализировать нормы гл. 31, регламентирующие ответственность за посягательства на интересы правосудия, сопряженные с применением психического и физического насилия в отношении участников судопроизводства. Именно здесь особенно явно проявляется нарушение принципа системности уголовного закона.

Вряд ли можно признать удачной возможность назначения штрафа за преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 296 УК РФ и ч. 2 ст. 309 УК РФ, в то время как даже общая норма об ответственности за угрозу (ст. 119 УК РФ) данного вида наказания не предусматривает. Кроме того, следует отметить несогласованность между собой санкции ч. 4 ст. 296 УК РФ, предусматривающей наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет за применение в отношении участников судопроизводства насилия, опасного для жизни или здоровья, и санкции ч. 4 ст. 309 УК РФ, предусматривающей наказание в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет за принуждение в отношении участников судопроизводства, совершенные общим субъектом с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо организованной группой.

Еще более необъяснимой выглядит санкция ст. 302 УК РФ, предусматривающей ответственность за принуждение участников уголовного судопроизводства, совершаемое специальным субъектом. Часть 1 анализируемой статьи предусматривает наказание в виде ограничения свободы на срок до трех лет, либо принудительных работ на срок до трех лет, либо лишения свободы на тот же срок; ч. 2 – лишение свободы на срок от двух до восьми лет; ч. 3 – лишение

свободы на срок от четырех до двенадцати лет. Указанная норма является специальной по отношению к предусмотренной ст. 286 УК РФ, выступающей в данном случае как общая норма. В то же время превышение должностных полномочий, совершенное с угрозой применения насилия (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ), наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет. Даже основной состав превышения должностных полномочий предусматривает верхний предел наказания в виде лишения свободы на срок до четырех лет. И лишь ч. 4 ст. 286 УК РФ, являющаяся общей нормой по отношению к ч. 3 ст. 302 УК РФ, содержит такую же санкцию. Данные части были введены в УК РФ Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ, и в этом случае законодатель принял согласованное решение по санкциям обеих норм, однако не сделал ничего, чтобы устранить имевшиеся недостатки.

При сопоставлении санкций ч. 1 ст. 302 и ч. 2 ст. 309 УК РФ очевидно, что верхний предел наказания за принуждение, соединенное с психическим насилием, одинаков для преступлений, совершаемых общим и специальным субъектом (лишение свободы на срок до трех лет), что в данном случае недопустимо: необходимо изменение в сторону увеличения как нижнего, так и верхнего пределов наказания в санкции нормы, предусмотренной ст. 302 УК РФ.

Системный анализ норм уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за различные виды подкупа, позволяет выявить несколько достаточно существенных недостатков. Очевидно, что санкция нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 309 УК РФ, не отражает в полной мере характер и степень общественной опасности запрещаемого деяния. Это проявляется, на наш взгляд, при установлении как нижнего, так и верхнего пределов наказания. Установление за подкуп участников судопроизводства наказания почти в три раза меньше, чем минимальный размер санкции за другие виды подкупа, явно не соответствует опасности этого деяния. Вряд ли можно говорить о том, что подкуп участников судопроизводства, посягающий на интересы правосудия в сфере обеспечения процессуального порядка получения доказательств и установления объективной истины по делу, обладает такой же, а тем более меньшей общественной опасностью, чем подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных

коммерческих конкурсов. Сравнительный анализ норм уголовного законодательства свидетельствует о том, что и верхний предел наказания в рассматриваемой норме меньше установленного за другие виды подкупа.

В заключение следует отметить, что рассогласованность законодательства как на межотраслевом, так и на внутриотраслевом уровне негативно влияет на эффективность соответствующих правовых норм. Деятельность научного сообщества и законодателя по оптимизации национальной правовой системы, устранению существующих пробелов и противоречий, конструированию вновь принимаемых норм с учетом системного характера права обеспечит нормальное уголовно-правовое регулирование общественных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

Международные

1. Всеобщая Декларация прав человека: принята и провозглашена Генер. Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

2. Государствам – членам Совета Европы – относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и уголовного процесса : рек. Совета Министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. № R (85) 11 // Российская юстиция. – 1997. – № 7. – С. 6–7.

3. Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания: принята 9 декабря 1975 г. // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

4. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью: принята 29 ноября 1985 г. резолюцией 40/34 Генер. Ассамблеи ООН // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

5. Декларация прав и свобод человека и гражданина // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года; подписана РФ 28 февраля 1996 г.; ратифицирована Федер. законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

7. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: принята 10 декабря 1984 г.; подписана от имени Правительства СССР 10 декабря 1985 г.; ратифицирована Указом Президиума ВС СССР от 21 января 1987 г. № 6416-XI; вступила в силу 26 июня 1987 г. // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

8. Конвенция против транснациональной организованной преступности: принята в Палермо 13 декабря 2000 г. // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

9. О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству : модельный закон : постановление X Пленума Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 6 декабря 1997 г. № 10–13 // Информационный бюллетень Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ. – 1998. – № 16. – С. 241–255.

10. О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием : рек. № R (2005) 9 Комитета министров Совета Европы государствам-членам: принята 20 апреля 2005 г. на 924-м заседании представителей министров // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

11. Римский статут Международного уголовного суда: принят 17 июля 1998 г. // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

Российские

12. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, принятых в ходе голосования 01.07.2020) // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

13. О безопасности : федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

14. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

15. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов : федер. закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

16. О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (с изм., внесенными постановлением Конституционного Суда РФ

от 10 февраля 2015 г. № 1-П, Федер. законом от 6 апреля 2015 г. № 68-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

17. О противодействии коррупции : федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

18. О ратификации Соглашения о защите участников уголовного судопроизводства : федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 275-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

19. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

20. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

21. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

22. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

II. Монографии, учебники, учебные пособия

23. Абельцев, С. Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия / С. Н. Абельцев. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 207 с. – ISBN 5-238-00165-7.

24. Агузаров, Т. К. Преступные посягательства на независимость и неприкосновенность судей / Т. К. Агузаров. – Москва : Проспект: Велби, 2004. – 128 с. – ISBN 5980326871.

25. Акимов, С. Р. Принципы правосудия : учеб. пособие / С. Р. Акимов, Ю. Ю. Акимова. – Казань : Бук, 2023. – 52 с.

26. Байсалуева, Э. Ф. Преступления против правосудия, совершаемые лицами, осуществляющими предварительное расследование : монография / Э. Ф. Байсалуева. – Тюмень : Тюмен. ин-т повышения

квалификации сотр. МВД России, 2018. – 148 с. – ISBN 978-5-93160-285-1.

27. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа ; сост. и предисл. В. С. Овчинского. – Москва : ИНФРА-М, 2004. – 184 с. – ISBN 978-5-16-009740-4.

28. Борков, В. Н. Преступления, совершаемые при осуществлении правосудия, предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности / В. Н. Борков. – Омск : Омская акад. МВД России, 2022. – 180 с.

29. Бриллиантов, А. В. Настольная книга судьи: преступления против правосудия : практ. пособие / А. В. Бриллиантов, Н. Р. Косевич. – Москва : Велби : Проспект, 2008. – 560 с. – ISBN 9785482020340.

30. Брусницын, Л. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование) : монография / Л. В. Брусницын. – Москва : Юрлитинформ, 2001. – 400 с. – ISBN 5-93295-033-1.

31. Вилкова, Т. Ю. Принцип участия граждан в осуществлении правосудия в уголовном судопроизводстве : монография / Т. Ю. Вилкова, С. А. Насонов. – Москва : Юрайт, 2017. – 261 с. – ISBN 978-5-534-04947-3.

32. Власов, И. С. Ответственность за преступления против правосудия / И. С. Власов, И. М. Тяжкова. – Москва : Юрид. лит., 1968. – 136 с.

33. Волосова, Н. Ю. Преступления против правосудия : учеб. пособие / Н. Ю. Волосова. – Оренбург : Оренбург. гос. ун-т, 2022. – 199 с.

34. Вопросы совершенствования деятельности по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите : материалы Всерос. семинара-совещ. с рук. подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих гос. защите, территор. органов МВД России. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2012. – 54 с.

35. Воронов, А. М. Общественная безопасность: административные и информационно-правовые проблемы обеспечения и организации управления : монография / А. М. Воронов. – Москва : ВНИИ МВД России, 2004. – 206 с.

36. Гармаев, Ю. П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве: средства предупреждения и нейтрализации : монография / Ю. П. Гармаев. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 440 с. – ISBN 978-5-93295-566-6.

37. Гаухман, Л. Д. Насилие как средство совершения преступления / Л. Д. Гаухман. – Москва : Юрид. лит., 1974. – 167 с.

38. Гельдибаев, М. Х. Квалификация преступлений против правосудия / М. Х. Гельдибаев. – Санкт-Петербург : Астерион, 2021. – 104 с. – ISBN 978-5-00188-017-2.

39. Георгиевский, Э. В. Преступления против правосудия в истории уголовного законодательства / Э. В. Георгиевский, Р. В. Кравцов. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2022. – 135 с. – ISBN 978-5-9624-2073-8.

40. Горелик, А. С. Конкуренция уголовно-правовых норм : учеб. пособие / А. С. Горелик. – Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1998. – 106 с. – ISBN 5-230-07995-9.

41. Горелик, А. С. Преступления против правосудия : монография / А. С. Горелик, Л. В. Лобанова. – Санкт-Петербург : Юрид-ЦентрПресс, 2005. – 491 с. – ISBN 5942014035.

42. Дворянсков, И. В. Правосудие как объект уголовно-правовой охраны (проблемы законодательной регламентации, теории и практики) : монография / И. В. Дворянсков [и др.] ; отв. ред. А. И. Чучаев. – Махачкала : Юпитер, 2003. – 409 с.

43. Дворянсков, И. В. Уголовно-правовая охрана отправления правосудия: историко-правовое исследование / И. В. Дворянсков, А. И. Друзин, А. И. Чучаев / отв. ред. И. А. Исаев. – Москва : 4-й фил. Воениздата, 2002. – 150 с. – ISBN 5-203-02749-5.

44. Дворянсков, И. В. Уголовно-правовая охрана процессуального порядка получения доказательств : монография / И. В. Дворянсков; отв. ред. А. И. Чучаев. – Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2001. – 177 с. – ISBN 5-7769-0025-5.

45. Демин, Ю. М. Преступления против правосудия : лекция / Ю. М. Демин. – Москва : МВД России, ЦУ и НМОКП, 1998. – 107 с.

46. Дзидзария, Б. Ю. Уголовно-правовая защита прав обвиняемого и подозреваемого : монография / Б. Ю. Дзидзария. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 192 с. – ISBN 978-5-93295-747-9.

47. Друзин, А. И. Предупреждение преступлений против правосудия, совершаемых лицами, отбывающими наказание: криминологические, организационные и уголовно-правовые аспекты / А. И. Друзин. – Ульяновск : Ульяновский дом печати, 2003. – 128 с. – ISBN 5-901141-55-5.

48. Емеева, Н. Р. Уголовная ответственность за преступления против правосудия, совершаемые судьями и должностными лицами правоохранительных органов : монография / Н. Р. Емеева / науч. ред. В. П. Малков, гл. ред. Г. Я. Дарчинова. – Казань : Познание, 2008. – 252 с. – ISBN 978-5-8399-0274-9.

49. Замылин, Е. И. Заведомо ложный донос и лжесвидетельство: проблемы квалификации и доказывания: монография / Е. И. Замылин, В. В. Намнясева, М. С. Колосович. – Волгоград : ВА МВД России, 2013. – 296 с. – ISBN 978-5-7899-0894-5.

50. Замылин, Е. И. Преступления, посягающие на безопасность участников уголовного судопроизводства: проблемы квалификации и доказывания: науч.-практ. пособие / Е. И. Замылин, В. В. Намнясева, Т. И. Ширяева. – Волгоград : ВА МВД России, 2012. – 188 с.

51. Замылин, Е. И. Противоправное воздействие на интересы правосудия: подкуп и принуждение (общая характеристика, проблемы ответственности, методы борьбы и нейтрализация) / Е. И. Замылин, В. В. Намнясева, В. И. Борисов. – Волгоград : ВА МВД России, 2016. – 404 с. – ISBN 978-5-7899-0990-4.

52. Кальченко, Н. В. Право человека на жизнь (вопросы теории и практики) : учеб. пособие / Н. В. Кальченко. – Волгоград : ВА МВД России, 2003. – 76 с. – ISBN 5-7899-0282-0.

53. Кленова, Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм / Т. В. Кленова. – Самара : Самар. гуманитар. акад., 2001. – 244 с. – ISBN 5-86465-197-4.

54. Кондратьев, Ю. А. Преступления против интересов правосудия: вопросы истории, теории и практики / Ю. А. Кондратьев, Т. Ю. Маркова. – Москва : КноРус, 2019. – 260 с. – ISBN 978-5-4365-7128-7.

55. Кулешов, Ю. И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации : учеб. пособие / Ю. И. Кулешов. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2001. – 152 с.

56. Кулешов, Ю. И. Преступления против правосудия: проблемы квалификации и законодательной регламентации : монография / Ю. И. Кулешов. – Москва : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – 208 с.
57. Кулешов, Ю. И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения : монография / Ю. И. Кулешов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – 294 с. – ISBN 978-5-7444-1992-9.
58. Кульберг, Я. М. Преступления против правосудия / Я. М. Кульберг. – Москва : Госюриздат, 1962. – 64 с.
59. Лобанова, Л. В. Преступления против правосудия: общая характеристика и классификация / Л. В. Лобанова. – Волгоград : ВолГУ, 2004. – 61 с. – ISBN 5-85534-913-6.
60. Лобанова, Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации : монография / Л. В. Лобанова. – Волгоград : ВолГУ, 1999. – 268 с. – ISBN 5-85534-234-4.
61. Лобанова, Л. В. Уголовная ответственность за ложную информацию и понуждение к нарушению обязанности содействовать правосудию : учеб. пособие / Л. В. Лобанова. – Волгоград : ВолГУ, 1997. – 73 с. – ISBN 5-85534-115-1.
62. Лозовицкая, Г. П. Правовые проблемы законодательства о государственной защите участников уголовного судопроизводства : науч.-практ. коммент. / Г. П. Лозовицкая, К. А. Краснова. – Москва : ВНИИ МВД России, 2011. – 84 с.
63. Лозовицкая, Г. П. Преступления против участников уголовного судопроизводства : монография / Г. П. Лозовицкая. – Москва : ВНИИ МВД России, 2008. – 212 с.
64. Лозовицкая, Г. П. Уголовная ответственность за преступления против правосудия: монография / Г. П. Лозовицкая ; под ред. Ю. М. Антоняна. – Москва : ВНИИ МВД России, 2007. – 166 с.
65. Лунев, В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции : монография / В. В. Лунев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. – 912 с. – ISBN 5-89123-205-7.
66. Милуков, С. Ф. Преступления против правосудия / С. Ф. Милуков. – Санкт-Петербург : О-во «Знание» СПб. и Ленингр. обл., 1999. – 184 с.

67. Намнясева, В. В. Классификация преступлений против правосудия : учеб. пособие / В. В. Намнясева. – Волгоград : ВА МВД России, 2013. – 68 с. – ISBN 978-5-7899-0903-4.

68. Неклюдов, Н. А. Противодействие правосудию и злоупотребления по службе : лекция / Н. А. Неклюдов. – Санкт-Петербург, 1892. – 68 с.

69. Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование / под ред. проф. А. И. Долговой. – Москва : Рос. криминолог. ассоц., 2009. – 356 с. – ISBN 978-5-87817-073-4.

70. Нуркаева, Т. Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами : монография / Т. Н. Нуркаева. – Санкт-Петербург : Юрид. центр-Пресс, 2003. – 250 с. – ISBN 5-94201-237-7.

71. Преступления против правосудия : учеб. пособие / под ред. А. В. Галаховой. – Москва : Норма, 2005. – 416 с. – ISBN 5-89123-890-X.

72. Преступления против правосудия: глава 31 УК РФ / Н. А. Лопашенко, А. В. Голикова, Д. А. Ковлагина, Р. А. Комягин. – Москва : Юрлитинформ, 2023. – 560 с. – ISBN 978-5-4396-2555-0.

73. Преступления против правосудия: толкование уголовного закона: коммент. ст. УК РФ: материалы судебной практики: статистика / А. Н. Александров [и др.]. – Москва : Норма, 2005. – 415 с. – ISBN 5-89123-890-X.

74. Рашковская, Ш. С. Преступления против правосудия : учеб. пособие / Ш. С. Рашковская. – Москва : ВЮЗИ, 1978. – 104 с.

75. Сердюк, Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование : монография / Л. В. Сердюк ; под ред. д-ра юрид. наук, проф. С. П. Щербы. – Москва : Юрлитинформ, 2002. – 384 с. – ISBN 5-93295-059-5.

76. Тепляшин, П. В. Преступления против правосудия : учеб. пособие / П. В. Тепляшин. – Красноярск : СЮИ МВД России, 2004. – 160 с.

77. Томин, В. Т. Избранные труды / В. Т. Томин. – Омск : ОМА МВД России, 2004. – 148 с. – ISBN 5-88651-291-8.

78. Томин, В. Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается : монография / В. Т. Томин. – Горький : ГВШ МВД СССР, 1989. – 112 с.

79. Федоров, А. В. Преступления против правосудия: вопросы истории, понятия и классификации / А. В. Федоров ; отв. ред. А. И. Чучаев. – Калуга : Политоп, 2004. – 283 с. – ISBN 5-93821-036-4.

80. Хабибуллин, М. Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву / М. Х. Хабибуллин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1975. – 160 с.

81. Чечель, Г. И. Квалификация истязания по действующему законодательству / Г. И. Чечель. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1989. – 69 с.

82. Чучаев, А. И. Преступления против правосудия : науч.-практ. коммент. / А. И. Чучаев. – Ульяновск : Дом печати, 1997. – 80 с. – ISBN 5-900153-24-X.

83. Шарапов, Р. Д. Преступное насилие : монография / Р. Д. Шарапов. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 496 с. – ISBN 978-5-93295-469-0.

III. Статьи, тезисы выступлений

84. Авдеева, Е. А. К вопросу о латентности принуждения к даче показаний / Е. А. Авдеева // Закон и право. – 2008. – № 2. – С. 93–94.

85. Авдеева, Е. А. О допустимости применения принуждения к даче показаний / Е. А. Авдеева // Закон и право. – 2008. – № 3. – С. 85–86.

86. Адвокат грозил убийством свидетелю, понуждая его к даче ложных показаний. – URL : <http://www.regnum.ru/2008/06/02/news/1008684.html> (дата обращения: 15.08.2013).

87. Амашева, С. С. Понятие «принуждения» к даче показаний / С. С. Амашева // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. – 2018. – Вып. 19. – С. 58–61.

88. Багаутдинов, Ф. Закон об адвокатуре: взгляд с другой стороны / Ф. Багаутдинов // Российская юстиция. – 2001. – № 5. – С. 8–10.

89. Багаутдинов, Ф. Н. Обеспечение безопасности и защиты свидетелей и потерпевших по делам о бандитизме и преступном сообществе / Ф. Н. Багаутдинов, М. В. Беляев // Российский следователь. – 2002. – № 8. – С. 12–15.

90. Баев, О. Я. Принуждение к даче показаний: криминалистический анализ состава преступления / О. Я. Баев // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 3. – С. 227–238.

91. Барышева, В. Ответственность за лжесвидетельство и принуждение к даче показаний / В. Барышева // Законность. – 2003. – № 5. – С. 49.

92. Белозерских, А. Проблемы квалификации фальсификации доказательств по уголовному делу по признакам объективной стороны состава преступления / А. Белозерских // Уголовное право. – 2010. – № 4. – С. 8–11.

93. Бессонова, И. В. Вопросы толкования и квалификации преступлений против правосудия / И. В. Бессонова, А. В. Кузнецов // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2021. – № 1(47). – С. 98–101.

94. Борков, В. Н. Юридика-исторический аспект ответственности должностных лиц за преступления против правосудия / В. Н. Борков, Д. А. Огорелков // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 1(104). – С. 17–26.

95. Быканов, М. Лжесвидетельство – враг правосудия / М. Быканов // Законность. – 2006. – № 5. – С. 26–27.

96. Верещагина, А. В. Эволюция легализации преступлений против правосудия в российском уголовном законодательстве / А. В. Верещагина // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 123–133.

97. Виноградова, А. Д. Фальсификация доказательств сотрудниками органов внутренних дел (опыт социологического исследования) / А. Д. Виноградова // Следователь. – 2011. – № 1 (153). – С. 43–45.

98. Виноградова, В. А. Межотраслевые недостатки законодательной регламентации преступлений против правосудия (на примере взаимосвязей УК РФ и УПК РФ) / В. А. Виноградова // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXIV Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 6–7 июня 2019 г. / Вост.-Сиб. ин-т МВД России. – Иркутск : Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2019. – С. 122–124.

99. Волошина, О. П. Актуальные вопросы обеспечения охраны свидетелей уголовно-правовыми и иными средствами / О. П. Волошина // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – № 4. – С. 196–197.

100. Гармаев, Ю. П. Противодействие незаконным способам защиты на предварительном следствии / Ю. П. Гармаев // Российский следователь. – 2002. – № 8. – С. 16–19.

101. Гертель, Е. В. Разграничение понятий «насилие» и «принуждение» в уголовном праве / Е. В. Гертель // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 17–19.

102. Голубов, И. И. Насилие в преступлениях против правосудия / И. И. Голубов, И. Н. Васильев // Российский следователь. – 2003. – № 10. – С. 34–37.

103. Гончаров, В. Б. Проблемы безопасности участников уголовного процесса / В. Б. Гончаров, В. В. Кожевников // Государство и право. – 2000. – № 2. – С. 49–56.

104. Гудков, И. В. Потерпевшие в преступлениях против правосудия / И. В. Гудков, А. А. Озерная // Молодежь и наука: шаг к успеху : сб. науч. ст. 4-й Всерос. науч. конф. перспект. разработ. молодых ученых, Курск, 19–20 марта 2020 г. / отв. ред. А. А. Горохов. – Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2020. – В 5 т. Т. 2. С. 76–77.

105. Дворжицкая, М. А. Несообщение о преступлении: преступление против общественной безопасности или правосудия? / М. А. Дворжицкая // Уголовное право России: состояние и перспективы (преступления против общественной безопасности) : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. «Волженкинские чтения», Санкт-Петербург, 29 ноября 2019 г. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры РФ 2020. – С. 55–57.

106. Девятковская, С. В. Понятие принуждения в российском уголовном праве / С. В. Девятковская // Юристы-Правоведы. – 2010. – № 2. – С. 126–130.

107. Десять лет проведет в тюрьме пскович за разбой и принуждение свидетеля к даче ложных показаний. – URL : <http://inform-pskov.ru/06.06.2007/accidents/35303.html> (дата обращения: 12.04.2022).

108. Додонов, В. Усилить спрос за лжесвидетельство / В. Додонов // Законность. – 2006. – № 5. – С. 27–28.

109. Евсеев, Г. В. Этимологическое содержание подкупа / Г. В. Евсеев // Вестник Таганрогского гос. педагогического института. – 2010. – № 1. – С. 17–21.
110. Жилияев, Р. М. К вопросу об ответственности адвоката / Р. М. Жилияев, И. Н. Медведева, В. Б. Первозванский // Адвокатская практика. – 2015. – № 3. – С. 7–12.
111. Завьялова, П. А. Проблемы уголовно-правовой оценки принуждения к даче объяснений / П. А. Завьялова // Материалы научной сессии, Волгоград, 26–30 апреля 2010 г. – Вып. 1 : Право. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 142–147.
112. Зеленин, С. Р. Позиции Пленума ВС РФ по уголовным делам о преступлениях против правосудия / С. Р. Зеленин, С. В. Борисов // Уголовный процесс. – 2022. – № 8(212). – С. 24–31.
113. Зиновьев, И. Уголовно наказуемое принуждение / И. Зиновьев // Законность. – 2007. – № 8. – С. 49–50.
114. Иванов, В. Д. Преступления, противодействующие осуществлению правосудия и процессуальной деятельности правоохранительных органов / В. Д. Иванов, А. Ю. Каширин // Правовой порядок: актуальные проблемы социально-правовой теории : межвуз. сб. науч. тр. – Ч. II. – Ростов-на-Дону : Изд-во РСЭИ, 2010. – С. 203–208.
115. Идилов, А. И. Система преступлений против правосудия, их структуризация / А. И. Идилов // Евразийский научный журнал. – 2017. – № 2. – С. 67–68.
116. Карнаухова, О. Г. Процесс формирования заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших / О. Г. Карнаухова // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 1. – С. 147–152.
117. Козюра, Е. Н. Законодательство России и США по обеспечению мер безопасности в отношении лиц, подлежащих государственной защите / Е. Н. Козюра, С. Н. Чмырев // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 1. – С. 165–167.
118. Кротова, Л. А. Преступления против правосудия: первый опыт обобщения судебной практики / Л. А. Кротова, Р. Х. Шаутаева // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2023. – Т. 33, № 3. – С. 508–515.
119. Кругликов, Л. Л. О понятии и уголовно-правовой оценке насилия / Л. Л. Кругликов // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 72–75.

120. Кузьмина, С. С. Ответственность за подстрекательство и понуждение к даче заведомо ложных показаний / С. С. Кузьмина // Законность. – 1993. – № 8. – С. 19–22.

121. Кулешов, Ю. И. Некоторые аспекты эволюции правовых норм об ответственности за преступления против правосудия в российском законодательстве / Ю. И. Кулешов // История государства и права. – 2010. – № 14. – С. 12–16.

122. Кулешов, Ю. И. Некоторые теоретические аспекты уголовной ответственности за насильственные действия, совершаемые в отношении участников судопроизводства (ст. 296 УК) / Ю. И. Кулешов // Уголовное право. Стратегия развития в XXI веке : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Москва : Велби : Проспект, 2005. – С. 267–270.

123. Кулешов, Ю. И. Преступления против правосудия: криминологическая характеристика и современные тенденции / Ю. И. Кулешов // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. – 2006. – № 1. – С. 152–164.

124. Латанцева, О. М. Особенности преступлений, связанных с принуждением к даче показаний / О. М. Латанцева // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. I. – Иркутск : Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2011. – С. 161–162.

125. Линевич, Я. В. К вопросу об уголовно-правовой охране сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства по законодательству некоторых зарубежных стран / Я. В. Линевич // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2014. – № 2. – С. 87–89.

126. Лобанова, Л. В. Понуждение к нарушению обязанности содействовать правосудию / Л. В. Лобанова // Юстиция. – 1998. – № 5. – С. 12–13.

127. Лозовицкая, Г. П. Проблемы безопасности участников правосудия / Г. П. Лозовицкая // Российский следователь. – 2007. – № 16. – С. 9–11.

128. Лозовицкая, Г. П. Проблемы виктимологической профилактики преступлений против участников уголовного судопроизводства / Г. П. Лозовицкая // Российский следователь. – 2007. – № 23. – С. 19–21.

129. Маркина, Р. Ф. Место доказательств в преступлениях против правосудия / Р. Ф. Маркина // Энигма. – 2020. – № 28-1. – С. 46–51.

130. Маркина, Р. Ф. Назначение наказания за совершение преступлений против правосудия / Р. Ф. Маркина // Аллея науки. – 2020. – Т. 1, № 12(51). – С. 673–676.

131. Махмутов, Т. А. Виды преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами органов предварительного следствия / Т. А. Махмутов // Бизнес. Образование. Право. – 2020. – № 4(53). – С. 349–352.

132. Мельниченко, Р. Г. Уголовная ответственность адвоката за фальсификацию доказательств / Р. Г. Мельниченко // Уголовный процесс. – 2011. – № 4. – С. 18–23.

133. Метельский, П. С. Тенденции уголовно-правового регулирования преступлений против правосудия в XXI веке / П. С. Метельский, И. В. Матвеев // Сибирский антропологический журнал. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 163–173.

134. Мищенко, А. Почему ст. 307, 308, 309 УК не работают? / А. Мищенко // Законность. – 2007. – № 3. – С. 41–43.

135. Намнясева, В. В. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности за преступления против правосудия / В. В. Намнясева // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2015. – № 15-2. – С. 36–38.

136. Намнясева, В. В. Некоторые вопросы уголовной ответственности за подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу / В. В. Намнясева // Юрист-правовед. – 2013. – № 5. – С. 60–64.

137. Намнясева, В. В. Ответственность за подкуп и принуждение участников судопроизводства в уголовном законодательстве стран семьи общего права: сравнительно-правовой анализ / В. В. Намнясева // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 24. – С. 229–231.

138. Намнясева, В. В. Проблемные вопросы уголовной ответственности за отказ от дачи показаний / В. В. Намнясева // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 1. – С. 49–59.

139. Намнясева, В. В. Проблемные вопросы уголовной ответственности за преступления против правосудия, посягающие на безопасность лиц, способствующих раскрытию и расследованию пре-

ступлений / В. В. Намнясева // Современные проблемы противодействия преступности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Волгоград : ВА МВД России, 2010. – С. 278–289.

140. Намнясева, В. В. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь участников судопроизводства / В. В. Намнясева // Развитие криминологии и криминологических основ совершенствования законодательства о борьбе с преступностью : сб. науч. ст. / редкол.: О. В. Стрилец [и др.]. – Волгоград : ВА МВД России, 2011. – С. 116–121.

141. Нгуен, Н. К. К вопросу об уголовной ответственности за преступления против правосудия в Социалистической Республике Вьетнам (СРВ) / Н. К. Нгуен // Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 147–154.

142. Новикова, М. А. Способы разглашения следственной тайны и сведений о мерах безопасности участников уголовного судопроизводства / М. А. Новикова // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 2. – С. 57–61.

143. Новичков, В. Е. «Черные дыры» в обеспечении уголовно-правовой защиты от разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса / В. Е. Новичков, М. И. Логвинов // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 228–230.

144. Нуркаева, Т. Н. О разграничении составов преступлений, предусматривающих ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении лиц, подлежащих государственной защите, и совершенствовании их законодательной конструкции / Т. Н. Нуркаева, Я. В. Линевиц // Вестник ВЭГУ. – 2014. – № 4 (72). – С. 46–55.

145. Нуркаева, Т. Н. Спорные вопросы толкования и квалификации разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении лиц, подлежащих государственной защите / Т. Н. Нуркаева, Я. В. Линевиц // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 января 2015 г. – Москва : РГ-Пресс, 2015. – С. 453–456.

146. Поляков, В. Ю. Преступления против отправления правосудия в практике Международного уголовного суда / В. Ю. Поляков,

В. В. Московский // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Е, Юридические науки. – 2021. – № 2. – С. 68–74.

147. Приговором суда осужден молодой человек, принуждавший свидетеля по уголовному делу к отказу от дачи показаний. – URL : <http://www.prokuror.rostow.ru/03.10.2008/novosti-sledstvennogoupravleniya.html> (дата обращения: 15.04.2022).

148. Рудик, В. Ю. Социальная обусловленность уголовной ответственности за совершение преступлений против правосудия / В. Ю. Рудик // Аллея науки. – 2023. – Т. 1, № 6(81). – С. 1190–1194.

149. Тепляшин, П. Разглашение данных предварительного расследования / П. Тепляшин // Законность. – 2004. – № 12. – С. 10–11.

150. Толстых, В. Л. Международные суды и участие России в их деятельности // Экономические стратегии. – 2009. – № 7. – С. 81–84.

151. Тяжкова, И. М. Ответственность за незаконное принуждение / И. М. Тяжкова // Вестник Московского университета. – Сер. 11, Право. – 2006. – № 5. – С. 83–93.

152. Халиков, А. Н. Умысел при совершении преступлений против правосудия / А. Н. Халиков // Юристъ-Правоведъ. – 2022. – № 4(103). – С. 17–21.

153. Харченко, О. В. Уголовно-правовая охрана следственной тайны / О. В. Харченко // Российский следователь. – 2007. – № 3. – С. 17–19.

154. Чучаев, А. Ответственность за принуждение к противодействию осуществлению правосудия / А. Чучаев, И. Дворянсков // Законность. – 2001. – № 4. – С. 11–14.

155. Чучаев, А. Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу / А. Чучаев, А. Федоров // Законность. – 2004. – № 7. – С. 10–11.

156. Шевелева, С. В. О защите личных прав и свобод гражданина в преступлениях против правосудия в свете последних изменений законодательства / С. В. Шевелева, А. Б. Баумштейн // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегод. Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 6–7 июня 2019 г. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. ун-ет МВД России, 2019. – С. 224–229.

157. Шестаков, А. Л. Нормативные аспекты защиты правосудия от незаконного принуждения в зарубежном уголовном праве /

А. Л. Шестаков // Международное публичное и частное право. – 2011. – № 3 (60). – С. 42–45.

158. Шестаков, А. Л. Сущность и место принуждения в системе способов совершения преступлений против правосудия / А. Л. Шестаков // Российский судья. – 2010. – № 1. – С. 23–25.

159. Шидула, И. Р. Уголовно-правовые средства обеспечения безопасности личности потерпевшего от преступного посягательства против жизни и здоровья / И. Р. Шидула // Преступность и общество : сб. науч. тр. – Москва : ВНИИ МВД России, 2010. – С. 174–178.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Намнясева Виктория Вячеславовна

**ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ НОРМ,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ОХРАНУ
ИНТЕРЕСОВ ПРАВОСУДИЯ**

Монография

Редактор *У. В. Наумова*
Компьютерная верстка *Ю. В. Сиволапова*
Дизайн обложки *А. Н. Улизко*

При дизайне обложки использовались материалы сайта:
<https://avatars.mds.yandex.net/i?id=f296abbef97c250f3e39e8aa7efd2cd122185a00-6059293-images-thumbs&n=13>

Волгоградская академия МВД России.
400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано в печать 21.12.2023. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Физ. печ. л. 9,3. Усл. печ. л. 8,6.
Тираж 100 экз. Заказ № 70.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.